Д. Е. МЕЛЬНИКОВ

ЗАГОВОР 20 июля 1944 года в ГЕРМАНИИ

Д. МЕЛЬНИКОВ

ЗАГОВОР 20 июля 1944 года в ГЕРМАНИИ

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

(издание второе, переработанное)

Издательство „Международные отношения“
Москва 1965

20 июля 1944 г. в ставке Гитлера в Восточной Пруссии взорвалась бомба. Несколько человек было убито на месте; Гитлер получил ожоги, у него временно отнялась рука и лопнули барабанные перепонки. Взрыв в «логове волка» (так официально называлась ставка фюрера), подобно яркой вспышке, осветил истинное положение в фашистском рейхе — грызню в правящем лагере Германии, глубокий кризис ее верхушки, борьбу некоторых кругов германской буржуазии за свержение гитлеровского правительства.

Драматические события в ставке Гитлера привлекли внимание историков, публицистов и писателей во многих странах. Книги о заговоре, изданные за рубежом, могли бы составить целую библиотеку.

В советской исторической литературе книга Д. Е. Мельникова явилась первой работой, посвященной всему комплексу проблем заговора 20 июля 1944 г. Автор раскрывает их на фоне поражений фашистских войск на советско-германском фронте и общей борьбы немецких антифашистов во главе с Коммунистической партией против гитлеровского режима. Автор описывает планы, взгляды и действия главных руководителей заговора 20 июля 1944 г., соблюдая строго дифференцированный подход к ним; рисует портреты прогрессивно настроенных деятелей заговора, борцов против гитлеровского господства — Штауффенберга, Йорка фон Вартенбурга и других.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Между первым и вторым изданиями настоящей книги прошло более трех лет. За это время накопилось много новых материалов о заговоре 20 июля 1944 г. и был опубликован ряд исследований. Автор имел также возможность ознакомиться с некоторыми архивами в Германской Демократической Республике и в ФРГ, встретиться и беседовать с непосредственными участниками событий 20 июля 1944 г.

Новые материалы и исследования расширили знания о кризисе правящего лагеря фашистской Германии и о движении Сопротивления в германском тылу в последние годы войны. Это вызвало необходимость внести существенные изменения в работу.

Изменениям подверглись все разделы книги, добавлен и уточнен фактический материал.

Наиболее серьезно переработаны разделы книги, касающиеся развития заговора в конце 1942 — начале 1943 года, организации покушения и хода событий в Берлине и в Париже 20 июля 1944 г., деятельности «кружка Крейзау» и группы Штауффенберга и причин провала заговора. Особое внимание автор обратил на описание взглядов руководителей прогрессивного крыла заговорщиков. Автор дополнил работу портретами наиболее выдающихся представителей демократически настроенной части заговорщиков. Значительно расширена глава, в которой анализируется современная западногерманская историография.

Вместе с тем большое внимание, как и в первом изда-

нии, уделено ответу на два важных вопроса: о размахе заговора, его распространении в различных кругах германского общества и о причинах провала заговора. Вопрос о распространении заговора — не просто вопрос о численном составе заговорщиков. Автор пытался показать распространение заговора в самых различных слоях гитлеровских верхов. Причины провала заговора анализируются автором, учитывая характер заговора, состав заговорщиков и общую обстановку в фашистской Германии.

Автор приносит благодарность сотрудникам Института марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии, Института современной истории в Берлине и Института военной истории в Потсдаме, архивами и фондами которых он пользовался при переработке своей книги.

Глава первая

ГИТЛЕРОВСКИЙ ТЫЛ В 1943—1944 ГОДАХ. БОРЬБА НЕМЕЦКИХ АНТИФАШИСТОВ ВО ГЛАВЕ С КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ДИКТАТУРЫ

1. Поражения на фронтах и гитлеровский тыл

Заговор 20 июля 1944 г. — один из драматических событий второй мировой войны, происхождение которого неразрывно связано с общим внутренним и внешним положением фашистской Германии. Среди факторов, оказавших основное влияние на вызревание, организацию и возникновение заговора, первое место занимают военные поражения гитлеровских вооруженных сил на Восточном фронте и внешнеполитические провалы фашистской дипломатии.

Между состоянием фашистского тыла и положением гитлеровских войск на фронтах (прежде всего на германо-советском фронте) существовала прямая и непосредственная связь. Эту взаимозависимость фронта и тыла особенно ясно можно проследить в последние годы войны, после поражения гитлеровских войск на Волге.

Именно цепь поражений, приведших в конечном итоге германскую армию к окончательному крушению, в решающей степени определила политическое положение Германии. Эти поражения привели фашистский режим — гитлеровскую государственную и военную машину — к глубокому кризису и в конце концов к полному развалу.

Реакционная западногерманская историография пытается отрицать очевидную связь между поражениями на фронте и кризисом гитлеровского режима. Особенно широко в западногерманской историографии распространяется легенда, будто поражения гитлеровских войск на германо-советском фронте вызвали консолидацию сил в

фашистском тылу, сплотили народ вокруг гитлеровского руководства перед лицом «большевистской опасности».

Бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер утверждает даже, что успех любой антигитлеровской акции в годы войны был возможен лишь при условии... победы немецких войск на фронте. «С точки зрения внешнеполитической, — пишет он, — необходимо было достигнуть военной победы.., чтобы оппозиция могла иметь успех»[1]. С Гальдером солидаризируется и западногерманский историк Людде-Нейрат, который заявляет, что поражения на германо-советском фронте в последние годы войны и перспектива краха гитлеровской Германии являлись якобы факторами, «имевшими решающее влияние на усиление воли к сопротивлению» немецкого населения армиям союзников. «Даже явные противники нацистского режима, — пишет Людде-Нейрат, — становились теперь отчаянными защитниками своей родины»[2]. Подобные взгляды не случайны; они характеризуют целое направление в реакционной историографии Запада.

Факты полностью опровергают эти утверждения. В действительности каждый удар, нанесенный фашистским войскам, немедленно находил отклик в гитлеровском тылу, приводил к усилению антифашистских настроений масс, к активизации антигитлеровской борьбы. Усиление антифашистского движения расширяло и углубляло процесс разложения гитлеровского режима и кризис правящего лагеря гитлеровской Германии.

Главные этапы развития внутриполитического кризиса фашистской Германии к концу войны в значительной степени определялись основными вехами развития военных действий на фронтах, точнее вехами разгрома фашистской армии на советско-германском фронте.

Это и понятно. Именно на советско-германском фронте было сосредоточено подавляющее большинство германских войск и именно здесь решалась судьба фашистской Германии. Вплоть до середины 1944 года в боях с английскими и американскими войсками в Северной Африке, а затем в Италии было занято от 1 до 6,2% сухо-

[1] Цит. по H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Frankfurt am Main — Hamburg, 1958, S. 82.

[2] W. Lüdde-Neurath, Das Ende auf deutschem Boden in Bilanz des zweiten Weltkrieges, Hamburg, 1953, S. 425.

путных сил Германии. После открытия второго фронта в июне 1944 года количество германских войск, сосредоточенных на Западе, не превышало 1/3 всех вооруженных сил Германии[3]. На советско-германском фронте были сосредоточены основные танковые и военно-воздушные германские войска. Здесь в ходе упорнейших боев была разгромлена фашистская военная машина и были созданы главные предпосылки для победы миролюбивых народов над фашистской Германией.

Первое крупное поражение в ходе второй мировой войны гитлеровские войска понесли в конце 1941 года под Москвой. С этого времени начался процесс «отрезвления» народных масс Германии, процесс расшатывания основ фашистской диктатуры, усиления оппозиции во всех слоях населения, в том числе и в буржуазных кругах.

Однако решающее значение для развития внутриполитического кризиса в Германии имела битва на Волге, определившая перелом не только в ходе Великой Отечественной войны, но и всей войны свободолюбивых народов против фашистской Германии.

В результате разгрома группировки войск на Волге в феврале 1943 года была ликвидирована 300-тысячная армия, посланная фашистским руководством для завоевания «волжского плацдарма». 90 тыс. солдат и офицеров капитулировали и были взяты в плен. В ходе зимней кампании 1942/43 годов была освобождена огромная территория Советского Союза — 480 тыс. *кв. км.*

Огромное значение битвы на Волге для перелома в ходе войны признают и фашистские генералы и западногерманские историки. Бывший начальник гитлеровского генерального штаба в период Волжской битвы генерал-полковник Цейтцлер писал: «В атмосфере крайнего напряжения немецкий народ ясно осознавал, что надвигается страшная катастрофа». «Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны»[4]. Преемник Цейтцлера на посту начальника генерального штаба Гудериан в работе «Опыт войны с Россией» обобщил результаты кампании 1942 года в следующих словах: «Итак, летняя кампания 1942 года закон-

[3] См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», Воениздат, 1960, стр. 88—89.

[4] Цит. по З. Вестфаль, В. Крейпе и др., Роковые решения, Воениздат, 1958, стр. 205, 209 (в дальнейшем: «Роковые решения»).

чилась для немецкой армии тяжелым поражением. С этого времени немецкие войска на Востоке навсегда перестали наступать»[5]. Западногерманский историк Герлиц в своей книге о германском генеральном штабе признал, что разгром гитлеровских войск на Волге «был величайшим поражением, которое когда-либо претерпевала в своей истории германская армия»[6].

Крупнейшее поражение принесла Гитлеру и битва под Курском летом 1943 года. Она поставила фашистскую Германию перед катастрофой. До конца 1943 года было разбито в общей сложности 118 фашистских дивизий. Красная Армия освободила новые обширные территории, оккупированные гитлеровскими войсками.

После поражения фашистских войск на Волге и под Курском гитлеровское руководство, пытаясь спасти положение на фронте, прибегло к самым отчаянным мерам. Начался период «тотальных» мобилизаций, которые коснулись не только рабочих и крестьян, но и средних слоев населения. Чтобы восполнить убыль рабочих на военных предприятиях, в Германию были ввезены миллионы иностранных рабочих. Усилился фашистский террор. Однако все эти меры не смогли привести к стабилизации фронта и вызвали лишь ухудшение экономического положения Германии и рост антифашистских настроений в тылу.

Чрезвычайно тяжелые последствия для внутриполитического положения Германии имели новые крупные поражения немецко-фашистских войск весной и летом 1944 и зимой 1944/45 годов.

В ходе весенне-летней и осенней кампаний 1944 года была разгромлена центральная группировка войск фашистской Германии, прикрывавшая подступы к границам германского рейха. К началу этой кампании Гитлер располагал на германо-советском фронте 233 дивизиями. Из них 108 дивизий были полностью разгромлены, 43 понесли настолько тяжелые потери, что гитлеровское руководство вынуждено было их расформировать. Один из фашистских военачальников Зигфрид Вестфаль в работе «Конец приближается» характеризует эти события в следующих словах: «В течение лета и осени 1944 года не-

[5] Цит. по «Итоги второй мировой войны. Сборник статей», ИЛ, 1957, стр. 129 (в дальнейшем: «Итоги второй мировой войны»).
[6] W. Goerlitz, Der deutsche Generalstab, Fr. am/M. 1950, S. 610.

мецкую армию постнгло величайшее в ее нсторни пораженне, превзошедшее даже Сталинградское»[7]. В результате разгрома центральной группировки немецкнх войск Красная Армия вышла к старым германским границам. В конце августа она вступнла в Восточную Пруссию, н оруднйные выстрелы на фронте сталн отчетлнво слышны в ставке Гитлера около Растенбурга.

Зимняя кампания 1945 года перенесла военные действия непосредственно на германскую террнторню. В начале февраля советскне войска форсировали реку Одер. Начался завершающий этап военных действнй — стремительное наступленне Красной Армии на фашнстскую столицу Берлнн.

Поражения фашнстских войск на советско-германском фронте вызвалн активизацню борьбы всех стран антигитлеровской коалицнн. Еще в ходе сражения на Волге былн проведены наступательные операции английскнх войск в Африке. Осенью 1942 года гитлеровскне войска потерпелн поражение под Эль-Аламейном. Вслед за этим американо-английская армня высаднлась на побережье Северной Америкн. Весной 1943 года гитлеровские вооруженные силы вынуждены былн покннуть африканский плацдарм. Летом того же года была совершена высадка амернкано-английских войск в Сицнлин. В Италнн произошел государственный переворот: Муссолннн был смещен, и к власти прншло правнтельство Бадольо. В сентябре 1943 года между Италией, США и Англней было заключено перемнрие.

Нанбольшее значенне для хода военных действий на Западе нмело открытие второго фронта — высадка американскнх н английских войск на побережье Францни 6 июня 1944 г. Открытие второго фронта последовало лншь после того, как фашистские войска на советско-германском фронте потерпели решающне пораження и стало ясным близкое крушение гитлеровской имперни. Политика оттягнвання решнтельных операций на Западе, которую проводнли правительства США и Англии, помогала фашнстскнм руководителям поддержнвать веру в возможность еслн не победы, то во всяком случае «почетиого мнра» для Германин. Теперь эти надежды рухнули: война на два фронта стала фактом!

[7] Цит. по «Роковые решения», стр. 257.

Ухудшали морально-политическое состояние гитлеровского тыла также воздушные налеты американской и английской авиации на основные центры Германии.

Огромное значение для подрыва морального состояния гитлеровского тыла и развития внутриполитического кризиса в Германии имели совместные решения, принятые на совещаниях представителей СССР, США и Англии в годы войны.

В октябре 1943 года в Москве состоялась первая во время войны трехсторонняя конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии. Московская конференция положила начало дальнейшим трехсторонним международным совещаниям на высшем уровне. Она подтвердила принципы совместного ведения войны и решения послевоенных проблем и создала механизм для разработки интересовавших все стороны вопросов обеспечения мира в Европе.

Московская конференция 1943 года показала, что антигитлеровская коалиция базируется на прочной основе общих интересов народов в деле разгрома гитлеровской тирании.

В декабре 1943 года состоялась Тегеранская конференция глав правительств США, Англии и СССР, подтвердившая решимость трех государств совместно вести войну вплоть до окончательной победы. «Мы согласовали, — указывалось в решениях Тегеранской конференции, — наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга» [8].

Общность интересов стран антигитлеровской коалиции в борьбе против гитлеровской Германии вновь была продемонстрирована на завершающем этапе войны — в начале 1945 года — в Ялте, где состоялась вторая конференция глав правительств СССР, США и Англии. «Нашей непреклонной целью, — говорилось в решениях Ялтинской конференции, — является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира... В наши цели не входит уничтожение

[8] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, Госполитиздат, 1946, стр. 425.

германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»[9].

Ялтинская конференция наметила конкретные меры, при помощи которых должна была быть достигнута основная цель — ликвидация германского милитаризма и фашизма и переустройство Германии на демократических и миролюбивых началах.

В течение всей войны гитлеровцы возлагали большие надежды на раскол между союзниками. Они тщательно использовали в своей пропаганде все факты, свидетельствовавшие об антисоветских тенденциях в политике западных стран, сеяли среди немецкого населения иллюзии о скором распаде антифашистской коалиции.

Совместные решения представителей СССР, США и Англии, принятые на международных конференциях, наглядно продемонстрировали несостоятельность этих расчетов Гитлера[10].

В этой обстановке гитлеровская пропаганда пыталась воздействовать на умы и настроения немцев запугиванием последствиями поражений. Она пыталась внушить немцам, что Германия должна держаться «до победного конца», ибо в противном случае германское государство будет ликвидировано. Геббельсовская пропагандистская машина черпала материал для своих утверждений в высказываниях многих западных политиков, которые составляли планы раскола и расчленения Германии, уничтожения ее промышленного потенциала и т. д. Воплощением всех этих проектов был так называемый «план Моргентау», разработанный американским правительством в 1944 году.

План этот был направлен на полную деиндустриализацию Германии и превращение ее в «страну полей и пастбищ». Согласование американского плана с Ан-

---

[9] «Виешияя политика Советского Союза в период Отечествеииой войны», т. III, стр. 102—103.

[10] В то время как аитифашистская коалиция выдержала испытаиие временем, гитлеровский блок иачал разваливаться под влияиием поражеиий иемецкой армии. Первой порвала с фашистской «осью» Италия. 25 июля в Италии произошел государствеииый переворот. Муссолиии был смещеи; к власти пришло правительство Бадольо, которое расторгло союз с Германией и объявило ей войну. 25 августа 1944 г. Румыиия объявила себя в состояиии войны с гитлеров-

глией происходило на второй Квебекской конференции в августе 1944 года. Черчилль в своих мемуарах раскрывает некоторые детали проекта расчленения Германии, предусмотренного «планом Моргентау». По его словам, США и Англия пришли к соглашению о том, чтобы разделить Германию на два автономных, независимых государства: 1) Южногерманское государство в составе Баварии, Вюртемберга, Бадена и некоторых более мелких районов; 2) Северогерманское государство в составе большей части старого Прусского государства, Саксонии, Тюрингии. Предусматривалось также образование некоторых других более мелких государств [11].

Далее, в плане предусматривалось, что в течение короткого периода (продолжительностью не более шести месяцев после окончания войны) должны быть срыты все промышленные предприятия в Рурской области, чтобы Рур и Рейн не могли возродиться в дальнейшем как индустриальные центры. Все оборудование угольных копей должно было быть снято, а сами копи закрыты.

В дальнейшем американская и английская дипломатия пыталась навязать условия квебекского соглашения Советскому Союзу. Первая такая попытка была предпринята во время посещения Черчиллем и Иденом Москвы в октябре 1944 года, то есть непосредственно после англо-американского совещания в Квебеке. На этой конференции Советскому правительству был официально предложен англо-американский план расчленения Германии, основанный на соглашениях, достигнутых в Квебеке. Однако англо-американской дипломатии не удалось навязать свои планы Советскому Союзу.

Империалистическим устремлениям и планам капиталистических держав противостояла демократическая программа Советского Союза, который руководствовался интересами скорейшего окончания войны и создания предпосылок для прочного и длительного мира в послевоенное время.

Исходя из этого, Советский Союз еще в 1943 году сле-

ской Германией. 9 сентября в Болгарии произошла народная революция. 19 сентября в Москве было подписано соглашение о перемирии между Финляндией и СССР, 24 января 1945 г. — между Венгрией и союзными державами.

[11] См. W. Churchill, The Second World War, L., 1954, vol. VI, p. 285.

дующим образом сформулировал стоящие перед антигитлеровской коалицией задачи:

1. Освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями. Все государства, находящиеся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными.

2. Предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве.

3. Принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники мировой войны, понесли суровое наказание.

4. Установить такой порядок в Европе, который полностью исключил бы возможность новой агрессии со стороны Германии.

5. Создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество государств, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи.

Эта программа основывалась на ленинских принципах равноправия и суверенитета народов, последовательной и решительной борьбы против империалистической агрессии, мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим устройством в послевоенное время. В своей внешнеполитической деятельности Советское государство руководствовалось именно вышеуказанной программой.

Исходя из ленинской политики равноправия всех рас и дружбы народов, Советский Союз подходил к решению германской проблемы.

Советский Союз никогда не ставил своей целью истребить немецкий народ или уничтожить германское государство. Громя гитлеровскую армию — это уродливое порождение агрессивного германского империализма, Советский Союз никогда не рассматривал немецкий народ как единое реакционное целое, никогда не ставил знака равенства между империалистическими правителями Германии и немецким народом.

Советский Союз всегда понимал, что в Германии существуют демократические элементы, которые не прекращали борьбы с немецким империализмом даже в тяжелых условиях фашистского господства. Еще в ноябре

1942 года Советский Союз провозгласил, что он не ставит перед собой задачу уиичтожеиия Германии.

Определяя задачи миролюбивых народов в борьбе с фашистской Германиеи, Советский Союз указывал, что победа в войие предполагает ликвидацию гитлеровского государства, разгром фашистской армии и уничтожение неиавистного народам нацистского «иового порядка» в Европе.

Выполиеиие этих задач соответствовало не только иитересам народов, которые вели войиу против гитлеровской Германии, но и кореииым национальным интересам самого иемецкого иарода.

На междуиародиых коиференциях Советскому Союзу приходилось решительно отстаивать свои внешнеполитические принципы в острых столкновеииях с США и Англией. И лишь благодаря твердой позиции Советского Союза в кореииых вопросах послевоеииого мира реакциоиые плаиы империалистических держав потерпели фиаско. Это отиосится как к попыткам иарушить союзнические соглашения о совместиой борьбе против фашистской Германии, так и к проектам расчленеиия Германии и уничтожеиия ее как государства.

Ставка Гитлера на раскол антифашистской коалиции оказалась битой. Не оправдались также расчеты геббельсовской пропагаиды иа запугиваиие германского населения последствиями поражеиия, плаиами расчлеиеиия Германии, которые выиашивались империалистическими кругами США и Аиглии.

С точки зреиия политических перспектив фашистское руководство оказалось полиым баикротом. Чтобы удержать в повиновеиии тыл, ему оставалось лишь одио средство — иеобуздаииый террор. Но и террор ие мог измеиить положеиия Германии, ие мог помешать распростраиению аитигитлеровских иастроеиий. Под ударами Красной Армии истекали кровью гитлеровские войска, фашистское государство переживало глубокий кризис.

2. Развитие внутриполитического кризиса и немецкое движение Сопротивления

Факты, ставшие известиыми после второй мировой войны, свидетельствуют о том, что в Германии в годы фашистского господства существовали движение Сопротив-

ления, организованная антифашистская борьба демократических сил народа против гитлеровского режима. Германскому движению Сопротивления были свойственны те же основные черты, которые отличали движение Сопротивления в других странах. Антифашистская борьба в годы войны характеризовалась тем, что во главе этой борьбы стояли коммунисты — самые стойкие, последовательные и решительные борцы против фашизма за победу справедливого дела демократии и мира; что эта борьба ставила своей целью скорейшее поражение фашизма и базировалась на безусловной поддержке миролюбивых народов в войне против гитлеровских агрессоров; что в ходе борьбы против фашизма все более развивался и сплачивался широкий Национальный фронт, который объединял все патриотические силы народа.

В гитлеровской Германии, как ни в одной другой стране капитализма, существовал разветвленный террористический аппарат фашистской диктатуры. Непосредственным карательным органом, занимавшимся борьбой против антифашистского движения в стране, была тайная государственная полиция (гестапо). Она насчитывала в годы войны свыше 40 тыс. человек. Помимо гестапо в состав террористического аппарата входили регулярная полиция численностью в 120—150 тыс. человек и гитлеровские особые террористические организации — охранные отряды СС, штурмовые отряды СА и т. д.

Общая численность войск СС к концу войны составляла 580 тыс. человек. Они были объединены в 40 дивизий. Кроме войск СС существовали «общие отряды СС» и соединения «Мертвая голова», которые использовались для карательных экспедиций и для охраны концентрационных лагерей. Численность эсэсовцев, ведавших охраной концентрационных лагерей, составляла примерно 45 тыс. человек.

Важнейшую роль в осуществлении гитлеровского террора играла также так называемая «служба безопасности», которая существовала отдельно от гестапо и ведала сбором информации об антифашистской деятельности в Германии и в оккупированных гитлеровцами странах. «Служба безопасности» в годы войны насчитывала около 7 тыс. человек. Материалы «службы безопасности» передавались непосредственно гестапо, которое действовало как исполнительный орган.

Штурмовые отряды СА осуществляли в годы войны различного рода вспомогательные функции по «охране порядка» и были своего рода резервуаром для пополнения гестапо, отрядов СС, «службы безопасности» и т. д.[12]

Наконец, к гитлеровскому террористическому аппарату, несомненно, относилось и руководящее ядро фашистской партии. Численность функционеров гитлеровской партии составляла: гаулейтеры —41, крейслейтеры —808, ортсгруппенлейтеры — 28 376, целленлейтеры — 89 378.

Эти функционеры являлись «профессиональными» чиновниками гитлеровской партии. К ним же следует отнести чиновников, служивших в центральных учреждениях нацистской партии. Общая численность аппарата гитлеровской нацистской партии составляла 300 тыс. человек.

Опираясь на этот гигантский террористический аппарат, фашистское государство держало под своим неусыпным наблюдением миллионы немцев. В этих условиях антифашистская борьба требовала строжайшей конспирации, была связана с огромным риском. Вот почему лишь наиболее убежденные антифашисты решались принимать участие в деятельности антифашистских организаций.

Гитлеровский террор обрушился прежде всего на самых стойких представителей антифашистских сил германского народа—на немецких коммунистов. Из 300 тыс. членов Коммунистической партии Германии свыше 145 тыс. были либо арестованы, либо вынуждены покинуть Германию. Гестапо систематически проводило разного рода акции, специально направленные против коммунистов. Были организованы десятки и сотни процессов против коммунистических организаций и коммунистических деятелей. Тысячи немецких коммунистов были казнены без суда или замучены в концентрационных лагерях.

Фашистский террор был направлен, однако, не только против коммунистов, но и против всего оппозиционного движения в Германии, в том числе и в буржуазных кру-

[12] См. «СС в действии. Документы о преступлениях СС», ИЛ, 1960, стр. 29. Гитлеровский закрытый журнал «Ди Лаге», издававшийся Геббельсом, сообщил осенью 1944 года, что численность отрядов СА составила к тому времени 1,7 млн. человек. Из них 1,2 млн. были призваны в армию («Die Lage», Folge 123, 28. Sept., 1944).

гах. Жертвами этого террора пали десятки тысяч борцов против фашизма — социал-демократов и представителей старых буржуазных партий Германии. Любое проявление антифашистской деятельности каралось многолетним заключением в концентрационном лагере или смертью. По всей Германии была создана сеть концентрационных лагерей, в которых гитлеровцы уничтожили миллионы антифашистов.

В 1939 году, по оценке известного западногерманского ученого и публициста Эйгена Когона, в Германии насчитывалось более 100 концентрационных лагерей различных категорий. После оккупации немецкими фашистами территории ряда стран Европы количество концлагерей резко возросло. Были созданы гигантские лагеря массового истребления людей: Освенцим, Майданек, Штутгоф (около Гданьска), Бабий Яр (около Киева), Берген-Бельзен (около Ганновера) и др. Через эти лагеря прошли в общей сложности 8—10 млн. человек. Постоянный состав концентрационных лагерей оценивается Эйгеном Когоном в 1 млн. человек [13].

Фашистский террор, несомненно, ослаблял силы Сопротивления, но отнюдь не смог сломить волю антифашистов и привести к ликвидации антифашистской борьбы. Несмотря на карательные меры, немецкие антифашисты во главе с коммунистами стойко боролись против гитлеровского господства.

К физическому террору, который гитлеровцы обрушили на массы немецкого населения, добавлялся террор идеологический. Фашисты уничтожили демократические права германского народа. Вся пропаганда, литература, искусство были унифицированы. В течение многих лет миллионы немцев находились под постоянным воздействием гитлеровской пропаганды. Они были лишены всех источников информации, которые могли бы раскрыть правду о гитлеровском режиме и его преступлениях. Для идеологического воздействия на массы фашистское руководство использовало также успехи германской армии в первые годы второй мировой войны. Оно распространяло миф о непобедимости гитлеровских вооруженных сил и неизбежности победы Германии. Своей пропагандой оно сумело одурманить значительные массы населения.

[13] См. E. Kogon, Der SS-Staat: das System des deutschen Konzentrationslagers, Fr. am/M., 1959, S. 45.

Фашистскне правнтелн использовали еще н другой метод влняння иа массы — постоянный подкуп верхушкн различных классов н прослоек немецкого народа. Особеино шнрокне масштабы этот метод воздействия на массы получил в годы войны. За счет неслыханного грабежа оккупироваиных стран гнтлеровцы добывали средства для подкупа своего народа. Вовлекая определеиные слон иаселення в осуществлеине своих грабительскнх планов, гитлеровцы старалнсь превратить иемецкнй народ в соучастинков своих преступлений, создать нечто вроде «общиости преступленнй» между гитлеровскнм руководством и шнрокнми кругами иемецкого народа. Это помогало им держать в повнновеннн массы, особенно когда тень немннуемого поражеиня нависла над фашистской Германией.

Развертываиию массовой борьбы против гнтлеровского режима мешала слабость рабочего двнжения в Германнн. Основной слабостью германского рабочего движення, давшей возможность гнтлеровцам удерживать власть в своих руках вплоть до полного краха фашистской империн, было отсутствие единства рабочего класса Германни. Центральное руководство соцнал-демократнческой партнн, эмигрнровавшее после запрещения СДПГ, продолжало в годы фашизма свой курс иа раскол рядов германских рабочнх. Оно возражало против единства действий соцнал-демократов и коммунистов. Однако, вопрекн этой установке, в ходе антифашистской борьбы внутрн Германнн складывалось еднство действнй рядовых социал-демократов н коммунистов. В этой борьбе многие социал-демократы преодолевалн ошнбки прошлого, осознавалн иеобходнмость создання едного фронта рабочего класса Германии в борьбе против гитлеровского режима.

Борьба германского рабочего класса против гитлеровского режима затрудиялась еще н тем, что в ходе войны в составе рабочего класса Германни пронзошли большне изменення: уменьшнлся удельный вес старых кадровых рабочнх, в ряды рабочего класса влились выходцы нз различных мелкобуржуазиых слоев, мобилнзованных на работу в промышлеиность. В мелкобуржуазной среде проводить антифашистскую, революциоииую работу, естествеино, гораздо труднее, чем в среде профессиоиальных кадровых рабочих.

Помимо крестьян, ремесленников, торговцев и других выходцев из средних слоев населения, мобилизованных на работу в промышленность, в составе рабочего класса оказалось много женщин, подростков и иностранных рабочих.

Газета «Франкфуртер Цайтунг» 25 декабря 1942 г. определила число иностранных рабочих к концу 1942 года в 5,5 млн. человек (включая военнопленных). Летом 1943 года оно возросло до 6,6 млн., а на сентябрь 1944 года составило уже 7,5 млн. человек.

О том, насколько сильно приток иностранных рабочих повлиял на состав рабочих немецких предприятий, свидетельствовали немецкие газеты. Так, газета «Ангрифф» в мае 1943 года писала: «В средней Германии на одном предприятии число иностранцев и военнопленных в два раза больше числа немецких рабочих»[14]. «В настоящее время на фирме «Гальберг», — сообщала газета «Франкфуртер Цайтунг», — работают представители 10—15 национальностей, и можно с полным основанием утверждать, что там больше иностранцев, чем немцев»[15].

Приток иностранных рабочих дал гитлеровцам возможность спекулировать на национальной розни, разжигать расовую ненависть между немецкими и иностранными рабочими и сеять национальную вражду между представителями различных национальностей. Превращая немцев в надзирателей над иностранцами, гитлеровцы пытались привить им нацистскую расовую идеологию.

Изменение состава рабочего класса потребовало применения новых форм антифашистской, революционной деятельности. Коммунистическая партия Германии в своих программных документах неоднократно обращала на это внимание коммунистов. Коммунистические ячейки вели активную разъяснительную работу среди вновь влившихся в ряды рабочего класса выходцев из других слоев населения. Они устанавливали контакты с иностранными рабочими и создавали совместные группы антифашистского Сопротивления немецких и иностранных рабочих.

В годы войны антифашистская борьба находила новые стимулы в нараставших провалах фашистского руководства. Эти провалы приводили к усилению процесса

---

[14] «Der Angriff», 29. Mai 1943.
[15] «Frankfurter Zeitung», 29. Juli 1943.

«отрезвления» масс, к высвобождению все большего числа немцев из-под тлетворного влияния фашистской пропаганды.

У большинства населения Германии было твердо воспитано убеждение в непобедимости германской армии. Шовинистическая пропаганда в Германии сумела убедить широкие массы в том, что германская армия в войне 1914—1918 годов не потерпела якобы ни одного поражения и что капитуляция Германии объясняется только событиями в тылу. Успехи гитлеровской армии в 1939—1941 годах дали возможность шовинистической пропаганде укрепить немцев в этом убеждении.

Однако разгром и гибель 6-й армии под командованием Паулюса наглядно опровергли тезис о непобедимости германской армии.

До самых последних дней, предшествовавших капитуляции армии Паулюса, Гитлер и вся фашистская пропаганда упорно твердили, что «волжский плацдарм» будет удержан. 30 сентября 1942 г. Гитлер в речи в берлинском Спортпаласте заявил: «Теперь этот путь (имелась в виду река Волга. — *Д. М.*) отрезан и уже довольно давно. Занятием самого Сталинграда, которое будет завершено, этот заслон будет углублен и усилен, и вы можете быть уверены, что никто не сможет сдвинуть нас с этого места»[16]. Геринг связывал успешный исход битвы на Волге с приливом в гитлеровскую Германию русского хлеба, угля, железа, нефти. Эту же мысль выразил Геббельс в выступлении в Мюнхене 18 октября 1942 г. Он заявил, что, когда немецкие войска форсируют Волгу и закончат битву за Кавказ, «они получат в свои руки богатейшие источники нефти, а тот, кто владеет пшеницей, нефтью, железом и углем, выиграет войну»[17]. В сводке германского командования от 27 января 1943 г., когда уже подходила к концу ликвидация окруженной на Волге группировки немецких войск, сообщалось: «Никакая сила не может сломить сопротивление германских войск, и над самым высоким зданием Сталинграда продолжает развиваться знамя с германской свастикой».

2 февраля 1943 г. историческое сражение на Волге закончилось полной ликвидацией окруженных немецко-фашистских войск. Гитлеровская пропаганда уже была не

[16] «Völkischer Beobachter», 31. Sept. 1942.
[17] «Völkischer Beobachter», 19. Okt. 1942.

в состоянии скрыть этот факт от немецкого народа. 3 февраля появилась специальная сводка германского командования, в которой сообщалось об окончании битвы на Волге и поражении армии Паулюса.

Тон гитлеровской пропаганды резко изменился. Гитлеровцы начали бить тревогу и кричать о серьезной опасности, нависшей над Германией. По всей Германии был объявлен трехдневный траур по случаю гибели 6-й армии.

После известия о разгроме и капитуляции армии Паулюса усилилось недовольство войной. От гитлеровского режима отшатнулось много его сторонников, особенно среди мелкой городской буржуазии. Многие ее представители поняли, что война принимает длительный, затяжной характер и грозит подорвать основы их существования. Германское офицерство убеждалось в лживости обещаний молниеносной победы, и многие поняли неизбежность войны на два фронта, которая была синонимом неизбежного поражения.

Однако самое важное последствие катастрофы на Волге заключалось в том, что она отрезвляюще подействовала на широкие слои трудящихся, находившиеся под влиянием гитлеровской пропаганды, и привела к усилению антифашистского движения в массах германского населения. Именно после битвы на Волге в Германии стал нарастать общий внутриполитический кризис и кризис верхов фашистского рейха в частности.

Развертыванию внутриполитического кризиса в немалой степени способствовали мероприятия гитлеровцев на «внутреннем фронте», которые они вынуждены были предпринять в связи с ухудшением военного и экономического положения Германии. Особенно далеко идущие последствия имела так называемая «тотальная мобилизация».

18 февраля 1943 г. в Спортпаласте с большой речью выступил Геббельс, который объявил о решении правительства провести следующие мероприятия: ввести трудовую обязанность для мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин — от 17 до 45 лет; закрыть все торговые и ремесленные заведения, непосредственно не работающие для нужд фронта, а также многие рестораны и увеселительные заведения; ликвидировать различные другие заведения, существование которых противоречило требованиям тотальной войны. Введение трудовой обязанности и

закрытие многочисленных торговых и ремесленных заведений должно было, по планам гитлеровского правительства, дать возможность восполнить людские потери, которые несла германская армия на Восточном фронте.

После введения трудовой обязанности была объявлена обязательная регистрация всех трудоспособных лиц указанных возрастов. Регистрация вызвала широкое недовольство среди населения и показала узость внутренних источников рабочей силы. Многие фашистские газеты косвенно вынуждены были признать это обстоятельство. Так, газета «Дейче альгемайне Цайтунг» 7 июля 1943 г. писала, что «ни одно мероприятие германской внутренней политики не породило столько мнений «за» и «против» и столько ожиданий, сколько было высказано после введения обязательной регистрации»[18]. Газета «Дас Рейх» 15 августа писала: «500 тыс. человек зарегистрировались в Берлине. Это в большинстве пожилые люди или лица, которые имеют какие-либо физические недостатки»[19]. Газета «Франкфуртер Цайтунг» заявила: «К 27 января 1943 г., когда началась обязательная регистрация всего взрослого населения, не охваченными работой оказались в основном лишь такие лица, для которых их семейные обязанности или плохое состояние здоровья затрудняли или совершенно исключали производственную работу»[20].

В речи от 5 июля 1943 г. Геббельс заявил, что на трудоспособных лиц было заполнено 3,5 млн. регистрационных карточек. Это число, по-видимому, было значительно преувеличено. Уклонения от регистрации приняли массовые размеры. Немецкие газеты жаловались на то, что бюро регистрации были наводнены справками о болезнях или нетрудоспособности, добытыми с целью уклонения от работы. Мобилизационные меры, несмотря на большой размах, не смогли в достаточном количестве высвободить рабочих и служащих, пользовавшихся отсрочкой, для армии. Людские потери немецких войск на советско-германском фронте возрастали с каждым месяцем.

Особое недовольство вызвала тотальная мобилизация у представителей средних городских слоев населения.

[18] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 7. Juli 1943.
[19] «Das Reich», 15. Aug. 1943.
[20] «Frankfurter Zeitung», 29. Apr. 1943.

Геббельс в газете «Дас Рейх» пытался следующим образом «успокоить» эти средние слои: «В ходе тотальной мобилизации закрываются многие магазины.., что в высшей степени прискорбно. Но изменить свои мероприятия оно (т. е. гитлеровское правительство. — *Д. М.*) не может. Если бы мы отказались от тех или других мероприятий, мы подверглись бы опасности проиграть войну... Раздумывание по поводу несправедливости нам теперь абсолютно ничем не поможет. Эта несправедливость не может быть отменена. Она вытекает из самой жизни»[21].

О настроениях владельцев магазинов в связи с массовым закрытием их предприятий свидетельствовала газета «Кельнишер Цайтунг» от 1 апреля 1943 г.: «В эти дни многие владельцы магазинов получили распоряжение о закрытии их предприятий... Несмотря на то что общественность получила основательное разъяснение о мероприятиях по ликвидации ряда торговых предприятий, это распоряжение, когда оно попадает в руки адресатов, действует ошеломляюще... Первой реакцией на предписание о закрытии является вопрос: почему закрывается как раз мой магазин? Затем начинаются протесты. Предписание о закрытии содержит, однако, одно дополнение, которое быстро разочаровывает. Дополнение гласит: „Это распоряжение не подлежит обжалованию"».

«Гражданский руководитель» заговора против Гитлера Карл Герделер в марте 1943 года составил подробный меморандум, предназначенный для фашистского генералитета, в котором весьма красочно обрисовал последствия гитлеровских мероприятий для внутриполитического положения Германии. Останавливаясь, в частности, на мерах по мобилизации мелкой буржуазии, Герделер писал: «Они тем более безответственны, что ведут к уничтожению широкого круга среднего сословия»[22].

И, далее, Герделер указывал, что один только вид закрытых магазинов и лавок настолько удручающее действует на настроение народа, что значительно ухудшает внутриполитическое положение Германии. «Лишь тот,

---

[21] «Das Reich», 28. März 1943.

[22] «Geheime Denkschrift für die Generalität bestimmt, über die Notwendigkeit eines Staatsstreichs, März 1943»; Цит. по G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1954, Anhang VII, S. 582.

кто нарочно стремится к ухудшению настроения в тылу, может прибегнуть к подобным мероприятиям»[23].

Закрытие торговых и ремесленных предприятий также не смогло существенно увеличить приток свежих сил в армию.

Журнал «Ди Лаге» в ноябре 1944 года опубликовал данные о результатах тотальной мобилизации. Из учреждений были переключены на производство 283 тыс. человек, из «гражданского сектора промышленности» — 204. Всего в итоге проведения тотальной мобилизации было мобилизовано 2,1 млн. человек. Подавляющее большинство мобилизованных (1,6 млн. человек) были женщины[24]. В журнале отмечалось, что еще далеко не все мобилизованные включились в работу на военных производствах.

Под влиянием поражения на фронте и тотальной мобилизации ухудшалось экономическое положение Германии, что приводило к постоянным снижениям продуктовых норм. Герделер в упомянутом меморандуме писал: «Уже в самое ближайшее время наступит ухудшение и в области продовольствия... Каких-либо запасов зерна больше нет... Нынешние нормы выдачи мяса могут быть поддержаны на прежнем уровне, если пускать на убой молочных коров... Это самым тяжелым образом отразится на снабжении населения молоком и маслом в будущем»[25].

31 мая 1943 г. было объявлено о сокращении недельной нормы мяса на 100 *г* (после сокращения норма составляла 250 *г* в неделю). Газета «Лейпцигер нейесте Нахрихтен» в связи с этим писала: «Сокращение норм мяса вызвало больше толков, чем любая другая мера»[26].

Однако еще большее недовольство вызвало сокращение норм картофеля — основной пищи широких масс населения. Зимой 1942/43 годов эта норма составляла 3,5 *кг* в неделю на человека, зимой же 1943/44 годов она была снижена до 2,5, а в ряде районов—до 1,5 *кг*. Такое резкое снижение норм картофеля не могло, конечно, быть компенсировано ничтожным повышением хлебной нормы—на

[23] G. Ritter, Carl Coerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang VII, S. 582.
[24] «Die Lage», Folge 125a, 2. Nov. 1944.
[25] Цит. по G. Ritter, Carl Coerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang VII, S. 582.
[26] «Leipziger Neueste Nachrichten», 8. Juni 1943.

100 *г* в неделю, которое было объявлено 22 сентября 1943 г. После повышения хлебная норма составляла 2425 *г* в неделю, или около 345 *г* в день для средиего потребителя [27].

С середниы 1943 года тои германской пропагаиды резко переменнлся в отиошении перспектив продовольствеиного положения Германнн. Бюллетень мнннстерства земледелия «Мнттайлунгеи дер Ландвнртшафт» осеиью 1943 года предупреждал, что продовольствеиное положение в ходе войны иеизбежио будет ухудшаться. «После четырех лет войны, — пнсал бюллетеиь, — иехватка в области продовольствеииого снабжеиня совершенно иеизбежиа» [28]. Газета «Ангрнфф» в иачале 1944 года писала: «Однни нз самых уязвимых мест Германнн и Европы в войне, несомненно, является продовольственное сиабжеине населення» [29].

В журиале «Дн Лаге» в сентябре 1944 года была опубликоваиа статья мииистра продовольствия и сельского хозяйства Бакке, в которой призиавалось ухудшенне продовольствеииого положення Германии. «На Востоке, — пнсал Бакке, — мы потеряли ие только областн, относящиеся к советскому пространству, но и продовольствеииые ресурсы генерал-губериаторства (Польши).

[27] Надо, однако, нметь в внду, что нормы 1943 года былн все же значнтельно выше, чем нормы в 1918 году. Об этом свндетельствует следующая таблнца:

Продовольственные нормы для среднего потребнтеля в Германии осенью 1943 г. по сравнению с осенью 1918 г.*
(в граммах, в неделю)

	Осень 1918 г.	Осень 1943 г.
Хлеб	1260(+250 муки)	2425
Мясо	125	250
Жиры	40	218,7
Сахар	190	255
Молоко (в литрах)	0	0,875
Сыр (в случае наличия)		62,5
Картофель	500	2500

* «Neues Wiener Tageblatt», 4. Nov. 1943.

[28] «Mitteilungen der Landwirtschaft», 1943, Nr. 27.
[29] «Der Angriff», 24. März 1944.

К тому же Румыния потеряла главные свои источиики продовольствия в Бессарабии и Трансильвании. На Западе у нас также большие потери. К этому надо добавить, что число потребителей в связи с притоком в Германию иностранцев и эвакуированных увеличилось. Таким образом, совершенно ясно, что при сопоставлении всех данных с целью оценки общего положения отрицательные факторы далеко превосходят положительные»[30].

По-иному стала освещать германская пропаганда вопрос о получении продовольствия из оккупированных стран, главным образом из оккупированых районов СССР. В 1942 году гитлеровские руководители не скупились иа обещания притока продовольствия из оккупированных советских территорий. Геринг 4 октября 1942 г. заявил, что завоевание этих территорий окончательно разрешило продовольственную проблему Германии. Даже в 1943 году гитлеровцы еще пытались спекулировать иа том, что германские войска продолжали заиимать обширные области Советского Союза. «Завоеванные в кровавых боях территории на Востоке, — писал журнал «Дер дейче Фольксвирт», — поможет нам компенсировать импорт тех товаров, недостаток которых неизбежно ухудшил бы наше продовольственное положение с продолжением войны[31]. Одиако отсутствие реальных улучшений продовольственного положения в 1942 году, а затем резкое ухудшение его в 1943—1944 годах показали иемецкому населению несбыточность надежд на стабилизацию продовольственного снабжения.

В конце 1943 года гитлеровская пропаганда уже ие возлагала надежд на получение продовольствия из Советского Союза. Газета «Дейче альгемайне Цайтунг», например, заявила, что «необходимо изыскать другие способы улучшения продовольственного положения»[32]. В таком же духе высказались и другие немецкие газеты.

В условиях острой нехватки сырья гитлеровское руководство основное внимание уделяло военному производству. В результате огромных усилий производство основных военных материалов вплоть до 1944 года не уменьшалось, а беспрерывно росло. Как отмечал один из

[30] «Die Lage», Folge 122, 5. Sept. 1944.
[31] «Der Deutsche Volkswirt», 1943, Nr. 16.
[32] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 8. März 1944.

руководителей гитлеровской военной машины Керль, Германия в 1944 году произвела столько военных материалов, что этого хватило бы на полное вооружение и оснащение 225 пехотных и 45 танковых дивизий[33].

Однако начиная с июля 1944 года производство основных материалов, необходимых для поддержания гитлеровской военной машины, начало неуклонно падать. Резервы сырья и производственных мощностей оказались по сути дела исчерпанными. Добычу производства в тысячах тонн основных материалов, необходимых для военных целей, на протяжении 1944 года иллюстрирует следующая таблица[34]:

	Март	Июль	Октябрь	Декабрь
Каменный уголь	24 700	22 600	16 200	14 300
Сырая сталь	2 700	2 500	2 000	1 000
Минеральные масла	733	346	—	200
Азот	84	57	37	20
Синтетический каучук	12	10	5	1,8

Такое резкое в течение года уменьшение производства основных материалов, необходимых для ведения войны, было результатом военных поражений на фронтах, потерь гитлеровской Германией экономических ресурсов ряда стран, которые были освобождены союзными войсками, общей дезорганизации экономики в связи с приближением Красной Армии к границам Германии. Особенно чувствительной оказалась потеря экономических ресурсов Румынии, которая поставляла гитлеровской Германии нефть. «Промышленное производство в связи с прекращением поставок из бывших оккупированных районов, — писал Ганс Керль, — и возникновением угрозы для промышленности пограничных районов (имелись в виду районы, оказавшиеся в сферах военных действий в связи с приближением Советской Армии к границам Германии. — *Д. М.*) было поставлено в весьма критическое положение»[35].

[33] См. «Итоги второй мировой войны», стр. 380.
[34] Там же.
[35] Там же, стр. 382.

После перенесения военных действий на германскую территорию наступил прогрессирующий паралич всей германской экономики. Фашистская Германия оказалась перед полной экономической катастрофой.

Ухудшение продовольственного положения, развал экономики, приближение полного краха всей системы фашистского хозяйства оказывали большое влияние на общее положение в тылу. Нарастало недовольство гитлеровским режимом.

Характеризуя настроение в тылу, Герделер заявил в своем меморандуме, что во всех слоях населения и в «руководящих партийных кругах» растет понимание необходимости «изменить положение». Это «обстоятельство,— продолжал Герделер, — ныне стало ясным для всех слоев германского народа, особенно для рабочего класса. Этому чрезвычайно способствовали такие события, как Сталинград, воздушные налеты, закрытие магазинов. Не считая части интеллигенции, народ потерял доверие к Гитлеру» [36]. Герделер прямо писал о том, что предстоит «рост радикализма в массах», то есть усиление влияния антифашистов, призывавших народ к свержению гитлеровского режима.

Чрезвычайно возросла активность антигитлеровских сил среди молодежи. В феврале 1943 года организовала открытое выступление группа студентов Мюнхенского университета, принявшая название «Белая роза».

Начало деятельности этой группы относится к 1942 году, когда ее руководители Ганс и София Шолль, Христофер Пробст, Александр Шморелль и Вилли Граф — студенты Мюнхенского университета — вернулись с фронта и объединились для совместной борьбы против войны и фашистского террористического режима.

Студенты — участники группы «Белая роза» на собственном опыте испытали гитлеровские методы ведения войны. Ганс Шолль, будучи студентом медицинского факультета, был мобилизован в армию в 1939 году и участвовал сначала в войне во Франции, а затем с июля по ноябрь 1942 года на советско-германском фронте. В битве на Волге был ранен. Другие два студента медицинского факультета Пробст и Граф также служили в гитлеров-

[36] Цит. по G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang VII, S. 593.

ской армии, а затем были откомандированы в университет для завершения образования. Как и Ганс Шолль, они принимали участие в боях на советско-германском фронте. На сторону оппозиционно настроенных студентов встал также профессор философского факультета Мюнхенского университета Курт Губер.

Руководители группы «Белая роза» воспитывались в гитлеровских организациях — они состояли членами гитлеровской молодежи, студенческого союза, нацистской студенческой спортивной организации. Впоследствии на суде отмечалось, что Пробст и Шолль отличались даже особой активностью в гитлеровской молодежной организации. На фронте они также пользовались репутацией преданных фашистскому режиму людей. Так было до конца 1942 года.

Затем наступил перелом: они пришли к выводу о неизбежности поражения фашистской Германии, о бессмысленности продолжения войны. Они вступили на путь активного сопротивления гитлеровскому режиму.

Ганс и София Шолль, Александр Шморелль, Вилли Граф, Христофер Пробст и Ганс Лейпельт приобрели гектограф, спрятали его в ателье своего друга художника, мобилизованного в армию. Там ночью они печатали листовки, которые затем распространяли в Мюнхене, во Франкфурте, Штутгарте, Вене, Фрейбурге, Саарбрюккене, Мангейме, Карлсруэ[37].

В тексте одной из листовок, составленной Гансом Шоллем и распространенной в Мюнхенском университете, говорилось: «Наш народ глубоко потрясен гибелью наших людей под Сталинградом. «Блестящая» стратегия инициаторов мировой войны толкнула бессмысленно и безответственно 330 тыс. немцев на смерть и уничтожение. Мы благодарим тебя, фюрер, за это! Немецкий народ охвачен волнением. Должны ли мы и в дальнейшем вверять судьбу нашей армии в руки профана? Должны ли мы жертвовать остатком немецкой молодежи в угоду низким инстинктам нацистской клики? Никогда! Час расплаты настал, расплаты нашей немецкой молодежи с наиболее возмутительной тиранией, которую когда-либо породил наш народ. От имени всего немецкого народа

[37] Подробно об обстоятельствах возникновения и деятельности группы «Белая роза» рассказала в своей книге Инга Шолль (см. I. Scholl, Die weisse Rose, Fr. am/M., 1952).

мы требуем от правнтельства Адольфа Гнтлера вернуть иам иашу личиую свободу, самое драгоценное приобретенне, которое он так бессовестио украл у нас.

Мы выросли под господством правнтельства, которое жестоко подавило всякое свободиое выражеине миеиий. Гитлеровская молодежь, СА и СС дурачили... и одурманивалн нас в течение долгнх лет муштры. «Тренировка в области идеологии» — так был назван подлый метод, при помощи которого независнмое мышлеиие н способиость суждеиий подавлялнсь и подменялись густым тумаиом пустых фраз. Клика руководителей воспитывает будущих партийных бонз безбожиыми, бесстыдиымн и бессовестными эксплуататорамн.., слепыми и послушиыми приверженцами Гнтлера. Немцы иавсегда будут опозореиы, еслн немецкая молодежь, иакоиец, не восстанет, ие отомстнт, ие свергнет и ие уинчтожнт своих угиетателей и не создаст иовую, духовио переродившуюся Европу.

Студеиты н студеитки! Немцы смотрят на вас. Они ожидают, что мы сломнм нацнонал-социалистский террор мощью нашего духа в 1943 году, так же как был сломлеи иаполеоиовский террор в 1813 году. Березииа и Сталнигpaд светят нам с Востока, гибель иемцев под Сталниградом нас зовет: „Восстань, народ, пусть пожары осветят твой путь!"»[38].

Непосредствеииым поводом к открытому выступлеиию мюихеиских студентов явнлась речь баварского гаулейтера Гислера в уииверситете в Мюихеие 16 февраля 1943 г., которому былн доставлеиы иекоторые листовки, распростраиявшнеся группой «Белая роза». Гаулейтер собрал студентов, чтобы попытаться запугать нх.

Гисслер объявил, что в университете будет проведеиа чнстка н все «негодные элемеиты» будут отправлеиы иа фронт. Обращаясь к студенткам, Гнслер цииично заявил, что нх обязанность — рожать детей для «фатерланда», а не заииматься полнтнкой.

Аудиторня реагнровала на выступленне гаулейтера аитифашнстскнми выкрнками, студенты иачалн покндать зал. Перед здаиием уииверситета состоялась стихийиая демоистрацня. Гестапо объявило Мюихеи на осадиом положеиии.

[38] «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung», B., 1958, S. 192.

Антифашистские силы в городе использовали создавшуюся обстановку для того, чтобы провести несколько серьезных актов саботажа. В течение трех дней телефонная связь между Мюнхеном и другими городами была прервана. Мюнхенская радиостанция прекратила работу на целых семь дней. В Вене, Мангейме, Штуттгарте, Франкфурте, в Рурской области и в ряде других мест стали распространяться слухи о том, что в Мюнхене произошло антифашистское восстание. В самом городе активизировалась деятельность всех антифашистских групп. Группа «Белая роза» в большом количестве стала распространять листовки.

18 февраля 1943 г. появилась листовка, которая прямо призывала молодежь к активным действиям. «Боритесь против национал-социалистской партии! Покидайте ряды ее организации! Мертвые Сталинграда нас заклинают: «Восстань, народ, разгорись, пламя бунта!». Немцы навсегда останутся опозоренными, если германская молодежь наконец не восстанет...» [39].

Когда Ганс и София Шолль разбрасывали листовки, их увидел привратник университета, который донес об этом в гестапо. Ганс, София и другие участники группы были арестованы.

Гестапо провело два судебных процесса над участниками группы. На первом из них, который состоялся в феврале 1943 года, были приговорены к смертной казни Ганс и София Шолль и Христофер Пробст. Второй процесс был проведен 19 апреля 1943 г. Перед судом предстали 14 обвиняемых: трое из них — Александр Шморелль, Курт Губер и Вильгельм Граф — были приговорены к смертной казни.

В обвинительном заключении фашистского суда излагалась деятельность группы Шолля, Шморелля, Губера, Графа и других по распространению листовок:

«1. Шморелль отправился в Зальцбург, Линц, Вену и опустил в этих городах в почтовые ящики соответственно 200, 200 и 1200 листовок, предназначенных для этих городов, и, кроме того, в Вене опустил в почтовый ящик еще 14 листовок, предназначенных для Франкфурта-на-Майне.

---

[39] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, Düsseldorf, 1954, S. 565.

2. София Шолль опустила в почтовый ящнк в Аугсбурге 200 листовок, в Штутгарте — 600 лнстовок.

3. Ночью Ганс Шолль вместе со Шмореллем раскидывали тысячи листовок на улицах Мюнхена.

4. 18 февраля Ганс и София Шолль распространяли в Мюнхенском университете небольшими пачками 1500—1800 листовок, а София Шолль со второго этажа выбросила большую пачку листовок во двор.

5. Ганс Шолль и Шморелль в ночь на 3, 8 и 15 февраля 1943 г. сделали также надписи во многих местах в Мюнхене, в том числе и в районе университета: „Долой Гитлера!", „Гитлер — убийца народа!", „Да здравствует свобода!"»[40].

В обвинительном заключении указывалось также, что профессор Губер выступал перед студентами с речами, в которых доказывал необходимость восстановления демократии и введения многопартийной системы в Германии. Губер участвовал в написании нескольких листовок, в том числе листовки «К студентам и студенткам».

Из обвинительного заключения известно, что в первоначальный текст листовки Губер вставил фразу о том, что студенты согласны служить в гитлеровских вооруженных силах. Однако Шморелль и Ганс Шолль настаивали на том, чтобы вычеркнуть эту фразу.

Молодые студенты вели себя перед фашистским судом с исключительным достоинством и мужеством. София Шолль подверглась страшным пыткам, на суд ее привели со сломанной ногой. На процессе она заявила: «Вы знаете так же хорошо, как и мы, что война проиграна. Почему же вы столь трусливы, что не хотите признать этого?»

В день казни брата и сестры Шолль на некоторых зданиях в Мюнхене появились надписи: «Их дух живет».

После казни участников группы «Белая роза» движение среди студенчества не прекратилось. Некоторые члены группы «Белая роза» после ареста ее руководителей примкнули к организации «Эдельвейс», которая боролась против фашистского молодежного союза «Гитлерюгенд». В Гамбурге действовала группа студентов, которая была тесно связана с мюнхенскими студентами и также высту-

---

[40] Цит. по G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, Hamburg, 1954, S. 270.

пала под названием «Белая роза». Группа продолжала распространять листовки. Гестапо арестовало 30 ее членов [41].

Участники студенческого антифашистского движения в Мюнхене и в других городах Германии, несмотря на расплывчатость их воззрений, проявили стойкость, мужество в борьбе с фашизмом и веру в будущее своего народа. Среди молодежи было немало подлинных патриотов, преданных борцов за дело рабочего класса.

В ответ на усиление антифашистской деятельности в тылу гитлеровцы прибегли к новым террористическим мерам. 25 августа 1943 г. Гиммлер был назначен на пост министра внутренних дел. В официальном сообщении по этому поводу говорилось, что назначение Гиммлера призвано «создать предпосылки для дальнейшей концентрации сил и укрепления внутреннего фронта». На языке нацистов это означало проведение новых мобилизационных мероприятий и усиление гестаповского террора. По Германии прокатилась волна арестов, резко возросло количество смертных приговоров, вынесенных фашистскими судами. В газетах стали появляться многочисленные объявления о казнях и арестах. Газета «Дас Рейх» 24 октября 1943 г. раскрыла смысл этих сообщений. «Опубликование смертных приговоров, — писала газета, — имеет чисто педагогическую цель. Оно должно повысить чувство ответственности у немцев» [42].

В секретном гитлеровском журнале «Ди Лаге» были опубликованы данные министра юстиции Тирака о количестве смертных приговоров за годы войны. В 1940 году суды вынесли 926 смертных приговоров, в 1941—1292, в 1942—3660, в 1943—5336. По обвинению в государственной измене были приговорены к смерти 1745 человек, по обвинению в преступлении против военной экономики — 236 человек и т. д. [43] В отчете Тирака учтена лишь незначительная часть жертв фашистского террора, поскольку в него не включены лица, уничтоженные в застенках гестапо без суда и казненные по приговору гитлеровских военных трибуналов.

Вновь возросла волна казней и арестов в 1944 году, когда военное положение Германии чрезвычайно обостри-

[41] См. W e i s e n b o r n, Der lautlose Aufstand, S. 94.
[42] «Das Reich», 24. Okt. 1943.
[43] «Die Lage», Folge 121, 23. Aug. 1944.

лось н виутрн страиы значительно актнвизнровались силы Сопротивлеиия. По даииым журиала «Дн Лаге»[44], в первые месяцы 1944 года было арестовано: в январе — 42 580 человек, феврале — 45 044, марте — 46 302 человека. В последующие три месяца была проведена специальиая «акция Тирака», в результате которой было арестовано 170 670 человек. Всего за первое полугодие 1944 года чнсло арестованиых составило 310 686 человек. Если же считать число арестоваиных за весь 1944 год, то оио определялось цифрой в полмиллиоиа человек.

В кинге Гюитера Вейзеиборна «Немое восстаиие» содержатся данные о классовом составе арестоваиных. В Гамбурге, иапример, 66,5% арестованых составляли рабочне, служащне илн крестьяне, 13,5% были военнослужащнми, 8% составляли промышлеиники и коммерсанты, 2,4% были выходцамн из интеллигеиции[45]. В числе казиеиных за годы войны в тюрьме Браиденбург — 755 рабочнх, 363 представнтелей техинческих профессий, 234 служащнх, 111 ученых, художников и журналистов, 35 офицеров, 22 студеита и 21 священиик[46].

Прнведенные цифры подтверждают, что фашистскнй террор направлялся главиым образом против представителей рабочего класса Германни. Именно рабочнй класс проявлял иаибольшую активиость в аитифашистской борьбе, н в его среде иасчитывалось иаибольшее число жертв гнтлеровского террора.

Реакцноино иастроеииые исторнкн в Западиой Германин потратнли иемало снл, чтобы доказать, что иосителями антифашистской борьбы в Германии были якобы арнстократы н духовеиство. Но этн усилия оказались иапрасиыми — факты иеопровержимо говорят о том, что в авангарде борьбы демократнческих сил германского народа протнв гитлеровской диктатуры шел рабочий класс.

Известиый иемецкий пнсатель и активиый участник аитифашистского движеиия Сопротнвления Эрист Вихерт пнсал о борцах против фашистского режима в Германнн: «Среди иих редко встречались люди из аристократическнх семей и ие так уж часто ннтеллигенты...

[44] «Die Lage», Folge 124, 5. Okt. 1944.
[45] См. G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, S. 38.
[46] Ibid., S. 40.

Их было совсем немного по сравнению с нескончаемым потоком людей, пришедших из хижин бедняков...» [47].

Наибольшее распространение в годы войны получила такая форма антифашистской борьбы рабочего класса, как саботаж производства, особенно военного, в различных видах. Антифашистски настроенные рабочие использовали все возможности для того, чтобы снизить выпуск продукции путем замедленного темпа работы, симуляции болезни и т. д. Для прикрытия саботажа рабочие нередко прибегали к весьма своеобразной тактике: они использовали незнание и низкую квалификацию руководящих нацистских кадров заводов и предприятий, чтобы выполнить явно нелепые распоряжения, которые вредили производству. Там, где это было возможно, рабочие переходили к более активным формам борьбы, вплоть до организации забастовок.

В фашистских газетах и журналах в последние годы войны часто встречаются сообщения о понижении производительности труда рабочих, причем в некоторых случаях прямо признается, что в определенной мере это вызвано саботажем. Журнал «Дейче Фольксвиртшафт» сообщил, например, в сентябре 1943 года, что в ответ на увеличение рабочего дня с 8 до 12 часов рабочие одного из металлургических предприятий Германии резко снизили производительность труда. «Потеря рабочих часов по причине болезни, — писал журнал, — возросла примерно на 30%» [48]. Гиммлеровская газета «Дас шварце Кор» признала, что «около 30 из 100 случаев заболеваний являются совершенно пустяковыми случаями симуляции или воображения».

Отдел социального обеспечения германского трудового фронта в конце 1943 года издал специальный циркуляр, в котором предупредил врачей, что «освобождение от работы должно предоставляться рабочим лишь в случае серьезных заболеваний» [49]. Фашистские газеты развернули активную кампанию против симуляции болезней. Газеты публиковали статьи, в которых обращались к чувству «гражданского долга» немцев и обрушивались

[47] Цит. по G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, S. 145.

[48] Цит. по M. Seydewitz, Civil Life in Wartime Germany, N. Y., 1945, p. 322.

[49] Ibid.

с угрозами против «злостных саботажников» производства.

Значительное распространение среди рабочих имели случаи прямого отказа от работы. Немецкая печать в конце 1943 года пестрела сообщениями о приговорах судов за отказ от работы. «Франкфуртер Цайтунг» 21 августа сообщила об осуждении 17-летнего рабочего в городе Хана за то, что он, «несмотря на все предупреждения со стороны гестапо, отказался от работы». Эта же газета 25 августа опубликовала приговор, вынесенный работнице из Берлина, за «отказ от работы». «Берлинер Бёрзенцайтунг» 22 октября сообщила об отказе рабочего берлинской железной дороги от перехода на работу в другое место и об осуждении этого рабочего судом. «Мюнхенер нейсте Нахрихтен» 19 ноября напечатала сообщение о приговоре, вынесенном «пожилому рабочему» за отказ от работы под предлогом болезни.

Для устрашения населения фашистские газеты публиковали приговоры с указанием наиболее суровых мер наказания. Газета «Мюнхгаузенер Тагеблат» 26 ноября сообщила об осуждении рабочего из Людвигсхафена на бессрочное заключение в концентрационный лагерь за «отказ от работы». Эта же газета опубликовала сообщение о том, что во Франкфурте-на-Майне работница была приговорена к 7-месячному тюремному заключению «за отказ от работы».

Согласно сообщению гестапо о положении на предприятиях, за первые три месяца 1944 года было зарегистрировано около 30 тыс. случаев отказа от работы со стороны иностранных рабочих и 2300 случаев со стороны немецких рабочих[50].

Другой более опасной формой скрытого саботажа являлся замедленный темп работы. В официальных сообщениях этот вид саботажа обозначался термином «нарушение служебного долга». Он карался многолетним тюремным заключением или смертной казнью. В немецкой провинциальной печати можно встретить немало сообщений о приговорах, вынесенных за замедленную работу. Такого же рода сообщения встречаются в газетах, выходивших в Эссене, крупном промышленном центре.

---

[50] См. W. Bartel, Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945, B., 1956, S. 243.

Эссенская газета «Национальцайтунг» 22 января 1944 г. сообщила об осуждении гитлеровским судом 20-летней работницы на долголетнее заключение в концентрационный лагерь «за нарушение служебного долга». Газета «Эссенер альгемайне Цайтунг» 17 февраля опубликовала сообщение о снижении темпов работы на военных заводах Эссена. Было опубликовано несколько сообщений о смертных приговорах за замедленную работу. Газета «Ульмер Тагеблат» 8 августа сообщила, что гитлеровский суд приговорил рабочего Франца Верба к смерти со следующей мотивировкой: «Франц Верба вел среди рабочих военного завода большевистские разговоры. Занимаясь саботажем производства, он работал медленно и плохо и пытался побудить к этому также своих товарищей».

Особенно широко был распространен саботаж среди иностранных рабочих. Производительность их труда была очень низка. В циркуляре Заукеля от 3 апреля 1942 г. приведены следующие данные о производительности труда иностранных рабочих по сравнению с немецкими рабочими. Если производительность труда немецкого рабочего принять за 100%, то производительность труда французского рабочего составляла 80—90, бельгийского — 75—85, польского — 65—75, сербского — 60—70, русского — 40—50%.

В 1943—1944 годах производительность труда иностранных рабочих еще более снизилась. К этому прибавлялось массовое бегство иностранных рабочих с предприятий. Многочисленная армия иностранных рабочих вносила дезорганизацию в дела администрации и отвлекала значительные полицейские силы.

В провинциальной печати Германии периодически публиковались предупреждения полицейских властей об «иностранных бандах», наводнявших страну. Крестьянам рекомендовалось создавать специальные дружины, чтобы обезопасить себя от этих «банд». Газета «Вестфелише Ландесцайтунг» от 17 июля 1944 г. обратилась ко всем крестьянам с просьбой немедленно сообщать по телефону в ближайшее отделение полиции о всех случаях появления в области бежавших иностранных рабочих. Была введена специальная подготовка для членов гитлеровских организаций молодежи с целью «приобрете-

ния навыков для борьбы против иностранного бандитизма».

Полицей-президент Гамбурга опубликовал в газете «Гамбургер Фремденблат» от 9 октября 1943 г. приказ, в котором объявил, что в связи с тем, что за последнее время много иностранных рабочих покинуло свою работу, всем проживающим в Гамбурге иностранцам приказывалось зарегистрироваться.

Естественно, что в условиях военного времени возможности стачечной борьбы были крайне ограничены. Тем не менее в ряде случаев иностранные рабочие прибегали к забастовкам. Кратковременные забастовки иностранных рабочих произошли на двух предприятиях в Саксонии. В Лютцендорфе осенью 1943 года после падения правительства Муссолини 3 тыс. итальянских рабочих объявили забастовку, требуя немедленного возвращения на родину.

Эти факты свидетельствовали об обострении классовой борьбы в фашистской Германии. В связи с этим гитлеровское руководство вынуждено было в конце 1943 и в начале 1944 года принять новые крутые меры против рабочих. Эти меры шли главным образом по линии усиления контроля над рабочими. Еще в начале 1943 года была создана новая «имперская инспекция» для контроля над выполнением гитлеровских законов о труде. Имперская инспекция, во главе которой был поставлен гаулейтер Юнг, подчинялась «генеральному уполномоченному по труду» Заукелю. Имперские инспекторы, назначенные на все заводы, фабрики и учреждения, были наделены широкими полномочиями и не подчинялись местным властям.

В середине 1943 года было издано распоряжение о создании «рабочих лагерей» для рабочих военной промышленности. В распоряжении рекомендовалось охватить всех рабочих военной промышленности «новым распорядком лагерной жизни». «Всю рабочую силу, занятую в военной промышленности, — говорилось в этом распоряжении, — предполагается в основном разместить в лагерях. Такое размещение выгодно с точки зрения снабжения и руководства рабочими»[51].

---

[51] «Reichsarbeitsblatt», 1943, Nr. 21.

План превращения всех военных заводов в казармы полностью не был осуществлен, но часть рабочих действительно была переведена на казарменное положение и над ней был установлен военный контроль.

В гитлеровской Германии не было столь массового движения Сопротивления, как в других странах Европы, подпавших под власть фашизма, так как фашистскому режиму удалось подчинить своему влиянию значительные массы рабочих и других трудящихся классов и прослоек. Все же передовая часть рабочего класса во главе с коммунистами мужественно и самоотверженно боролась против фашистского господства.

3. Коммунистическая партия Германии в авангарде борьбы демократических сил германского народа против гитлеровской тирании

В годы гитлеровского господства коммунисты показали себя самыми стойкими и решительными борцами против фашистской диктатуры. Коммунистическая партия Германии, после того как она была загнана в подполье гитлеровцами, перестроила свою работу применительно к тяжелым условиям подпольной борьбы.

Несмотря на огромный урон, который был ей нанесен фашистским террором, она сохранила множество организаций и ячеек внутри страны. В то время как другие политические партии времен Веймарской республики после запрещения их Гитлером по сути дела распались, КПГ осталась организованной силой, сохранила свое лицо подлинно пролетарской политической партии, авангарда рабочего класса.

Принципиальные установки для работы партии в условиях господства фашистской диктатуры были разработаны на двух конференциях КПГ — в Брюсселе (октябрь 1935 г.) и в Берне (январь 1939 г.). На Брюссельской конференции КПГ подвергла анализу антинациональную агрессивную политику Гитлера и указала, что эта политика ведет к национальной катастрофе Германии, к развязыванию войны, которая может принести германскому народу, как и народам других стран, лишь неслыханные бедствия. «Мы, коммунисты,— говорилось в Обращении к германскому народу, принятому на конференции,— при-

зываем вас к борьбе за сохранение мира, против политики войны, проводимой гитлеровским правительством»[52].

На конференции в Берне КПГ сформулировала программу борьбы за антифашистскую демократическую Германию.

В резолюции Бернской конференции указывалось: «Центральный Комитет КПГ вновь подчеркивает, обращаясь ко всем социал-демократам, католикам, демократам, ко всем немцам, сознающим свою ответственность, что политика Коммунистической партии твердо и последовательно направлена на то, чтобы в тесном сотрудничестве со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми немцами свергнуть Гитлера и образовать взамен гитлеровской диктатуры свободно избранное всем народом народное правительство новой демократической республики»[53].

В резолюции говорилось, что в новой республике «судьбу страны должен определить единый рабочий класс, который объединится с крестьянами, средним сословием и с интеллигенцией в Народный фронт»[54].

Конференция дала ясную ориентировку всем борцам против фашистского режима, призвав объединить силы антифашистов независимо от их политических и религиозных взглядов во имя свержения гитлеровской диктатуры.

Еще в первые месяцы фашистской диктатуры были схвачены гестапо и брошены в тюрьму многие руководители КПГ. В 1933 году гестапо удалось арестовать вождя германских коммунистов Эрнста Тельмана. В конце войны, в августе 1944 года, Тельман был зверски убит гитлеровскими палачами. Говоря о роли Эрнста Тельмана в борьбе германского народа против фашизма, Вильгельм Пик писал:

«Одиннадцать с половиной лет Эрнст Тельман томился в одиночном заключении в нацистских каторжных тюрьмах. Всюду и везде имя Эрнста Тельмана для рабочих и крестьян, молодежи и интеллигенции связывалось с борьбой, которую вели против варварского режима гит-

---

[52] «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung», S. 57.

[53] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialen und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946», B., 1954, S. 390.

[54] Ibid., S. 393.

леровцев антифашисты в Германии и во всем мире. Тельман стал воплощением последовательного и неустрашимого Сопротивления кровавому господству гитлеровских банд»[55].

Борьба коммунистов в годы фашистской тирании связана также с именами таких видных организаторов германского подпольного антифашистского движения, отдавших свою жизнь за дело рабочего класса, как Антон Сэфков, Фриц Якоб, Бернгард Бестлейн, Ион Шеер, Эрнст Шнеллер, Вальтер Штеккер, Теодор Нейбауэр, Георг Шуман, Роберт Уриг, Катя Нидеркирхнер и многие другие.

Исходя из решений Брюссельской и Бернской конференций, КПГ разработала конкретные задачи борьбы для военного времени. Своей главной задачей КПГ считала объединение всех противников фашизма и войны в общий антифашистский фронт, сплочение всех прогрессивных сил германского народа во имя свержения гитлеровского режима и спасения германской нации.

Именно эту задачу поставил перед собой Национальный комитет «Свободная Германия», созданный немецкими патриотами в июне 1943 года на территории Советского Союза через несколько месяцев после поражения немецко-фашистских войск на Волге.

В Национальном комитете «Свободная Германия» объединились представители самых различных классов, прослоек и групп населения Германии — рабочих, крестьян, выходцев из интеллигенции, кадрового офицерства и т. д. В комитет вошли в качестве представителей КПГ Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и Вильгельм Флорин. Президентом Национального комитета был избран известный немецкий поэт Эрих Вайнерт.

В сентябре 1943 года был создан Союз немецких офицеров, примкнувший к движению Национального комитета «Свободная Германия». В союз вошли видные офицеры германской армии, находившиеся в плену в СССР. Они обратились с воззванием к солдатам и офицерам немецко-фашистских вооруженных сил, в котором разоблачали грабительский характер гитлеровской агрессии и показывали безнадежность военного положения Германии. Патриотически настроенные офицеры, объединившиеся в союзе, призвали покончить с войной и бороться

[55] См. Вилли Бредель, Эрист Тельман, ИЛ, 1952, стр. 7.

за обеспечение мириого и демократического будущего Германии[56].

Деятельность Национального комитета «Свободиая Гермаиия» н Союза немецких офицеров нашла значительный отклик в гитлеровском тылу н в иемецко-фашистской армни. В Германии возиикалн отдельиые группы, примыкавшие к Национальиому комитету «Свободная Гермаиия». Руководящие деятели Коммунистической партни виутри Германии — Антон Сэфков, Франц Якоб, Тео Нейбауэр, Магиус Позер, Георг Шумаи и Отто Энгерт — разработалн платформу под иазваием «Мы, коммунисты, н Национальиый комитет „Свободиая Германия"», в которой заявили о своей полной поддержке программы Национальиого комитета.

Платформа «Мы, коммуиисты, и Нацнональный комитет „Свободиая Гермаиия"» явилась программиым документом коммунистов, боровшнхся внутри Германии против фашистской диктатуры, — документом, давшнм правильиую ориеитировку всем борцам против гнтлеровского режима.

«Мы, коммунисты,— говорилось в докумеите,— находимся в гуще масс. Мы не должны больше удаляться от них. Мы нзвлеклн урокн нз прошлого, из истории германского рабочего движения и революций. Мы поведем массы иа борьбу под правильиыми лозунгами и соответствующими времеии боевыми программами... Сегодия иаши лозунги гласят: „Долой Гитлера!", „Долой войиу!", „За свободиую, независимую, демократическую Германию!"»[57].

В последние годы войиы значительно расшнрилась сеть подпольных коммуиистическнх групп, действовавшнх виутрн Гермаиии. Особое значение для борьбы коммуиистов в этот пернод имела деятельиость трех коммунистических органнзаций — в Берлине, Саксоиии н Тюриигии.

Еще в 1939—1940 годах гитлеровцы выпустили из концеитрациоиных лагерей некоторых коммуиистических фуикциоиеров, считая, что миоголетиее заключеиие в гитлеровских застенках сломнло нх волю к сопротивлеиию и

[56] E. Weinert, Das Nationalkomitée «Freies Deutschland», B., 1957, S. 32.

[57] G. Nitzsche, Die Säfkow — Jacob — Bästlein-Gruppe, B., 1957, S. 59.

что они больше не представляют опасности для фашистского режима. Среди выпущенных из фашистских концентрационных лагерей были коммунисты Сэфков, Якоб и Бестлейн.

Вернувшись в родной Гамбург, Якоб и Бестлейн вместе с Абсхагеном и другими старыми коммунистическими деятелями, находившимися в Гамбурге, создали большую группу Сопротивления. В 1942 году гестапо напало на след этой группы. Бестлейн и Якоб были арестованы, однако последнему удалось обмануть стражу и бежать в Берлин.

В Берлине в это время развернул активную антифашистскую деятельность Сэфков. К нему присоединился Якоб. В начале 1944 года из фашистской тюрьмы Плотцензее удалось бежать и Бестлейну. Таким образом, окончательно оформилось руководящее ядро берлинской группы Сопротивления из трех коммунистических деятелей — Сэфкова, Якоба и Бестлейна.

Берлинская группа стала важным центром коммунистического Сопротивления, одним из основных опорных пунктов КПГ внутри фашистского рейха. В нее влились оставшиеся на свободе члены других коммунистических организаций, которые в 1942 году были выслежены гестапо и в связи с этим вынуждены были прекратить свое существование как самостоятельные группы. Так, с группой Сэфкова — Якоба — Бестлейна объединилась коммунистическая организация, руководимая Робертом Уригом, деятельность которой приходилась в основном на 1938—1942 годы [58]. Сюда же примкнули многие уцелевшие члены группы Шульце-Бойзена — Харнака, создавшие также разветвленную коммунистическую организацию, которая объединяла в основном выходцев из интеллигенции, чи-

[58] Роберт Уриг был выпущен из концентрационного лагеря в 1936 году и сразу же приступил к созданию коммунистической группы Сопротивления. Вместе с другими берлинскими коммунистами ему удалось в 1938 году создать большую коммунистическую группу, опиравшуюся на сеть ячеек, созданных на ряде берлинских предприятий, в том числе на военных заводах. Группа поддерживала связи с коммунистами в Эссене, Ганновере, Мюнхене, Гамбурге и других городах.

В 1942 году были арестованы основные руководители группы — Уриг, Будеус и Беппо Ремер. Фашисты казнили свыше 80 участников группы. Однако ряд ячеек им не удалось обнаружить. Коммунисты, работавшие в этих ячейках, и влились в группу Сэфкова — Якоба — Бестлейна.

новничества, служащих вермахта. В группу Шульце-Бойзена — Харнака входили не только коммунисты, но и беспартийные борцы Сопротивления, в том числе выходцы из буржуазных кругов, объединившиеся с коммунистами во имя свержения гитлеровского режима. Группа поддерживала связь с многочисленными коммунистическими ячейками внутри Германии, а также за границей.

Из организаций, входивших в группу Шульце-Бойзена — Харнака, но действовавших как самостоятельные коммунистические ячейки, наибольшее значение имела группа «Внутренний фронт». Руководителями группы были старые немецкие коммунисты — Ион Зиг, Герберт Грассе, Отто Грабовский и др. Свое название группа получила от издаваемого ею подпольного журнала «Внутренний фронт».

Помимо регулярного издания журнала группа занималась распространением листовок. Один из руководителей группы Герберт Грассе был наборщиком и сумел, используя свои старые связи, достать гектограф. Листовки, отпечатанные на этом гектографе, распространялись на крупнейших берлинских заводах концернов АЭГ, «Сименс» и др. На заводах БЭВАГ, «Шелль», «Аскания», «Лоренц» и др. были созданы подпольные ячейки группы «Внутренний фронт». Группа установила также связи с антифашистами, работавшими в министерстве хозяйства и министерстве связи.

Важное место в работе группы занимали совместные действия с иностранными рабочими в Германии. Устанавливали связь с иностранными рабочими Грассе и Грабовский. Они сумели наладить контакты с иностранными рабочими на ряде берлинских заводов. С целью распространения среди иностранных рабочих журнал «Внутренний фронт» и листовки издавались не только на немецком языке, но и на русском, польском, чешском, французском и итальянском языках.

Группа установила также связь с насильно угнанными в Германию советскими гражданами и с 1943 по 1945 год регулярно поддерживала с ними контакты.

Члены группы «Внутренний фронт» неустанно разъясняли неизбежность поражения фашистской Германии.

Одна из листовок, составленная Ионом Зигом, была озаглавлена «Тревога за судьбу Германии все более усиливается в народе». В ней говорилось, в частности, о том,

что беспокойством и неуверенностью охвачены даже фашистские «верхи»: «Конечная победа национал-социалистской Германии теперь уже исключена». Листовка призывала объединить все силы для свержения нацистского режима и прекращения войны [59].

Группа «Внутренний фронт» работала в тесном контакте с коммунистической подпольной группой, которая действовала под руководством Гарро Шульце-Бойзена и Арвида Харнака.

Вместе с группой Шульце-Бойзена — Харнака руководители группы «Внутренний фронт» распространяли среди рабочих материалы, получившие название «листовки АГИ» (от слова «агитация»). Одна из таких листовок, написанная Зигом, называлась «Народ обеспокоен судьбой Германии». В листовке говорилось, что фашистский режим пытается продлить свое существование ложью и преступлением. Однако и в самой верхушке наблюдаются признаки разложения. «Победа нацистской Германии, — говорилось в листовке, — невозможна. Интересы германского народа требуют ликвидации нацистского режима и окончания войны» [60].

В другой листовке АГИ, написанной участником группы «Внутренний фронт» Вильгельмом Гуддорфом, указывалось на тесное переплетение концернов с нацистской партией и вскрывалась монополистическая суть гитлеровского режима. Листовка призывала к свержению господства финансового капитала и к ликвидации фашистского аппарата насилия. Она выражала уверенность в победе трудящихся над монополистами [61].

Летом 1942 года в руки гестапо попало руководство подпольной группы Шульце-Бойзена—Харнака [62]. Однако деятельность группы «Внутренний фронт» продолжалась: журнал «Внутренний фронт» выходил вплоть до лета 1944 года. Участники группы распространяли листов-

---

[59] См. Архнв Инстнтута маркснзма-ленниннзма при ЦК СЕПГ. IMZ-Archiv, Materialsammlung Schulze-Boysen — Harnack-Gruppe, Bl., 67.

[60] «Die Völker im Widerstandskampf», B., 1960, S. 117.

[61] Ibid., SS. 117—118.

[62] Гестапо, напав иа след группы, арестовало 600 ее участинков. Однако ему не удалось выследнть всех членов этой организацин. Гестапо приговорнло 55 членов группы Шульце-Бойзена — Харнака к смертной казин. Миогне участинки группы были расстреляиы гестапо без суда.

ки среди солдат и офицеров, призывая положить конец войне и повернуть оружие против фашистских палачей, проводили регулярные дискуссии среди офицеров.

Группа Сэфкова — Якоба — Бестлейна создала многочисленные ячейки на предприятиях. Сеть этих ячеек охватила крупнейшие берлинские заводы, в том числе и военные заводы. Особую активность группа развила на заводах концернов «Сименс», АЭГ, «Даймлер—Бенц», «Аскания», «Телефункен» и др. В связи с деятельностью группы Сэфкова — Якоба — Бестлейна на заводе «Аскания» в Мариендорфе гестапо арестовало 80 рабочих, в том числе немало иностранных. На военном заводе «Альфред Тэвес АГ» в Берлине — Виттенау была создана ячейка, в которой участвовали как рабочие—коммунисты, так и рабочие — социал-демократы. Она насчитывала 40 человек. 17 из них были арестованы, 7 членов ячейки были приговорены фашистским судом к смертной казни.

На военном предприятии концерна «Сименс» в Берлине — Мариенфельде также были произведены многочисленные аресты. Трое из арестованных коммунистов были приговорены к смертной казни.

Значительная коммунистическая ячейка, входившая в группу Сэфкова — Якоба — Бестлейна, существовала в издательстве «Дейчер Ферлаг». Она объединяла 40 человек и развернула активную работу. Коммунистическая ячейка распространяла листовки, собирала деньги на нужды подпольной организации, систематически саботировала издание нацистских пропагандистских материалов. В книги и брошюры, издаваемые «Дейчер Ферлаг», члены коммунистической ячейки вкладывали листовки, призывавшие к свержению гитлеровского режима [63].

Группа Сэфкова — Якоба — Бестлейна прилагала особые усилия, чтобы установить связь с иностранными рабочими. В циркулярном письме, изданном группой в феврале 1944 года, специально указывалось на важность организации совместных выступлений немецких и иностранных рабочих. Члены группы искали контакты с военнопленными. В частности, им удалось наладить связь с советскими, французскими и югославскими военнопленными, содержавшимися в лагере в Фюрстенберге (на реке Одер).

[63] G. Nitzsche, Die Säfkow — Jacob — Bästlein-Gruppe, SS. 43—44.

Сохранилось обращение группы французских военнопленных к руководителям организации Сэфкова — Якоба — Бестлейна, в котором говорилось о солидарности французских коммунистов в борьбе с немецкими антифашистами [64].

В соответствии с указаниями Центрального Комитета КПГ группа развернула работу среди различных слоев населения, добиваясь создания общенационального фронта борьбы против фашизма. Руководители группы стремились вовлечь в антифашистскую борьбу крестьянство. Бывший член рейхстага от КПГ Вилли Скамира разработал особую программу для крестьян. В ней указывалось на необходимость тесного союза между рабочими и крестьянами в борьбе против фашизма.

Группа поддерживала тесные связи со многими прогрессивно настроенными представителями интеллигенции. Большую активность развил член группы начальник военного госпиталя доктор Крейзельмейер. Он оказывал группе также и финансовую помощь. Арестованный в 1944 году, Крейзельмейер заявил гестапо: «Я пришел к этим убеждениям в результате переживаний, связанных со Сталинградом, я хотел каким-то образом помочь своему народу...» [65]

Определенную помощь группе оказывали также выходцы из буржуазных кругов, в том числе некоторые мелкие и средние предприниматели. Собственник оптической фирмы Фридрих Ницше предоставил убежище Якобу, разрешил на своем предприятии изготовлять фотокопии документов и сам участвовал в распространении листовок.

Группа Сэфкова — Якоба — Бестлейна установила также контакт с руководящими деятелями и организациями заговора против Гитлера, стремясь использовать примкнувшие к заговору демократически настроенные круги в интересах активизации антифашистской борьбы.

Она поддерживала связь с антифашистскими кругами за границей и через сотрудника шведского посольства в Берлине Арвида Лундгрена сумела переправить за границу некоторые свои материалы и информацию о деятельности группы. О своих встречах с Якобом Арвид

[64] G. Nitzsche, Die Säfkow — Jacob — Bästlein-Gruppe, SS. 49—50.

[65] Ibid., S. 64.

Лундгрен рассказал на страницах шведской социал-демократической газеты «Нью тид» 28 мая, 5 и 9 июня 1947 г.: «Мы встречались по крайней мере два раза в неделю. Он сообщал мне ценные сведения, которые я мог передать затем по назначению... Однажды я должен был спрятать ротатор, так как гестапо устроило облаву и не нашлось более надежного убежища, чем моя квартира. Наше сотрудничество становилось все более тесным, и я имел возможность присутствовать на конференциях с участием представителей различных профессий».

4 июля 1944 г. Сэфков и Якоб были арестованы. Сохранилось обвинительное заключение, составленное гестапо, в котором отмечались большая активность группы и широкий размах ее работы.

«В 1943 году, — говорилось в обвинительном заключении гестапо, — Сэфков и Якоб встретились, и оба пришли к единой точке зрения, что Германия после падения Сталинграда не может выиграть войну... Для того чтобы способствовать свержению третьего рейха и заключению мира, они выработали следующие мероприятия: создание ячеек на предприятиях в Берлине, главным образом на военных предприятиях; вербовка подходящих партийных работников, которые могли вести группы на предприятиях; объединение солдат на родине и на фронте в группы Сопротивления, пересылка пропагандистского материала на фронт через полевые почты; создание специального подпольного аппарата для добывания оружия и изготовления различных бумаг для партийных работников, живущих в подполье; выпуск и распространение разъяснительной литературы; связь с городами за пределами Берлина; налаживание связи с другими коммунистическими, а также социал-демократическими группами Сопротивления, с антифашистски настроенными политиками, деятелями искусства и др...» [66]

15 сентября 1944 г. начался судебный процесс над группой Сэфкова — Якоба — Бестлейна. Все руководители группы были приговорены к смертной казни. «Сэфков, Якоб и Бестлейн, — говорилось в приговоре, — старые коммунистические работники, которые полны ненависти к нашему фюреру и его государству... Их нельзя переучить и изменить. То наказание, которое они уже

[66] См. «Neues Deutschland», 17. Juli 1946.

отбывали раньше из-за подготовки к государственной измене, произвело на них так же мало впечатления, как и дальнейшее пребывание в концентрационных лагерях. За пять военных лет они вновь восстановили КПГ в таких размерах и старались разложить армию в таком масштабе, что рейху это угрожает самыми тяжелыми опасностями» [67]. 18 сентября 1944 г. смертный приговор Сэфкову, Якобу и Бестлейну был приведен в исполнение. Вместе с ними погибли еще 400 членов их группы.

Сильная коммунистическая группа Сопротивления существовала в Тюрингии. Она возникла после объединения отдельных коммунистических ячеек и организаций, действовавших в различных городах Тюрингии. Наибольшее значение из них имели организация в районе Иены, руководимая Магнусом Позером, и ячейка в районе Готы, действовавшая под руководством Теодора Нейбауэра. Эти старые коммунистические функционеры были выпущены из концентрационных лагерей накануне войны (Позер — в 1936 г., Нейбауэр — в 1939 г.) и немедленно возобновили антифашистскую деятельность. Объединение обеих организаций произошло в 1941—1942 годах. Возникла большая и сплоченная группа, которая известна как группа Нейбауэра—Позера.

Группа распространяла антифашистские листовки. В 1943 году ее руководителям удалось раздобыть типографский аппарат. На нем были отпечатаны листовки «Гитлеровская война проиграна!» (1500 экз.), «К текущему положению» (700 экз.), «Знайте, что Гитлер проиграл войну!» (1500 экз.) и др.[68]. В первой из этих листовок, выпущенной в сентябре 1943 года, говорилось: «Сегодня каждый спрашивает: «Что произойдет после свержения Гитлера?» Бо́льшая часть немецкой буржуазии уже готова продать Германию англо-американскому империализму, для того чтобы спасти свое существование как класса эксплуататоров... Для трудящегося народа Германии существует лишь одно спасение: свержение Гитлера и финансового капитала, создание правительства трудящегося народа» [69]. В этой листовке немецкие

[67] «Neues Deutschland», 17. Juli 1946.

[68] См. G. Glondajewski, H. Schumann, Die Neubauer — Poser-Gruppe, B., 1957, S. 36.

[69] Ibid., S. 38.

коммунисты обнаружили большую политическую проницательность, ясность цели антифашистской борьбы.

Подобно группе Сэфкова — Якоба — Бестлейна, группа Нейбауэра — Позера сумела создать многочисленные ячейки на предприятиях Тюрингии. Особенно активно действовали ячейки на машиностроительном заводе Генри Пельса, на резиновых заводах в Эрфурте, на предприятии «Олимпия АГ», производившем помимо пишущих машинок части для самолетов и другие военные материалы.

Группа установила тесные контакты с иностранными рабочими и распространяла среди них листовки, в том числе и листовки на русском языке.

Позер был арестован 14 июля 1944 г. В ночь с 20 на 21 июля ему удалось сбить охранника и пробежать через тюремный двор до стены. При попытке преодолеть тюремную стену он был убит.

Нейбауэр был арестован в тот же день, 14 июля. При аресте он пытался бежать и был ранен. Фашисты подвергли Нейбауэра диким пыткам. В январе 1945 года он предстал перед фашистским судом и 5 февраля 1945 г. был казнен.

Важный опорный пункт подпольной деятельности Коммунистической партии был создан в Саксонии. Его руководителем стал бывший член рейхстага от КПГ Георг Шуман. Его ближайшими помощниками были Отто Энгерт и Курт Крессе. Центр группы находился в Лейпциге. Во время войны саксонским коммунистам удалось создать ячейки на 15 важных лейпцигских предприятиях, в том числе на заводах «Мейер унд Вейхельт», «Питтлер АГ», «Металлгус ГМБХ» и др. Группа Шумана установила связь с антифашистами, действовавшими на предприятиях «Лейнаверке» и «Бунаверке». Она поддерживала также контакты с коммунистами Дрездена, Галле, Мерзебурга и т. д. Большая работа велась среди молодежи. Молодежная организация, примыкавшая к группе, насчитывала около 120 человек.

Сильной стороной группы Шумана была ее активная деятельность по вовлечению иностранных рабочих в революционную борьбу. Группе даже удалось организовать на двух предприятиях Саксонии кратковременные забастовки иностранных рабочих.

Члены группы установили связи с выходцами из са-

мых различных слоев населения, добивались создания общенародного фронта антифашистской борьбы. Шуман вступил в переговоры с Карлом Герделером. Переговоры, однако, не привели к каким-либо результатам. В апреле 1944 года руководство лейпцигской группы стало издавать подпольную газету «Сопротивление».

Важнейшее значение для подпольной коммунистической борьбы в Германии имело установление контакта между тремя группами — берлинской, тюрингской и саксонской. Руководящие деятели этих групп — Антон Сэфков, Франц Якоб, Тео Нейбауэр, Георг Шуман и Отто Эйгерт — периодически встречались все вместе или по двое в Берлине, Лейпциге и Готе. Во время этих встреч обсуждались вопросы, касавшиеся разработки общей политической линии, и организационные проблемы.

Приведенные факты — яркое свидетельство героической борьбы немецких коммунистов против фашизма и войны за новую, миролюбивую и демократическую Германию. Разумеется, это лишь небольшая часть той огромной работы, которую вел в фашистском тылу авангард германского рабочего класса — Коммунистическая партия. Немецкие коммунисты никогда не складывали оружия в борьбе против фашизма, в борьбе за свободу и счастье своего народа.

Немецкий рабочий класс и его авангард Коммунистическая партия Германии несли на своих плечах главную тяжесть борьбы против террористического нацистского господства в Германии. Они были ядром антифашистского Сопротивления в Германии.

Гитлеровское господство не было сломлено изнутри. Но германское рабочее движение дало яркие образцы героизма и отваги в борьбе за идеалы рабочего класса.

Прогрессирующее разложение фашистского тыла, огромный рост недовольства войной и фашистским режимом, усиление подлинно антифашистского движения Сопротивления нацистской диктатуре — все это влияло на состояние правящего лагеря Германии — монополистическую буржуазию, помещичье-юнкерские круги, чиновничество, офицерство и т. д. Многие представители правящего лагеря начинали понимать, что гитлеровская Германия обречена на гибель. Правящие классы фашистской Германии были охвачены страхом перед неминуемой военной катастрофой и назревавшим внутренним

крахом гитлеровского режима. Они судорожно искали выхода, который позволил бы сохранить господство монополистического капитала и милитаризма в Германии. Отсюда родилась «оппозиция» гитлеровскому режиму со стороны представителей тех классов и прослоек, которые верой и правдой служили ему в годы военных и внешнеполитических успехов.

Процесс прозрения в первую очередь охватил определенные военные круги. Было бы неправильным назвать заговор против Гитлера, оформившийся после поражения немецко-фашистских войск на Волге, просто «генеральским заговором», как это иногда делается в исторической литературе. Но нет сомнения, что военные круги были весьма широко представлены в заговоре и что планы «дворцового переворота», направленные против Гитлера, зарождались именно в военной среде. Поэтому состоянию германской военщины и причинам возникновения «оппозиции» в фашистском вермахте следует уделить особое внимание.

Глава вторая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЛАНОВ «ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА» И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАГОВОРА ПРОТИВ ГИТЛЕРА

1. Взаимоотношения между генералитетом и Гитлером. Возникновение оппозиции в германской армии

Германская военщина была довольно однородна по своему классовому составу. Основные ее кадры всегда поставляло юнкерство. «В Англии и во Франции,— писал В. И. Ленин незадолго до первой мировой войны,— буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом»[1].

В. И. Ленин подчеркивал, что в монархической Германии существовала тесная связь между засильем милитаризма и властью юнкерства. Монархический милитаризм, а впоследствии «демократический милитаризм», непосредственно опирался на юнкерские кадры.

Военная каста цепко держалась за свои привилегии, пользуясь определенной «автономностью» в государственной жизни Германии. Говоря о месте и влиянии военной касты в Германии, Карл Либкнехт писал, что она стала «не только государством в государстве, но прямо государством над государством»[2].

---

[1] В. И. Ленин, О старых, но вечно новых истинах, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 280.

[2] К. Либкнехт, Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи, Госполитиздат, 1960, стр. 36.

Поражение германского милитаризма в первой мировой войне привело к перегруппировке сил внутри военной касты. Прусская военщина временно оказалась не у дел. Часть оставшихся без дела прусских офицеров была завербована фашистской партией, другая часть нашла убежище в германском рейхсвере (так называлась армия, которую разрешено было создать Германии по Версальскому договору) и пыталась превратить его в орган по руководству восстановлением германской военной мощи.

Представителями этих двух групп германской военщины в годы после первой мировой войны были Людендорф и фон Сект. Людендорф еще в 1919 году сгруппировал вокруг себя наиболее авантюристические элементы германской военщины. Постепенно круг его единомышленников из бывших офицеров германской армии все более расширялся. Идеалом Людендорфа было установление в Германии открытой военной диктатуры с целью мобилизации всех сил и средств германского государства для подготовки и проведения «тотальной» войны. Взгляды Людендорфа легли в основу гитлеровской стратегии «тотальной» и «молниеносной» войны.

Другой характер имела группа представителей старого генералитета, примкнувшая к Секту.

Ганс фон Сект родился в 1866 году. Во время первой мировой войны он был начальником штаба армии Макензена. 7 июля 1919 г. Сект стал руководителем Всеобщего военного бюро при военном министерстве. Это бюро частично заменило генеральный штаб, официально прекративший свое существование согласно условиям Версальского мира.

Всеобщее военное бюро стало центром по организации новых вооруженных сил Германии после ее поражения в войне 1914—1918 годов. О работе, которая проводилась в этом направлении, рассказывал в своей книге «Возрождение германской армии» бывший сотрудник генерального штаба Герхард Томэ: «Значительное количество оружия было спасено. Воздвигались двойные стены, устраивались подземные помещения, делались замаскированные входы, под склады оружия использовались вентиляционные шахты административных зданий, дома высшего и низшего офицерства, военнослужащих и испытанных штатских людей. Здания, бывшие собственностью армии, сдавались частным лицам и превращались

в склады оружия. Была организоваиа широко разветвлеииая разведка... Полковые адъютаиты рейхсвера вели между собой шифроваиную переписку о складах оружия. Сельское хозяйство и индустрия давали средства, которые правительство ие хотело или не могло дать. Командование воениых округов получало деиьги для иайма штатских лиц, которые составляли так изываемый «чериый рейхсвер»[3]. В стенах бюро были воспитаиы некоторые известиые германские генералы, в том числе будущий начальиик германского геиерального штаба и один из руководителей заговора 20 июля 1944 г. — Людвиг фои Бек.

Руководил всей деятельиостью бюро фон Сект. В 1920 году ои стал первым главнокомаидующим рейхсвера и оставался иа этом посту до 1926 года.

Во время революционных событий 1923 года Сект мобилизовал рейхсвер для поддержки реакции. Он бросил войска против закоиииых правительств Саксоиии и Тюриигии, когда там к власти пришли социал-демократы и коммуиисты.

Одиако ои отказался поддержать фашистских мятежииков, устроивших «пивиой путч» в Мюихеие в ноябре 1923 года. В то время как Людеидорф вместе с Гитлером возглавили этот мятеж, Сект встал иа стороиу социал-демократического правительства и способствовал подавлению мятежииков. Ои отказался провозгласить диктатуру рейхсвера и возглавить иовое правительство.

Литературиое наследство Секта, отразившее его взгляды, иевелико — всего иесколько иебольших кииг, в том числе: «Будущее германской империи», «Германский рейхсвер», «Мысли солдата»[4]. В первой из этих работ изложеиы его стратегические и воеиио-политические взгляды. Сект ие был политиком. Он ие ставил своей целью дать картину политического устройства Европы, а оперировал чисто воеииыми поиятиями. Для его Фраиция — левый флаиг, Россия — правый фланг, Запад — фроит. Восток — стратегический тыл. Осиовиой вывод, который

---

[3] G. Thomée. Der Wiederaufstieg des deutschen Heeres 1918—1938, Verlag, «Die Wehrmacht», 1939, SS 7—8.

[4] H. v. Seeckt, Die Zukunft des deutschen Reiches, B., 1929; его же, Gedanken eines Soldaten, B., 1929; его же, Die Reichswehr, Leipzig, 1933.

сделал Сект из опыта первой мировой войны, состоял в том, что нельзя воевать одновременно на левом и правом флангах, то есть на двух фронтах, необходимо обеспечить себе «спокойный тыл». Для этого он призывал поддерживать дружеские отношения с Россией.

Сект был горячим сторонником договора в Рапалло, заключенного между Советской Россией и Германией в апреле 1922 года. В письме к рейхсканцлеру от 11 сентября 1922 г. Сект заявил, что Германия должна стремиться к «усилению России в экономическом и политическом отношениях», так как Германия заинтересована в союзе с Россией [5]. Сект выступил против «возведения стены между Германией и Россией», ибо это, по его словам, могло лишь помочь «темным делам Антанты» [6].

Десять лет спустя, в июле 1932 года, Сект столь же ясно и категорически сформулировал свои взгляды на взаимоотношения между Советским Союзом и Германией. В статье, озаглавленной «Запад и Восток», он писал: «Западная ориентация для Германии, если она вообще осуществима, сомнительна с точки зрения интересов Германии и может быть губительной по своим последствиям... В периоды здорового и нормального развития Германия всегда являлась мостом в Россию. После войны Россия и Германия дополняли друг друга и в связи с позицией, занимаемой другими державами, зависели друг от друга... Совершенно различные формы государственной жизни внутри страны не должны иметь влияние на политические взаимоотношения» [7].

После отставки с поста главнокомандующего рейхсвером Сект примкнул к Немецкой народной партии и в 1930—1932 годах был членом рейхстага от этой партии. В 1934—1935 годах он служил военным советником гоминдановского правительства в Китае. После возвращения в Германию, в декабре 1936 года, он умер.

Стратегические и военно-политические взгляды Секта разделяла бо́льшая часть рейхсверовских генералов, которые занимали ответственные посты также и в гитлеровском генеральном штабе. До начала второй мировой войны их более или менее открыто выражали Гренер,

[5] H. v. Seeckt, Aus seinem Leben, 1918—1936, Leipzig, 1940, S. 317.
[6] Ibid., S. 305.
[7] Ibid, S. 668.

Фалькенхайн, Ветцель, фон Метч, Кабиш, Фрейтаг-Лорингхофен и др.

Однако группа фон Секта по мере усиления позиции фашистских элементов в правящем лагере Германии постепенно теряла свое влияние. Господствующими становились принципы «молниеносной истребительной войны» Людендорфа. После прихода Гитлера к власти авантюристские круги офицерства, группировавшиеся вокруг Людендорфа, заняли ведущие позиции в армии.

Внешнеполитическая концепция и военная доктрина этих кругов были основаны на планах завоевания европейского господства, причем главным этапом на этом пути должна была быть организация «крестового похода» против СССР. Не кто иной, как Людендорф, впервые сформулировал планы такого «крестового похода». В 1919 году он предложил организовать армию «крестоносцев» под командованием Фоша, причем для себя выговаривал пост генерал-квартирмейстера. Планы «крестового похода» против СССР были затем подробно развиты в «сочинениях» гитлеровских главарей и в «исследованиях» фашистских мракобесов вроде Гаусгофера и Банзе.

Внешнеполитическая доктрина германского фашизма была основана на союзе с Англией и Италией с целью обеспечения «свободы рук» для германского милитаризма на Востоке для осуществления старых мечтаний германских империалистов—«Дранг нах Остен». Эта доктрина с восторгом была встречена большей частью прусско-германского офицерства. Однако многие рейхсверовские офицеры понимали ее авантюристичность и видели, что попытка осуществить ее в конечном итоге приведет лишь к изоляции Германии и к войне на два фронта — на Востоке и на Западе. Некоторые представители рейхсверовского генералитета придерживались особых взглядов в вопросе о темпах подготовки агрессии, сроков ее развязывания, направления первого удара и методов ведения войны.

Гитлер провел ряд мер, которые полностью подчиняли армию фашистскому руководству и должны были пресечь возможность всяких оппозиционных выступлений со стороны генералов, возражавших против фашистской военной доктрины.

Сект был отстранен от активной военной деятельности. Такая же участь постигла и Гренера, одного из пер-

вых генералов, понявших невозможность поддержки монархического режима в Германии после революции 1918 года и перешедших на сторону республиканского правительства. До прихода Гитлера к власти Гренер занимал ряд министерских постов, в том числе посты министра путей сообщения, военного министра и министра внутренних дел. В своих трудах, особенно в книге «Завещание Шлиффена», Гренер, обобщая уроки первой мировой войны, пришел к выводам, полностью совпадавшим с выводами Секта. Такой человек не мог пользоваться доверием Гитлера.

К этой же плеяде старых рейхсверовских генералов принадлежал Шлейхер. Во время войны 1914—1918 годов он занимал пост «политического наблюдателя», в задачу которого входило следить за моральным состоянием в тылу и в лагере союзников Германии. После войны он выполнял аналогичные функции в военном министерстве и осуществлял связь между рейхсвером и политическим руководством. Такая должность давала ему возможность следить за закулисной игрой политиков и держать в своих руках все нити политических интриг. Это делало Шлейхера особенно опасным для гитлеровской верхушки. 30 июня 1934 г., во время расправы гитлеровцев с оппозиционными штурмовиками, генерал фон Шлейхер вместе со своим адъютантом полковником фон Бредовом был убит.

После отстранения «первой плеяды» старых кайзеровских генералов, группировавшихся вокруг Секта, Гитлер расправился также с учениками и поклонниками Секта, занимавшими руководящие посты в германском рейхсвере. К ним относились, в частности, военный министр Бломберг, главнокомандующий сухопутной армией Фрич и начальник генерального штаба Бек. Они выражали опасения, что политика фашистской партии может привести к краху всей проделанной генералами работы по восстановлению могущества германской армии и к потере последних шансов на завоевание Германией европейской и мировой гегемонии.

Генерал Фрич был одним из самых близких сотрудников фон Секта. В 1926 году Сект назначил его начальником первого отдела Всеобщего военного бюро. В 1934 году по настоянию Гинденбурга он был назначен главнокомандующим сухопутной армией. Фрич критически относился к фашистским военным доктринам. О настроениях

его в первые годы после прихода Гитлера к власти писал миоголетний берлииский корреспоидент америкаиской радиовещательиой компаиии «Колумбия Бродкастииг систем» Вильям Ширер в своих «Берлииских диевииках».

«Гитлер прибыл сегодия после полудия в Саарбрюккеи и устроил смотр войскам СС, — записал 1 марта 1935 г. Ширер в диевнике. — До иачала парада я стоял рядом с фои Фричем. Я был несколько удивлеи тем, что ои говорил. Ои выпаливал одио за другим ядовитые замечаиия по адресу СС, партии, различных партийных лидеров по мере того, как они появлялись. Он был полон иедовольства всеми ими. Когда показалась машина Гитлера, ои пробурчал что-то и занял свое место иа время смотра непосредствеиио за фюрером»[8].

Одиако эти иастроения Фрича не мешали ему прииимать активиое участие в разработке плаиов захвата Австрии и Чехословакии. Весьма характерным в этом отиошении явилось выступлеиие Фрича иа совещаиии у Гитлера 5 иоября 1937 г., на котором присутствовали кроме Фрича Бломберг, Редер, Герииг и Нейрат.

Фрич выразил свое согласие с планами агрессии, которые были изложеиы Гитлером, и заявил, что готов приступить к их иемедлеиному осуществлению. В записях этого совещания, составлеиных полковником Хоссбахом, указывается: «Генерал-полковиик фон Фрич упомянул, что целью исследоваиия, которое ои иаметил иа эту зиму, является изучение возможности осуществлеиия действий против Чехословакии, причем особое виимаиие будет уделено захвату чехословацкой системы укреплеиий. Геиерал-полковиик также заявил, что в связи с существующими обстоятельствами ои откажется от поездки в отпуск за граиицу с 10 ноября». В таком же духе высказался и Бломберг[9].

Откровеииые выступлеиия Фрича и Бломберга говорят о том, что даже те генералы, которые придерживались иных взглядов, чем Гитлер, на общие вопросы стратегии германского фашизма в борьбе за мировое господство отиюдь ие были преисполиены «миролюбия» и иеизмеиио были готовы поддержать агрессивиые плаиы Гитлера, если только оии сулили успех германской армии.

[8] W. Shirer, Berlin Diary, N. Y., 1941, p. 101.

[9] См. W. Foerster, Ein General kämpft gegen den Krieg. München, 1949, S. 64.

Тем не менее установки определенной части генералитета, близко стоявшей к старому руководству рейхсвером, сплошь и рядом приходили в столкновение с открыто авантюристичными планами Гитлера. Поэтому накануне войны, в 1938 году, фашистский диктатор предпринял коренную реорганизацию руководства вооруженными силами.

Первым был отстранен со своего поста военный министр Бломберг. Поводом к его увольнению послужила его женитьба на некоей фрейлейн Эрне Грун, которая оказалась проституткой, зарегистрированной в 7 немецких городах. До поры до времени прошлое Грун совершенно не смущало гитлеровских главарей. Гитлер и Геринг даже присутствовали на венчании Бломберга с Эрной Грун. Они вспомнили о «компрометирующей» женитьбе, когда нужно было найти повод для реорганизации армии в угодном для Гитлера направлении. В конце января 1938 года было созвано специальное совещание генералов у Гитлера, на котором фашистский фюрер объявил, что «скандальная» женитьба Бломберга не позволяет ему больше занимать «высокий пост» военного министра[11].

Отстранение Фрича произошло после того, как гестапо сфабриковало против него дело по обвинению в гомосексуализме, воспользовавшись показаниями одного из арестованных гестаповцами офицеров. Геринг пригрозил этому офицеру смертной казнью, если он не повторит своих показаний во время очной ставки с Фричем перед Гитлером. Очная ставка состоялась. После нее было созвано новое совещание генералов, на котором Гитлер объявил об отстранении Фрича[12]. На место Фрича был назначен Браухич.

Отставка Бломберга и Фрича расчистила Гитлеру путь к далеко идущей реорганизации управления воору-

---

[11] H. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Zürich, 1946, Bd. Q, S. 283; F. Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitier, Hannover, 1949, S. 121.

[12] Дело Фрича было передано на рассмотрение имперскому военному суду. Его вел главный судья армии доктор Зак, который впоследствии примкнул к заговору против Гитлера и был казнен. Суд оправдал Фрича, но он уже не вернулся на руководящую работу в армии. В сентябре 1939 года он погиб под Варшавой (см. Foertsch, Schuld und Verhängnis. Die Fritsch—Krise im Frühjahr 1938, Stuttgart, 1951).

женными силами. 4 февраля 1938 г. был опубликован закон о сосредоточении всего военного руководства в руках Гитлера. Военное министерство было упразднено и вместо него создано верховное командование вооруженных сил. Параграф первый этого закона гласил: «Командование всеми вооруженными силами осуществляет фюрер и канцлер германской империи (т. е. Гитлер, объединивший в своих руках оба поста. — *Д. М.*) непосредственно и лично. Ему непосредственно подчинено в качестве его военного штаба Верховное командование, которое выполняет функции военного министерства. Во главе Верховного командования стоит начальник, приравненный в ранге к министру и выполняющий по поручению фюрера и канцлера функции военного министра. Верховное командование вооруженными силами руководит в мирное время по указаниям фюрера оборонными работами во всех областях. Главнокомандующие сухопутной армией, военно-морским флотом и военно-воздушным флотом непосредственно подчинены фюреру».

Смысл закона 1938 года заключался в том, чтобы установить полный нацистский контроль над армией и подчинить ее гитлеровскому руководству.

После реорганизации 1938 года была установлена следующая структура командования германских вооруженных сил. Во главе вооруженных сил стоял верховный главнокомандующий, которым являлся сам Гитлер. Затем следовало верховное командование вооруженных сил (Oberkommando der Wehrmacht — OKB), начальником которого был назначен Кейтель. Наиболее важным его подразделением был руководящий штаб, во главе которого стоял Йодль. Вооруженные силы подразделялись на сухопутные, морские и воздушные. Главнокомандующим военно-морским флотом остался Редер. В 1941 году после поражения под Москвой Браухич с поста главнокомандующего сухопутной армией был смещен. Этот пост занял сам Гитлер. В 1943 году Редер был заменен Деницем. Главнокомандующим военно-воздушными силами был назначен Геринг. Верховное командование вооруженных сил, так же как и командование сухопутных, морских и воздушных сил, имело свой собственный штаб. Генеральным штабом назывался штаб сухопутных сил.

Гитлеровская реформа армии вызвала широкое недовольство у старых кадровых военных, так как она за-

тронула вековую привилегию юнкерства — неограниченное господство в армии, обеспечивавшее ему колоссальное влияние на всю государственную жизнь страны. Это господство основывалось на том, что представители юнкерства всегда занимали ведущие командные посты в армии. Теперь же командование захватил Гитлер, который начал заменять старых кадровых офицеров-дворян функционерами нацистской партии. Юнкерство восприняло гитлеровскую реформу как покушение на свои давние права поставлять командные кадры для армии.

Но помимо этого у определенной части старых военных деятелей реформа породила опасения еще и другого рода. Назначение Гитлера главнокомандующим означало, что его крайние авантюристские установки будут отныне определяющими для вооруженных сил, военного планирования, составления оперативных планов. Наибольшие опасения у кадрового офицерства вызвало при этом то, что авантюристская военная политика Гитлера может вовлечь Германию в войну на нескольких фронтах.

Из представителей старой школы германской военщины, до поры до времени оставшихся на ответственных постах при новом руководстве, наиболее отчетливо эту опасность сознавали генералы Хаммерштейн и Бек.

Генерал фон Хаммерштейн был одним из представителей «сектовского» направления среди германской военщины. Он был близким другом Шлейхера и Гренера. Хаммерштейн предупреждал против опасности, связанной с приходом фашистов к власти, и пытался повлиять на Гинденбурга, желая предотвратить назначение Гитлера рейхсканцлером. Хаммерштейн понимал, что политика Гитлера может создать угрозу самому существованию Германии, втянув ее в безнадежную войну. За свои враждебные фашизму взгляды Хаммерштейн был даже прозван «красным генералом». Он ушел со своего поста начальника руководящего штаба армии еще в 1934 году, но продолжал занимать командные посты в армии.

Разногласия генерала Бека с фашистским руководством проявились отнюдь не сразу после прихода Гитлера к власти. Более того, известно, что непосредственно перед захватом власти фашистами Бек встал на защиту двух офицеров, которых предполагалось уволить из рейхсвера за открытое проявление симпатии к Гитлеру. Нацисты оценили этот жест Бека. В первые годы после прихода

фашистов к власти Бек занимал пост начальника генерального штаба армии. Английский историк Уилер-Беннет, характеризуя взгляды Бека, отметил, что «Бек первоначально был готов блокироваться с национал-социализмом, полагая, что нацисты помогут обеспечить Германии доминирующую роль среди остальных наций» [13].

Однако в 1938 году, когда Гитлер готовился развязать войну, Бек считал, что Германия еще недостаточно подготовлена. Позиция Бека в этот период проливает свет на характер разногласий между Гитлером и частью офицерства.

Еще в начале 1938 года Гитлер отдал распоряжение разработать «Зеленый план» (план нападения на Чехословакию). 28 мая 1938 г. начальник ОКВ Кейтель получил письменную директиву от Гитлера, которая начиналась словами: «Моим твердым решением является в ближайшее время разбить Чехословакию путем военной акции»[14]. 30 мая эта директива была передана генералитету во время секретного совещания в Ютербогской артиллерийской школе. К первому октября 1938 года было приказано разработать план военного вторжения в Чехословакию.

Решение Гитлера развязать агрессию уже в 1938 году побудило Бека выступить со специальными меморандумами, в которых он доказывал, что с войной следует повременить. Сохранились три меморандума Бека, относящиеся к этому периоду [15]. Помимо меморандумов сохранился также набросок выступления Бека, которое состоялось 16 июля 1938 г. на совещании генералов у главнокомандующего сухопутной армией Браухича.

Как явствует из наброска, Бек обвинил Гитлера и его окружение в авантюризме и заявил, что генералы обязаны единодушно выступить против плана нападения на Чехословакию. «Здесь поставлено на карту,—говорится в наброске выступления Бека,— само существование нации. История возложит на руководителей вермахта тяжелую вину, если они не будут действовать в соответствии со своими государственно-политическими и профессиональными убеждениями и со своей совестью. Их сол-

---

[13] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 321.
[14] Ibid., S. 421.
[15] Речь идет о меморандумах 5 мая, 16 июля и 29 июля 1938 г.

датское повиновение имеет свои границы там, где их убеждения, совесть и ответственность запрещают исполнение приказа. Если в таком положении их советы и предупреждения не найдут отклика, то они обязаны перед народом и перед историей отказаться от своих постов. Если они будут действовать сплоченно, то проведение военной операции станет невозможно. Таким образом они спасут родину от наихудшего — от гибели».

Выступая против осуществления гитлеровского плана нападения на Чехословакию в 1938 году, Бек следующим образом объяснил свою позицию: «Если смотреть на положение открытыми глазами, если не дать обмануть самих себя неверными данными, если не поддаться идеологическому дурману, то нельзя не прийти к выводу, что мы в настоящее время ни в военно-политическом отношении (командование войсками, их обучение и вооружение), ни в отношении военной экономики и политических настроений не подготовлены к войне» [16].

В меморандуме, помеченном той же датой — 16 июля 1938 г., Бек подробно обосновал необходимость отказаться от плана нападения на Чехословакию. Он заявил, что выступление против Чехословакии «немедленно приведет к военному вмешательству Франции, а следовательно, и Англии». «Мы стоим, таким образом, перед фактом,— продолжал Бек,— что военное нападение Германии на Чехословакию автоматически приведет к мировой войне. То, что такая война... закончится не только военным поражением, но и общей катастрофой для Германии, не нуждается, по-моему, в каком-либо обосновании».

Бек сделал вывод: «На основе всего вышеизложенного считаю себя обязанным высказать... настоятельную просьбу побудить Верховного главнокомандующего вооруженными силами приостановить военные приготовления и отсрочить насильственное решение чешского вопроса до тех пор, пока военные предпосылки для этого коренным образом изменятся. Я считаю, что в настоящее время ситуация для нас безнадежна» [17].

29 июля Бек счел необходимым еще раз заявить, что опасность катастрофы в случае развязывания войны в

[16] Цит. по W. Foerster, Generaloberst Ludwig Beck. Sein Kampf gegen den Krieg, München, 1953, SS. 122—124.

[17] Цит. по H. Jacobson, Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt, 1960, S. 433

1938 году настолько велика для Германии, что немецкому командованию следует либо отговорить Гитлера от его намерений, либо самому вмешаться во внутриполитические дела страны.

Западногерманский историк Ротфельс не без оснований указывает в этой связи, что заявление Бека от 29 июля является «первым зерном будущих генеральских планов государственного переворота»[18].

Из приведенных отрывков выступлений Бека явствует, что его действиями руководил один главный мотив — убежденность, что Германия не подготовлена к войне. Именно поэтому он предлагал генералам в крайнем случае даже отказаться от своих постов, чтобы не нести ответственности за неминуемое поражение Германии.

Ознакомившись с выступлением Бека, Гитлер 10 августа созвал генералов, но никто из них даже не упомянул об отставке. Главнокомандующий армией Браухич, ранее выражавший согласие с мнением Бека, категорически отказался заявить об уходе со своего поста. «Браухич махнул рукой, — записал в своем дневнике фон Хассель, — и сказал: „Я солдат и обязан повиноваться"»[19].

В отставку подал лишь один Бек, поскольку ничего иного ему не оставалось. На его место был назначен генерал Гальдер.

Вокруг Бека стали собираться те оппозиционно настроенные офицеры, которые понимали крайнюю авантюристичность военной политики Гитлера и боялись, что фашисты развяжут войну в безнадежной для германского милитаризма обстановке. Среди этих офицеров зародился план насильственным путем побудить Гитлера отказаться от своих намерений, вернее, отсрочить их осуществление «до лучших времен».

Достижение своих целей группа Бека связывала с организацией молниеносного «дворцового переворота» в Берлине.

Разработать план переворота взялся Ганс Остер, ближайший помощник начальника фашистской военной разведки «Абвер» адмирала Канариса. Под его руководством в фашистском «Абвере» был составлен подробный план операции. Он предусматривал в качестве первого

[18] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler. Fischer Bücherei, 1958, S. 64.

[19] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, Zürich, 1948, S. 19.

шага арест Гитлера. Группа молодых офицеров должна была проникнуть в резиденцию Гитлера в Берлине, так называемую имперскую канцелярию, произвести как можно более незаметно арест Гитлера и сразу же на машине вывезти его из Берлина. В дальнейшем Гитлер должен был быть объявлен сумасшедшим. На его место первоначально предполагалось назначить Геринга. Позже группа заговорщиков решила предложить пост рейхсканцлера тогдашнему министру иностранных дел Нейрату.

После ареста Гитлера заговорщики намеревались овладеть основными правительственными центрами и узлами связи. В осуществлении этой операции должны были участвовать генерал фон Витцлебен — командующий третьим военным округом (Берлин — Бранденбург), граф Эрих фон Брокдорф-Алефельд — командующий Потсдамским гарнизоном, полицей-президент Берлина граф Хельдорф и его помощник граф Фриц фон дер Шуленбург, командующий расквартированной в Тюрингии танковой дивизией генерал Эрих Гепнер.

Подготовка переворота в Германии сопровождалась политическим зондажем в Лондоне. Цель его заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой английского правительства. Группа заговорщиков решила выдать английскому правительству гитлеровские планы оккупации Чехословакии. Она надеялась, что это побудит Англию открыто выступить против Гитлера и облегчит организацию переворота в Берлине. Ведущую роль в переговорах членов оппозиции играли Эвальд фон Клейст-Шменцин и советник германского посольства в Англии Тео Кордт.

По поручению группы Бека Клейст-Шменцин прибыл в Лондон 18 августа 1938 г. и имел подробную беседу с Ванситтартом и Черчиллем. Он сообщил английским государственным деятелям, что Гитлер твердо решил развязать войну и отдал приказ о вторжении в Чехословакию после 27 сентября. Заявление эмиссара группы Бека было доведено до сведения премьер-министра Англии Невиля Чемберлена [20].

[20] «Dokuments of British Policy 1919—1939», Series III, vol. II, p. 683. Ганс Ротфельс сообщает, что поездка Клейста-Шменцина состоялась с ведома МИД Германии. См. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 190; J. Colvin, Chief of Intelligence, L., 1951, p. 60.

Несколько позже Бек и его группа отправили секретное письмо советнику германского посольства в Лондоне Кордту для передачи его английскому правительству. В ночь на 7 сентября Кордт был принят министром иностранных дел лордом Галифаксом. В беседе с Галифаксом Кордт изложил содержание письма. Берлинские политики и генералы писали, что в случае, если Англия заявит о своей готовности поддержать Чехословакию, войну можно предотвратить. Если Гитлер все же начнет военные действия, как говорилось в послании, оппозиция выступит против него [21].

Однако лондонские правящие круги к тому времени твердо решили идти по пути поощрения фашистской агрессии, надеясь на то, что она будет направлена только на Восток. Они отказались заявить о своей поддержке Чехословакии.

Таким образом, не оправдался один из основных расчетов группы заговорщиков: расчет на то, что Англия, а вместе с ней Франция и США дадут отпор Гитлеру и поставят правящие круги Германии перед выбором: отказаться от гитлеровской политики либо ввергнуть Германию в мировую войну. По замыслам заговорщиков, именно такая дилемма должна была послужить сигналом для переворота. Как отмечает западногерманский историк Абсхаген, попытка свергнуть Гитлера в 1938 году «была задержана визитом Невиля Чемберлена в Берхтесгаден и окончательно похоронена мюнхенским договором» [22].

Такая позиция группы заговорщиков еще раз свидетельствует о том, что главным мотивом их действия был страх перед поражением Германии из-за неподготовленности ее к войне. Как только выяснилось, что Гитлер может осуществить свои агрессивные замыслы, не рискуя потерпеть немедленное поражение, генералы отступили от своего плана. Громадное большинство из них быстро перестроились и полностью восприняли военную доктрину Гитлера. Лишь несколько наиболее дальновидных германских генералов, в том числе Хаммерштейн и Бек, продолжали относиться с подозрением к планам Гитлера, считая, что они в конечном счете приведут Германию к катастрофе.

---

[21] T. Kordt, Wahn und Wirklichkeit, Stuttgart, 1947, SS. 251, 279.

[22] K. Abshagen, Canaris, Stuttgart, 1949, S. 191.

Генералы в своем большинстве с восторгом приветствовали захват Гитлером Чехословакии. Когда начал разрабатываться «Белый план» — план оккупации Польши, никто из генералов не выступил против Гитлера и его планов развязывания второй мировой войны. «Из документов ясно,— пишет Уилер-Беннет,— что ни главнокомандующий немецкой армией, ни начальник генерального штаба не смели и подумать о каком-либо сопротивлении ясному намерению фюрера развязать войну»[23]. Более того, они поддерживали даже гитлеровские методы ведения войны.

22 августа 1939 г. на совещании с генералами Гитлер отдал беспримерный по жестокости и цинизму приказ об истреблении поляков. «На Востоке,— сказал он,— я привел в боевую готовность свои дивизии «Мертвая голова» (т. е. соединения СС.—*Д. М.*) и отдал приказ безжалостно предавать смерти мужчин, женщин и детей польского происхождения».

Как же встретили генералы этот варварский приказ Гитлера? Для характеристики их позиции сошлемся опять на Уилера-Беннета: «Никто из участников конференции фюрера 22 августа 1939 г. ...не мог заявить в свое оправдание, что он ничего не знал... Не возразив ни единого слова, все генералы стали соучастниками преступления Гитлера»[24].

Правда, факты свидетельствуют о том, что и в этот период некоторые представители германского офицерства понимали недолговечность успехов Гитлера. Эти генералы и офицеры считали, что молниеносные победы в Польше не могут изменить общего соотношения сил, которое складывалось не в пользу Германии. Они по-прежнему стремились к свержению Гитлера, чтобы покончить с его авантюристской политикой. К таким деятелям относился, в частности, генерал Хаммерштейн.

В сентябре 1939 года, уже после начала войны с Польшей, Хаммерштейн составил план, согласно которому он должен был арестовать Гитлера в момент его приезда в штаб армейской группировки, которой командовал Хаммерштейн. Эта группировка была расквартирована

---

[23] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 478.
[24] Ibid., SS. 471—472.

на Западе как заслон на случай выступления западных держав против Германии в тот момент, когда основные германские вооруженные силы будут действовать в Польше. О намерении Хаммерштейна пригласить Гитлера в свою штаб-квартиру в Кёльне и там арестовать фон Шлабрендорф поставил в известность британского поверенного в делах Джорджа Оджильви Форбса, который еще оставался в Берлине. С этой целью он встретился с Форбсом в берлинском отеле «Адлон» [26].

Однако план Хаммерштейна был мало реальным, так как возможность его осуществления полностью зависела от того, пожелает ли Гитлер нанести визит генералу в его штаб-квартире в Кёльне или нет.

Оппозиционные настроения Хаммерштейна стали известны Гитлеру. Вскоре Хаммерштейн был назначен на второстепенную должность заместителя командующего военным округом в Силезии, а затем и вовсе уволен в отставку. Полностью разуверившись в способности германских генералов действовать решительно, Хаммерштейн перед своей отставкой заявил одному из своих единомышленников Пехелю: «Господин Пехель, меня, старого солдата, эти люди сделали антимилитаристом» [27].

Оппозиция в тот период была озабочена лишь одним — поддержанием своих связей с Западом. В союзе с западноевропейской и американской реакцией генералы мечтали сколотить коалицию, направленную против Советского Союза. В этом деле германские генералы проявили себя весьма решительными и последовательными людьми, и им активно помогали многие руководители фашистской разведки. Характерно, что эти действия шли одновременно с аналогичными действиями фашистской чиновничьей верхушки.

Деятели оппозиции из фашистской разведки информировали через своих агентов английское и американское правительства об очередных агрессивных планах Гитлера и посылали эмиссаров для разработки соглашений о прекращении войны на Западе. Когда Гитлер принял ре-

---

[26] Уилер-Беннет заявляет, что факт встречи был подтвержден самим Форбсом, к которому он обратился в 1951 году с просьбой сообщить имеющиеся у него сведения о действиях Хаммерштейна и Шлабрендорфа (см. Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 481).

[27] R. Pechel, Deutscher Widerstand, Zürich, 1947, S. 154.

шеиие вторгиуться в Голлаидию (первоиачальио вторжение было иамечеио иа 12 иоября 1939 г.)[28], помощиик Каиариса Гаис Остер предупредил через своего уполномочеииого Альбрехта Беристорфа бельгийское и голлаидское посольства в Берлиие, что в этот деиь иачиутся воеииые действия против Голлаидии и Бельгии. Остер и в дальиейшем сообщал голлаидскому и бельгийскому правительствам о плаиах гитлеровского комаидоваиия. В мае 1940 года, то есть непосредствеиио перед иачалом агрессии против Бельгии и Голлаидии, Остер встретился с голлаидским воеиным атташе полковииком Сас и заявил ему, что Гермаиия иападет иа Голлаидию в иачале мая. 4 мая полковник Сас известил Гаагу о своем разговоре с Остером. Еще раньше, 1 апреля, Остер через того же Саса предупредил датского военно-морского атташе о предстоящем нападеиии Гермаиии на Даиию и Норвегию[29]. Воеиио-морской атташе Даиии передал получеииые им сведеиия в Копеигагеи. Но эти предупреждеиия ие привели ии к каким результатам.

Особо активиую прозападиую деятельиость развивали недовольиые офицеры из разведывательного управлеиия «Абвера» в Риме.

В Рим отправился довереииое лицо Остера доктор Йозеф Мюллер. Через приближеииого папы римского патера Лейбера и бывшего председателя партии «Цеитр» Каасса Мюллер установил связь с папой и заручился его поддержкой.

Задача Мюллера состояла в том, чтобы узиать, иа каких условиях Аиглия готова заключить мир с Гермаиией. Об этом папа и Лейбер вели беседу с британским послом в Ватикаие Осборном[30]. На осиове сообщеиий Мюллера его иепосредственный иачальиик Доиаиьи составил меморандум, известный под иазваиием «мемораидум Х». В меморандуме указывалось, что Осбори заверил папу, что британское правительство заключит мир с Гермаиией, если оппозиция придет к власти. Британское правительство, по словам Осбориа, ие будет в таком случае возражать против оставлеиия Австрии и Судетской обла-

[28] В период с ноября 1939 по май 1940 года день нападения на Голландию и Бельгию переносился Гитлером 14 раз.
[29] A. Dulles, Germany's Underground, N. J., 1951, p. 59.
[30] W. Schellenberg, The Schellenberg. Memoirs, A Record of the Nazi Secret Service, L., 1956, p. 401.

сти в составе рейха и «урегулирования восточного вопроса в пользу Германии»[31].

Неоднократные попытки установить связь с правящими кругами Англии предпринимал и тогдашний германский посол в Италии Ульрих фон Хассель. Зять Хасселя — итальянский промышленник Бироли установил контакт с одним из приближенных Галифакса Брайансом. После ряда встреч с Бироли Брайанс довел до сведения лорда Галифакса намерения Хасселя передать английскому правительству условия мира, сформулированные деятелями оппозиции.

22 февраля 1940 г. в Швейцарии состоялась встреча Хасселя с Брайансом[32]. Хассель передал адресованный лорду Галифаксу меморандум, в котором были сформулированы условия мира на Западе. По этим условиям Германия должна была сохранить за собой Австрию и Судетскую область. О меморандуме Хасселя было сообщено Чемберлену и лорду Галифаксу, которые, как сообщает английский историк Уилер-Беннет, восприняли его весьма сочувственно[33].

В дальнейшем между Хасселем и Брайансом состоялось еще несколько встреч. Однако к этому времени война бушевала уже на громадной территории. В этих условиях всякие попытки сговора между английскими реакционерами и опальными генералами и разведчиками должны были потерпеть фиаско.

Генералы зондировали почву относительно условий мира и в Соединенных Штатах Америки. За океан отправился с особой миссией молодой дипломат, примкнувший к оппозиции, Адам фон Тротт цу Зольц. Фон Тротт передал американским правящим кругам все тот же меморандум Хасселя. На вопрос о том, откажется ли Германия от своих территориальных приобретений в случае заключения мира, Тротт ответил категорически «нет». По инициативе Тротта была составлена записка о военных целях Германии и условиях предполагаемого мира, под которой подписались некоторые консервативно настроенные немецкие эмигранты в США. Записка была,

---

[31] G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, S. 89.

[32] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, SS. 104, 126; L. Bryans, Blind Victory, L., 1952, p. 60.

[33] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 513.

между прочим, прочнтана тогдашним амернканскнм государственным секретарем Сэмнером Уэллесом. Иных результатов Тротту не удалось добиться [34].

Следует отметнть, что действия частн недовольных генералов, подготовлявших почву для заключення мнра между Германней н Англней, шли параллельно с аналогнчнымн действнямн фашнстскнх правнтелей. Особую роль в мнрном зондаже на Западе сыграл князь Макс Гогенлоэ — видный немецкнй арнстократ, однн из крупнейших помещнков Германин. Земельные угодья семьн Гогенлоэ Бисмарк почтнтельно называл «обшнрнейшнм земельным комплексом в Европе». Предок Макса Гогенлоэ князь Хлодвнг Гогенлоэ-Шнллигсфюрст являлся германскнм канцлером в 1894—1900 годах. Семья Гогенлоэ была связана с англнйской земельной арнстократней. Жена Макса, нспанская маркнза Бельвнз де лас Навас, владела обшнрнейшнмн поместьями в Англин н была прннята в Букингемском дворце. По порученню Рнббентропа Гогенлоэ вел переговоры с представнтелямн англнйской арнстрократин в столнцах нейтральных стран — Мадриде, Берне н Стокгольме. Кроме того, также с ведома Рнббентропа он встречался с руководнтелем американской разведки в Швейцарнн Алленом Даллесом. Позднее Гогенлоэ играл важную роль в сепаратных переговорах, которые велнсь в Испаннн между англнйскнм послом Самуэлем Хором н Франко, выступавшем в качестве прямого представителя гнтлеровскнх главарей.

Такнм образом, между оппознцней и фашнстскнм правительством Германнн существовало «едннство взглядов» по вопросу о необходнмости заключения мнра с Англней. Попыткн буржуазных нсторнков нзобразить поездки эмнссаров оппознцнн, зонднровавших почву относительно возможности заключения мира с Англией как проявление их «антифашнстской» деятельности, не соответствуют действнтельности [35].

Успех «блнцкрнга» на Западе окончательно вскружнл

[34] См. F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1951, S. 52; R. Pechel, Deutscher Wiederstand, S. 153.

[35] Одии из приближеииых Гиммлера Хеттль (опубликовавший свои воспомииаиия под псевдонимом Хагеи) писал, что Гиммлер был иформирован об этих поездках, но решил «не вмешиваться» до поры до времени (см. N. Hagen, Die geheime Front, Linz — Wien, 1950, S. 94).

голову Гитлеру. Пророчества Бека и некоторых других военных деятелей о том, что Гитлер потерпит крах в осуществлении своих планов в Центральной и Западной Европе, не оправдались. Гитлеровские войска в молниеносных походах завоевали не только Австрию, Чехословакию, Польшу, но и Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию. Покорив бо́льшую часть Европы, Гитлер решил утвердить свое полное господство над европейским континентом. Главным препятствием для осуществления этих планов был Советский Союз. Поэтому буквально на второй день после капитуляции Франции Гитлер приступил к подготовке нападения на СССР[36].

Развитие этих планов отражено в дневнике тогдашнего начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера. 30 июня 1940 г. (т. е. через неделю после капитуляции Франции) Гальдер сообщил заместителю министра иностранных дел Бейцзеккеру, что «взоры обращены на Восток», что именно здесь фюрер намерен нанести следующий удар[37].

Через четыре дня вопрос был поставлен уже конкретнее. В разговоре с офицерами генерального штаба 3 июля Гальдер сообщил, что «восточная проблема» выдвинута на первый план с точки зрения оперативного планирования. Основным содержанием «восточной проблемы» является: как нанести решительный удар России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе»[38].

В течение последующих двух-трех недель была сделана первая наметка оперативного плана. На совещании у Гитлера 22 июля эта наметка была доложена фюреру: «Следует энергично взяться за русскую проблему. Продумать план предстоящей операции. Фюреру было доложено: а) развертывание продлится 4—

---

[36] Первые упоминаиия о возможиости иападеиия на СССР были сделаиы еще весиой 1940 года, до вторжеиия во Фраицию. Заместитель иачальиика руководящего штаба вооружеииых сил Вальтер Варлимоит сообщил, что уже в марте 1940 года Гитлер упомяиул о иеобходимости соблюдеиия «величайшей осторожиости» в отиошеиии России и изучеиия возможиых плаиов операций иа Востоке (см. W. Warlimont, Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht, Fr. am/M., 1962, S. 71).

[37] «Диевиик Гальдера», запись от 30 июня 1940 г. См. «Военно-исторический журиал», 1959 г., № 2.

[38] Там же.

6 недель; б) желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры»[39].

29 июля начальник руководящего штаба вооруженных сил Йодль созвал совещание офицеров штаба, на котором сообщил, что Гитлер решил начать операции против России в мае 1941 года. Он поручил сотрудникам штаба разработать проект приказа Гитлера о передислокации войск и создании плацдарма для нападения на СССР через Западную Польшу.

Наконец, 31 июля 1940 г. на совещании в Бергофе Гитлер развернул перед генералитетом подробный план «сокрушения» России: «Если Россия будет разбита, у Англии будет отнята последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого рассуждения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».

Летом 1940 года началась переброска войск с Запада на Восток. 1 сентября на совещании в Берлине офицеры оперативного отдела генерального штаба Хойзингер и Фейерабенд представили план передислокации войск для операции против СССР. Этот план лег в основу гитлеровских директив о проведении «операции Барбаросса» — директив о вторжении на территорию Советского Союза.

18 декабря Гитлер издал свое так называемое «указание № 21», в котором сформулировал «стратегические цели „операции Барбаросса"». В «указании» Гитлер хвастливо заявил, что он намерен «еще до окончания войны с Англией быстро сокрушить Советскую Россию». Все приготовления к агрессии против СССР фашистский главарь приказал закончить к 15 мая 1941 г.

17 марта 1941 г. состоялось совещание высших фашистских военачальников. На этом совещании были изложены взгляды фюрера на русскую кампанию. Генералам был зачитан приказ Гитлера о «ликвидации комиссаров». И вновь ни один из генералов не выразил протеста против чудовищных, с позволения сказать, «методов» ведения войны, разработанных Гитлером.

Последующие события показали, что германский генералитет не только безоговорочно выполнял гитлеров-

[39] «Дневник Гальдера», запись от 22 июля 1940 г. См. «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 2.

ские директивы об истреблении мирного населения и приказы о чудовищных зверствах на оккупированных территориях, но и сам издавал подобные директивы и приказы.

Бесчинства, погромы, грабежи и зверства отличали действия немецко-фашистской военщины. Эти действия полностью соответствовали установкам германского генерального штаба и проводились по его указаниям. Об этом свидетельствуют сотни документов. В приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, бывшего главнокомандующего армейской группой германских войск на Северном участке советско-германского фронта, говорилось: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью... Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения... Против вооруженных партизан в тылу немецкой армии следует применять самые решительные и жестокие меры».

Документальными данными установлено участие огромного числа фашистских генералов в зверствах в отношении гражданского населения. Многие из них изобличены в материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. По прямому указанию генерал-фельдмаршала фон Лееба и фон Кюхлера германские солдаты разрушили памятники искусства в Петродворце, Пушкине и Павловске. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн давал указания о разрушениях в городе Киеве, о массовом истреблении советских людей, об истязании мирных жителей и военнопленных в захваченных его войсками районах.

Генерал-полковник Хейнриц приказывал разрушать советские города и деревни и уничтожать мирное население в Вязьме, Гжатске и других городах. Генерал-полковник танковых войск Харпе, генерал-лейтенант Вейдеман, генерал-майор фон Гинденбург и многие другие повинны в злодейском истреблении сотен тысяч мирных людей.

Список генералов-преступников состоит из сотен имен и доказывает причастность подавляющей части фа-

шистского генералитета к зверствам, которые творили гитлеровцы на временно оккупированных территориях.

Гитлеровские генералы, опьяненные легкими победами на Западе, рассчитывали, что поход на Востоке удастся закончить быстро и легко. В пору сплошных триумфов фашистских вооруженных сил в Западной Европе германские военные не вспоминали ни об уроках прошлого, ни о предостерегающих словах Клаузевица и Секта. Лишь после того как германские армии начали терпеть первые поражения на Востоке, наступило известное «отрезвление» в военных кругах фашистского рейха. Раньше других «отрезвели» старые рейхсверовские генералы, обладавшие достаточно большим опытом и военными знаниями, чтобы осознать безнадежность борьбы на Востоке. После первых же поражений немецко-фашистских войск на советско-германском фронте часть генералитета начала разочаровываться в полководческих «талантах» Гитлера. Оппозиция против Гитлера вновь оживилась.

Первые признаки активизации оппозиции появились после поражения германской армии под Москвой зимой 1941 года. Советские войска остановили под Москвой гитлеровские армии. В результате советского контрнаступления, начавшегося 6 декабря, фашисты потерпели крупное поражение. Гитлер попытался свалить всю вину за это поражение на генералитет. 19 декабря был обнародован приказ о том, что сам фюрер берет на себя командование сухопутной армией. Фельдмаршал Браухич был уволен в отставку. Вместе с ним ушли гитлеровские фельдмаршалы фон Лееб и фон Витцлебен. Всего в отставку вышло свыше 35 видных генералов. Погибли на фронте или покончили жизнь самоубийством Рейхенау, Тодт, Удет, Ешоннек и другие. Период легких побед кончился. Фашистская армия начала тяжелую зимнюю кампанию.

В этот период главным источником оппозиционных настроений среди гитлеровского офицерства являлось недовольство ходом военных действий на Востоке. Не случайно ядром оппозиции стала группа офицеров, действовавших на Центральном участке фронта, в штабе фельдмаршала фон Бока, а после его увольнения с этого поста—фельдмаршала Клюге. Именно здесь, под Москвой, потерпели первые крупные поражения гитлеровские войска.

Наиболее видными фигурами среди недовольных Гитлером военных на Центральном участке фронта являлись генерал-майор Хенниг фон Тресков, офицер генерального штаба в ставке Бока, а затем фельдмаршалы Клюге и Фабиан фон Шлабрендорф. Вокруг них группировались видные военные, в том числе граф фон Харденберг (потомок бывшего германского канцлера) и граф фон Лендорф.

Под влиянием поражений немецкой армии на Востоке активизировалась также оппозиция в тылу.

На всех этапах развития оппозиции против Гитлера в правящем лагере Германии видную роль играли не только военные, но и чиновники. Среди оппозиционно настроенных чиновников ведущую роль играл Карл Герделер. Он занимал ряд ответственных постов во времена Веймарской республики и в первые годы гитлеровской диктатуры. Его взгляды разделяли бывший министр финансов Пруссии Попитц, германский посол в Италии Хассель и другие.

После первых поражений фашистской армии в Советском Союзе гражданские и военные руководители оппозиции значительно сблизились. Различные оппозиционные группы все более объединялись под централизованным руководством.

В августе 1942 года Герделер посетил главнокомандующего Северным участком фронта фельдмаршала Кюхлера и пытался побудить его примкнуть к оппозиции. Затем Герделер совершил поездку в штаб-квартиру Клюге в Смоленск. Для этой поездки помощник Канариса Остер снабдил Герделера фальшивыми бумагами. Герделер имел подробную беседу с Клюге. Он встретился с Тресковом, с которым обсуждал планы устранения Гитлера[40]. В результате поездки Герделера укрепились связи между оппозиционными группами на фронте и в тылу.

Поражения на советско-германском фронте активизировали также усилия руководителей оппозиции по установлению контакта с английским правительством, для того чтобы предложить Англии условия мира на Западе, на этот раз уже сепаратного, то есть за спиной СССР.

[40] Об этих поездках Герделера см. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 342.

Весной 1942 года Герделер совершил поездку в Швецию для встречи со шведскими банкирами Якобом и Маркусом Валленберг. Братья Валленберг были директорами крупнейшего шведского банка «Эншилдабанк». Кроме того, Якоб Валленберг входил в шведско-немецкую торговую комиссию, а Маркус — в аналогичную шведско-английскую комиссию. На всем протяжении войны Маркус Валленберг поддерживал личный контакт с Черчиллем. Особо тесные отношения связывали Маркуса Валленберга с секретарем Черчилля Нортоном.

Братья Валленберг были давнишними знакомыми Герделера. В апреле 1942 года Герделер обратился к Якобу Валленбергу с просьбой получить от Черчилля заверения в том, что англичане заключат мир с Германией, как только заговорщикам удастся свергнуть Гитлера. Валленберги обещали связаться с Черчиллем, заверив Герделера, что они не сомневаются в положительном ответе английского премьера[41].

В мае 1942 года в Стокгольме велись весьма детальные переговоры о возможностях сепаратного мира на Западе между представителями оппозиционно настроенных германских церковных верхов Дитрихом Бонхефером и Гансом Шенфельдом, с одной стороны, и английским церковным деятелем, епископом Чичестерским, доктором Джорджем Беллем — с другой.

Детали переговоров известны из опубликованного после войны меморандума епископа Чичестерского, составленного для английского правительства. Епископ Чичестерский сообщил, что Шенфельд и Бонхефер прибыли независимо друг от друга в Стокгольм и его переговоры с ними длились в общей сложности четыре дня.

Два немецких пастора имели поручение сообщить через посредство епископа Чичестерского английскому правительству, что в Германии образовалась организованная оппозиционная группа, которая намерена сместить правительство Гитлера и образовать новое правительство. Оппозиция, как говорилось в меморандуме епископа Чичестерского, выкристаллизовалась осенью 1941 года и начала активную деятельность уже в декабре 1941 года, когда многие офицеры отказались продол-

[41] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 327—328.

жать войну в России. В тот период она еще не располагала достаточно организованным руководством. К маю 1942 года оппозиция уже имела своих представителей в государственном управлении, в полиции, в армии и в профсоюзах. В качестве руководителей оппозиции назывались Бек, Хаммерштейн, Герделер[42].

Бонхефер и Шенфельд официально поставили вопрос перед епископом Чичестерским, «согласны ли будут союзники при условии, что гитлеровский режим будет полностью ликвидирован, начать переговоры с новым германским правительством о мирном урегулировании». Были сформулированы также определенные условия мира.

Епископ Чичестерский поставил о своих переговорах в известность английского посла в Стокгольме, и по его совету было условлено, что если возникнет необходимость, то будет организована в дальнейшем встреча между представителями оппозиции и сотрудником английского министерства иностранных дел.

После своего возвращения в Лондон епископ Чичестерский связался с министерством иностранных дел и в конце июня 1942 года был принят Антони Иденом. Иден обещал доложить информацию епископа английскому правительству и сообщить Беллю в кратчайший срок решение правительства.

17 июня 1942 г. Иден сообщил епископу Чичестерскому письменно, что после детального ознакомления со всеми документами английское правительство пришло к выводу, что не в интересах нации дать какой-либо ответ представителям оппозиции[43].

Английское правительство, опасаясь возмущения английской общественности и осложнений во взаимоотношениях с государствами антигитлеровской коалиции, решило на этот раз не идти на сепаратные переговоры с оппозиционно настроенными представителями правящих кругов фашистской Германии. Однако связь между представителями оппозиции и английским правительством не

---

[42] См. D. Bonhoeffer, Gesammelte Schriften München, 1958, Bd. I, S. 488.

[43] G. Bell, The Church and Humanity, L., 1946; Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, SS. 147—151; D. Bonhoefer, Gesammelte Schriften, 1958, Bd. 1—2.

прервалась. В дальнейшем подобного рода переговоры и контакты неоднократно повторялись.

Особое внимание в высказываниях Шенфельда и Бонхефера заслуживает их указание на то, что оппозиция против Гитлера окончательно выкристаллизовалась после того, как обнаружился провал планов «молниеносной войны» на Востоке — зимой 1941 года. Именно после этого (и особенно после поражения гитлеровской армии под Москвой) наметилось объединение всех оппозиционных групп, образовавшихся в правящем лагере Германии, образование единого руководства, которое включало как представителей военных кругов, так и гражданской администрации, церкви и т. д.

Однако, для того чтобы такое объединение стало фактом, иными словами, для того чтобы сформировался организованный заговор против Гитлера, потребовалось еще время. Миф о непобедимости германской армии даже после Московской битвы еще далеко не был изжит в военной среде и в гитлеровском тылу. В самой Германии лишь назревал внутриполитический кризис, который захватил фашистское руководство. Дальнейшие поражения гитлеровской армии, дальнейшие потрясения тыла, вызванные этими поражениями, растущим сознанием бесперспективности войны и неминуемой катастрофы, заставили определенную часть правящих кругов вступить на путь организованного заговора против Гитлера. Окончательно сложились условия для такого заговора после поражения фашистских войск на Волге в 1942—1943 годах.

2. Основные этапы развития заговора против Гитлера

Главным фактором, способствовавшим превращению оппозиции против Гитлера в правящих кругах Германии в организованный заговор, был разгром германских войск на Волге в осенне-зимней кампании 1942/43 годов.

Лишь после того как были установлены связи между оппозиционными группами на фронте (после поездки Герделера на Центральный участок германо-советского фронта) и в тылу, между оппозиционными офицерами в верховном командовании, в штабе резервной армии и

руководителями оппозиционных групп в чиновничьих кругах фашистской Германии, созрел организованный заговор против Гитлера. Это и произошло в период битвы на Волге и непосредственно после нее, когда поражение фашистской армии стало фактом.

В ноябре 1942 года в Берлине состоялась встреча фон Трескова с Герделером и с руководителем оппозиционной группы в штабе резервной армии заместителем командующего резервной армией Фридрихом Ольбрихтом. В результате переговоров было решено, что планы переворота будут разрабатываться под руководством Ольбрихта в штабе резервной армии. Об этой договоренности Ольбрихт поставил в известность Бека. В феврале 1943 года Ольбрихт через Шлабрендорфа сообщил фон Трескову, что наметки плана готовы и что «можно приступить к действиям» [44].

Несколько позже, 22 января 1943 г., состоялась встреча руководящих деятелей группы Герделера — Бека и группы Мольтке — Вартенбурга, известной под названием «кружка Крейзау». Каждая из этих групп олицетворяла различные течения внутри лагеря заговорщиков: одна (Герделера—Бека) — реакционно-консервативное, вторая — прогрессивно-патриотическое. Для объединения сил руководители оппозиционных групп решили согласовать свои действия и планы.

Встреча состоялась на квартире Йорка фон Вартенбурга в Берлине. На ней присутствовали Герделер, Бек, Хассель, Попитц, Иессен (представители реакционно-консервативного крыла), Мольтке, Йорк, Герстенмайер, Тротт цу Зольц и Фриц фон дер Шуленбург (представители «кружка Крейзау»). Во время встречи выявились значительные разногласия между двумя группами [45]. Однако было достигнуто соглашение о том, что при осуществлении заговора обе группы будут действовать совместно.

Наконец, важное значение для оформления заговора имело установление связи между берлинским центром (т. е. группой, действовавшей под руководством Ольбрихта в штабе резервной армии и взявшей на себя раз-

---

[44] См. H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli, R. — Fr. am/M., 1964, S. 51.

[45] Политическую суть этих разногласий см. в главе 4.

работку плана переворота и координацию всех действий по его осуществлению) и оппозиционно настроенными офицерами в верховном командовании армии. Здесь действовали такие решительные сторонники свержения Гитлера, как начальник организационного отдела генерал Штиф, генерал-квартирмейстер Вагнер, генерал артиллерии Линдеман и др. Связь между этими офицерами и берлинским центром заговора была установлена через Шлабрендофа и фон Трескова.

Так, в результате объединения различных групп и образования руководящего центра зрел заговор против Гитлера. В его возникновении и развитии имелась прямая связь с событиями на фронте.

Английский историк Уилер-Беннет писал: «Генералы были потрясены катастрофой под Сталинградом. Она вселила в них ужас. Даже такие люди, как Фромм (главнокомандующий резервной армией. — *Д. М.*), которые принадлежали к числу самых безоговорочных поклонников интуиции фюрера, начали высказываться критически и усомнились в правильности методов ведения войны Гитлером» [46]. Английский историк полагал, что в то время Гитлер находился в непосредственной опасности, — так решительно были настроены некоторые генералы. «Пуще всего фюрер должен был опасаться поражения, впрочем, уже отсутствие успехов не сулило ничего хорошего. Теперь налицо было и то, и другое. В дни, последовавшие за Сталинградом, достаточно было искры, чтобы ярко вспыхнуло пламя бунта» [47].

Герхард Риттер, характеризуя настроения правящих кругов Германии после разгрома фашистских войск на Волге, писал, что верхи фашистской Германии переживали подлинный кризис. «На горизонте, — хотя еще и далеко, вырисовывалась картина катастрофы необозримых масштабов» [48].

В этой обстановке разговоры о «дворцовом перевороте» перестали быть только разговорами. В кабинетах генералов и высших чиновников начали составляться конкретные планы насильственного устранения Гитлера путем организации на него покушения. Военные и граж-

---

[46] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 560.

[47] Ibid.

[48] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 344.

данские участники заговора спешили с организацией покушения на Гитлера, так как понимали, что катастрофа фашистской Германии неумолимо приближалась.

В подготовке заговора 1944 года можно различить три основных этапа: первый этап — от битвы на Волге до Курской битвы, то есть период с февраля по июнь 1943 года; второй этап — от Курской битвы до начала весеннего наступления Красной Армии 1944 года, приведшего к массовому изгнанию гитлеровских оккупантов с советской земли (июнь 1943 — март 1944 года); и, наконец, третий этап — от весеннего наступления Красной Армии 1944 года, перенесшего военные действия на территорию Германии и ее союзников, до покушения — 20 июля 1944 г.

Первый этап характеризовался образованием и укреплением руководящего центра заговора, началом разработки конкретного плана действий, переговорами об образовании будущего правительства и, наконец, первыми попытками покушения на Гитлера группы молодых офицеров, действовавших на советско-германском фронте. Руководители заговора призывали в этот период покончить с колебаниями и оттяжками и приступить к решительным действиям.

26 марта 1943 г., то есть вскоре после разгрома армии Паулюса, Герделер написал специальный меморандум, озаглавленный «Действительность и перспективы», в котором прямо обратился к генералитету с призывом действовать без промедления.

В меморандуме имелась знаменательная фраза: «Народ не только созрел для спасительного действия, он ждет его» [49].

В меморандуме Герделера проводилась старая идея о необходимости сепаратного мира на Западе, для того чтобы сконцентрировать все силы на Востоке. Герделер ручался, что западные союзники не позже чем через 48 часов прекратят воздушную войну, если в Германии будет образовано новое правительство. «Последующие шаги, — писал он, — должны быть направлены к тому, чтобы добиться ликвидации напряженных отношений с западными державами, что сделает возможным... скон-

[49] Полный текст меморандума впервые опубликован в книге G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 577—596.

центрировать все военные силы на Востоке». В случае же бездеятельности оппозиции, заявлял Герделер, возникнет опасность революционного выступления масс. «Если дать событиям развернуться без нашего вмешательства, движение масс примет гораздо более страшные и радикальные формы, чем в 1918 году»[50].

17 мая 1943 г. Герделер направил письмо Ольбрихту, содержавшее новый призыв к действию. Письмо начиналось обзором положения на фронтах, причем поражение германских войск на Волге Герделер характеризовал как тяжелый удар, «какого история Германии не знала со времени Йены и Ауэрштедта». Обращаясь к Ольбрихту, Герделер спрашивал: «Разве есть у вас средства для того, чтобы добиться победы, которая привела бы, во-первых, к окончательному устранению России из Европы и, во-вторых, к отказу Запада и Британской мировой империи от своей агрессии и к согласию заключить с нами мир?» «Поскольку таких средств нет, — говорил далее Герделер, — продолжение войны является прямым преступлением».

Герделер готов на все — даже на встречу с Гитлером, с тем чтобы попытаться убедить его в правильности своей точки зрения. Таким образом, Герделер считал, что между ним и фашистским диктатором нет принципиальных разногласий по одному из кардинальных вопросов — по вопросу о заключении сепаратного мира на Западе.

Побудительные мотивы Герделера ясны: спасти германский империализм от полного разгрома, не дать погибнуть рейху, сохранить в стране господство промышленников и юнкеров, предотвратив выступление антифашистских революционных сил.

В кругах молодых офицеров-заговорщиков, действовавших на фронте, потрясение, испытанное известием о капитуляции армии Паулюса, вызвало бурный прилив активности, стремление незамедлительно перейти к практическим действиям. Группа молодых офицеров, служивших в штабе фельдмаршала Клюге, решила на собственный страх и риск предпринять попытку убить Гитлера. Эта попытка в то время еще не была частью общего плана переворота. Она была совершена снизу, без согласования с центром заговора.

[50] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 351.

Заговорщнки решилн воспользоваться тем, что Гитлер 13 марта 1943 г. должен был посетить этот штаб, расположеииый в районе Смолеиска. Непосредственными исполиителями плаиа покушення были фои Тресков и фон Шлабрендорф. Они действовали совместно с группой Остера из фашнстской военной разведки. Получив от этой группы бомбу с часовым механизмом, Тресков и Шлабрендорф решнлн прн отлете Гнтлера из Смолеиска спрятать ее в самолете фюрера. Для этого оин замаскировали ее как посылку, которая якобы была предиазначена для сотрудника верховного командования Штифа. Плаи удалось осуществить, ио часовой механизм бомбы оказался иеисправиым. Бомба ие взорвалась. Шлабреидорфу пришлось срочио вылететь вслед за Гитлером в его ставку, чтобы извлечь «посылку» с бомбой, замеиив ее другой, настоящей посылкой. Покушение ие удалось.

Через несколько дней была предприията еще одна попытка покушеиия на Гитлера. 21 марта во время нацистского праздника — дня памяти героев — Гнтлер должеи был появиться в здаиии цейхгауза иа Уитер деи Линдеи. Фон Герсдорф, офнцер из штаба Клюге, который должен был участвовать в официальиых торжествах, вызвался спрятать у себя в кармаие бомбу, приблизиться к фюреру и взорваться вместе с ним. Герсдорф действительио отправнлся в цейхгауз; спрятаииая у иего бомба должиа была взорваться через 10 минут после прихода Гнтлера. Одиако Гнтлер ушел через 8 минут после начала церемоиин [51].

Реакционное крыло заговора во главе с Герделером восприияло поражение германских войск на Волге и вызванный этим перелом в ходе войиы как сигиал для усилення контактов с Западом с целью достижеиия сепаратного мира. После сражеиня иа Волге возобновились попытки представнтелей оппозиции вступить в переговоры с английским правнтельством. Теперь эти попытки исходили уж непосредствеиио от Герделера. При этом условия, выдвнгавшнеся нм, постепенио менялись. Предложеиия о сепаратном мире стаиовнлись все более иастойчивыми, а условня все более мягкнми.

---

[51] См. R. Pechel, Deutscher Widerstand, S. 162; F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, S. 112; Abshagen, Canaris, S. 313.

В мае 1943 года Герделер предпринял решительную попытку установить непосредственный контакт с английским правительством. Для этой цели он в конце мая 1943 года отправился в Стокгольм, намереваясь вновь встретиться с братьями Валленберг. Оказалось, что один из братьев, Маркус, находился в тот момент в Лондоне. Герделер решил использовать это обстоятельство. Он обратился к Якобу Валленбергу с просьбой вручить Черчиллю через своего брата меморандум с предложением заключить сепаратный мир. Валленберг переправил меморандум Герделера своему брату в Лондон [52]. Однако условия мира, которые сформулировал Герделер в своем меморандуме, не отличались от условий, изложенных Шенфельдом и Бонхефером при встрече с епископом Чичестерским.

Черчилль, ознакомившись с меморандумом, не откликнулся на него.

Дальнейшая активизация заговорщиков связана с новыми поражениями германских войск на Восточном фронте. Курская битва привела к поражению центральной группировки германских войск и ознаменовала в глазах большой части офицерства близкое крушение всего Восточного фронта.

После Курской битвы заговор вступил в новый этап развития.

Заговорщики закончили составление плана переворота. Отныне все акции участников заговора были подчинены разработанному руководящим центром плану действий, получившему наименование «план Валькирия». Заговорщики определили состав правительства, которое должно было сменить правительство Гитлера. Этому предшествовали переговоры с представителями различных оппозиционных кругов, в результате которых произошла дальнейшая консолидация сил оппозиции, расширение ее политической базы. Наконец, заговорщики приняли основные программные документы, которые должны были определить действия правительства после его прихода к власти. Это означало, что заговор оформился не только организационно, но получил также определенную политическую платформу.

[52] Меморандум впервые опубликован в книге G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 570—576; см. также Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 153.

План переворота, разработанный заговорщиками, составлялся Тресковом и Ольбрихтом. В дальнейшем в эту работу включился Клаус фон Штауффенберг, вскоре ставший центральной фигурой заговора.

Основной вариант плана был закончен 31 июня 1943 г. Дополнения к нему разрабатывались в течение нескольких месяцев. К февралю 1944 года под непосредственным руководством Штауффенберга была составлена подробная инструкция о порядке проведения плана в жизнь [53].

«План Валькирия» формально был планом мобилизации сил резервной армии в случае возникновения каких-либо беспорядков в тылу, особенно в случае восстания иностранных рабочих. В действительности же под видом принятия мер против беспорядков в тылу заговорщики составили подробную программу действий по свержению гитлеровского правительства и обеспечению безопасности новой власти.

Программа делилась на несколько фаз. В первой фазе предусматривалось подавление всякого рода выступлений против новой власти после осуществления переворота. Она включала овладение главными узлами связи и промышленными центрами. Во второй фазе должны были быть предприняты специальные меры безопасности в Берлине, и в частности меры по разоружению частей СС. С этой целью были подготовлены приказы от имени главнокомандующего резервной армией. Третья фаза предусматривала более широкие меры против фашистского партийного и государственного аппарата: объявлялось чрезвычайное положение, фашистская партия распускалась, исполнительная власть переходила в руки главнокомандующего армией (на этот пост заговорщики прочили фельдмаршала фон Витцлебена).

В августе 1943 года в Берлин прибыл фон Тресков и сообщил Герделеру, что командующие основными участками фронта на Востоке Клюге и Кюхлер осознали необходимость решительных действий. Именно сейчас наступил наиболее подходящий «психологический момент» для совершения переворота [54].

---

[53] Полный текст «плана Валькирия» и инструкции к нему опубликованы в книге «20 Juli 1944», Bonn, 1960, SS. 75—89.

[54] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 357.

13 августа генерал Штиф передал фельдмаршалу Клюге письмо Ольбрихта, в котором тот также настаивал на решительных действиях. И, наконец, в сентябре состоялись переговоры между фельдмаршалом Клюге, Беком и Герделером на квартире Ольбрихта в Берлине. Во время этих переговоров было принято окончательное решение осуществить давно задуманный «дворцовый переворот».

О беседе Бека и Герделера с фельдмаршалом Клюге наиболее подробно сообщил в своей книге Герхард Риттер [55].

В начале беседы фельдмаршал фон Клюге выразил серьезное беспокойство по поводу общего военного положения Германии и заявил, что ему представляется невозможным удерживать фронты на Востоке и на Юге наличными силами. Он прямо сказал, что войну следует считать проигранной, если не произойдет коренных перемен.

Клюге захотел побеседовать о военном положении Германии с Беком с глазу на глаз. После беседы оба генерала заявили Герделеру, что «настало время действовать». Поскольку Гитлер не даст согласия на перемирие с западными державами и на концентрацию всех сил на Востоке, его следует устранить силой. Герделер выразил сомнение в целесообразности убийства Гитлера. Он сказал, что необходимо сделать попытку переубедить Гитлера. Однако это предложение было отвергнуто обоими генералами. Совещание решило подготавливать покушение на Гитлера.

Генералы подчеркнули, что обязанность Герделера добиться того, «чтобы англосаксы повели себя правильно».

Встреча в квартире Ольбрихта ознаменовала окончательную договоренность между руководителями военного и гражданского секторов заговора о методе действий — подготовке «дворцового переворота» путем убийства Гитлера. «План Валькирия» стал, таким образом, официальной программой не только части оппозиции, но всего заговора в целом. В этом — значение сентябрьской встречи.

---

[55] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 357.

После этой встречи вступили в стадию практической договоренности разговоры о формировании будущего правительства. На разных встречах в конце сентября и в октябре 1943 года было окончательно решено, что пост президента после убийства Гитлера займет Бек, пост канцлера — Герделер. В ноябре Бек поручил Герделеру наметить список членов будущего кабинета и провести с этой целью переговоры с теми лицами, которые прочились на различные министерские посты [56]. Интересно отметить, что в приговоре фашистского «народного суда» по делу Герделера специально подчеркивалось, что Бек дал свое поручение Герделеру после того, как Штиф и Фельгибель (начальник связи в ставке Гитлера.—*Д. М.*) вновь сообщили о чрезвычайно неблагоприятном положении на Восточном фронте. Вот еще одно доказательство того, что важнейшие акции заговорщиков предпринимались непосредственно под влиянием поражений немецко-фашистских войск на советско-германском фронте.

Наряду с наметкой состава правительства в берлинском центре заговора (т. е. в штабе резервной армии) были разработаны программные документы, которые от имени правительства должны были быть опубликованы сразу же после убийства Гитлера. Между различными группами была согласована политическая платформа заговора. Важнейшими из этих документов являлись: программа нового правительства [57]; воззвание к германскому народу [58]; правительственное заявление № 2 [59]; воззвание к вооруженным силам [60]; приказ по войскам и приказ по военным округам [61].

Кроме того, штаб заговорщиков разработал проекты

---

[56] Первоначальный список кабинета был составлен в конце 1943 года, однако в него вносились различные изменения вплоть до июля 1944 года.

[57] «Das Regierungsprogramm vom 20. Juli», «Gegenwart», 24. Juni 1946.

[58] «Aufruf an das deutsche Volk», R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 305—309.

[59] «Regierungserklärung», Nr. 2, R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 309—314.

[60] «Aufruf an die Wehrmacht», R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 304—305.

[61] «Befehl an die Wehrmacht, Befehl an die Wehrkreis — Kommandeure», F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1951, SS. 136—139.

приказов, которые он собирался разослать войсковым соединениям на различных участках фронта, а также различного рода распоряжения, адресованные местным администрациям.

Вся работа по усовершенствованию и уточнению оперативного плана действий заговорщиков, составлению программных документов концентрировалась в это время в руках Штауффенберга.

Такое перераспределение функций (раньше этой стороной деятельности заговорщиков занимался фон Тресков) стало возможным в связи с тем, что Штауффенберг в октябре 1943 года был назначен руководителем «общего войскового ведомства» в штабе резервной армии, то есть фактически стал заместителем Ольбрихта. Непосредственное включение Штауффенберга в заговорщический центр на Бендлерштрассе (там находился штаб резервной армии) имело большое значение для развития заговора. Отныне фактическим руководителем этого исполнительного центра стал Штауффенберг.

Активность молодых офицеров в верховном командовании армии по-прежнему была направлена на организацию покушения на Гитлера. Однако в отличие от предыдущих попыток покушения акции офицеров в этот период были согласованы с заговорщическим центром и основаны на «плане Валькирия».

Одна из таких попыток связана с именем Гельмута Штифа, офицера, служившего в верховном командовании армии. С помощью полковника Фрейтаг-Лорингофена, офицера «Абвера», он переправил в ставку Гитлера бомбу с часовым механизмом. До поры до времени ее спрятали в одной из деревянных башен, в которых размещалась охрана Гитлера. Однако по невыясненным обстоятельствам бомба взорвалась в башне. Заговорщикам с большим трудом удалось замять это дело[62].

Еще одна попытка покушения в ноябре 1943 года была приурочена к смотру новых образцов военного обмундирования, на котором должен был присутствовать Гитлер. Предполагалось, что один из офицеров, который

---

[62] E. Zeller, Geist der Freiheit. Der 20. Juli 1944, München, 1956, S. 211; F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1951, S. 173.

будет служить «манекеном»[63] во время смотра, спрячет в карман бомбу и взорвется вместе с Гитлером. Все приготовления были окончены, однако из-за воздушного налета смотр не состоялся — все образцы погибли в результате бомбежки.

Наконец, в конце декабря 1943 года еще одну попытку покушения на Гитлера предпринял Клаус фон Штауффенберг. 26 декабря он был вызван в ставку Гитлера на совещание по вопросу о резервах. Штауффенберг прибыл в Растенбург, держа у себя в портфеле бомбу, но совещание было отменено[64].

Хотя правое крыло заговорщиков под руководством Герделера дало согласие на «план Валькирия» и было связано с заговорщическим центром в штабе резервной армии, оно не отказалось от своих старых проектов, которые предусматривали сговор с представителями фашистской верхушки. К рассматриваемому периоду относится попытка группы Герделера установить контакт непосредственно с Гиммлером и с его помощью добиться заключения сепаратного мира на Западе. Герделер и его сторонники понимали практические действия совершенно по-иному, чем Штауффенберг и его группа. Они решили перетянуть на свою сторону некоторых фашистских главарей и среди них главным образом Гиммлера.

Для того чтобы понять, почему именно на Гиммлере группа заговорщиков во главе с Герделером остановила свой выбор, следует проследить настроения фашистского руководителя СС и его попытки независимо от Гитлера установить связи с западными правительствами. Хотя далеко не все факты, касавшиеся этих попыток, были известны заговорщикам, информация, которой они располагали, об общих настроениях и некоторых важных частных акциях, которые Гиммлер предпринимал через агентов «Абвера», делала, по их мнению, прямое обращение к Гиммлеру вполне возможным. Послевоенные публикации позволяют теперь дополнить информацию, которой располагали заговорщики.

---

[63] Сначала роль «манекена» должен был выполнить молодой офицер фон дер Бусше, затем его заменил Эвальд фон Клейст-Шменцин. См. R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 162—164; F. v. Schlabrendorf, Offiziere gegen Hitler, S. 123.

[64] A. Dulles, Germany's Underground, p. 93.

Биограф Роммеля Десмонд Яиг сообщил, что фельдмаршал Роммель во время посещеиия штаб-квартиры Гитлера в мае 1943 года откровеиио высказал фюреру свои сомиеиия в возможиости добиться победы и якобы получил от иего весьма озадачивший его ответ: «Да, я зиаю, иеобходимо заключить мир с той или другой стороиой, ио иикто ие хочет заключать со миой мира» [65].

Если такого рода иастроеиия одолевали время от времеии даже Гитлера, то среди иекоторых его приближеиных оии проявлялись все чаще и определеииее. Герхард Риттер писал, что Гиммлер «уже очеиь давио, в иачале великой русской аваитюры, иосился с мыслью заключить сепаратиый мир с Аиглией, чтобы воевать лишь вместе с западиыми страиами иа одиом фроите — против Советского Союза» [66].

Об этих иастроеииях, распростраиившихся в фашистской верхушке, было известио миогим заговорщикам. Интересио отметить, что в своем письме к фельдмаршалу фои Клюге, датироваиием 25 июля 1943 г., Герделер писал: «Я могу, если вы хотите, заполучить в качестве союзииков господииа Геббельса или господииа Гиммлера, ибо оии уже давио поияли, что, оставаясь с Гитлером, пропадут» [67].

По сообщеиию Аллеиа Даллеса, Герделер в разговоре с Якобом Валлеибергом в мае 1943 года также заявил, что «к иим (т. е. к заговорщикам.— *Д. М.*) обращались от имеии Гиммлера» [68].

Это сообщеиие подтверждается диевииком Ульриха фои Хасселя. В ием записаи разговор между его жеиой и швейцарским дипломатом Карлом Буркхардтом. Буркхардт сообщил, что довереииый от Гиммлера спросил, «согласиа ли Аиглия заключить мир с Гиммлером» [69]. Вскоре после этого Хасселя посетил «молодой человек из СД», иекий Даифельд, и иамекиул ему иа то, что в ближайшем окружеиии Гиммлера миогие задумываются иад возможиостью заключить сепаратиый мир с Аиглией [70].

---

[65] D. Young, Rommel, L., 1950, p. 185.
[66] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 421.
[67] Ibid., S. 599.
[68] A. Dulles, Germany's Underground, p. 145.
[69] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 205.
[70] Ibid., S. 283.

В воспоминаниях одного из ближайших помощников Гиммлера, Вальтера Шелленберга, содержатся новые сведения об усилиях фашистской разведки заключить сепаратный мир на Западе. Шелленберг сообщил о беседе с Гиммлером еще в августе 1942 года. Во время этой беседы Гиммлер поручил Шелленбергу выяснить возможность заключения компромиссного мира с западными державами. Шелленберг сообщил Гиммлеру о некоторых шагах, предпринятых его управлением (политической разведкой. — *Д. М.*).

Получив согласие Гиммлера на продолжение мирного зондажа, Шелленберг установил контакт с генеральным консулом Англии в Цюрихе и передал ему условия мира, одобренные Гиммлером. Согласно этим условиям, новое правительство после своего прихода к власти отведет германские вооруженные силы из Северной Франции, Голландии и Бельгии, сохранив в составе рейха Австрию, Судеты и западную часть Польши... Английский представитель передал условия Гиммлера — Шелленберга в Лондон и сообщил, что «получил от Черчилля полномочия на ведение неофициальных переговоров»[71]. Далее Шелленберг записал, что переговоры с Англией зашли в тупик, так как им противодействовал Риббентроп.

В начале 1943 года начальник отдела юго-восточной Европы в 6-м управлении фашистской разведки Вильгельм Хеттль установил связь с Алленом Даллесом. По сообщению Хеттля, 6-му управлению удалось заполучить шифр, которым Даллес пользовался для передачи своих сообщений в США. Таким образом гитлеровские разведчики ознакомились со всеми секретными материалами Даллеса[72].

Контакт между 6-м управлением и Даллесом длился на всем протяжении 1943 года. Уполномоченный 6-го управления под вымышленной фамилией Бауэр встретился с сотрудником Даллеса «мистером Робертом». Позже состоялась еще одна встреча между уполномоченным Шелленберга, называвшим себя «Паульсом», и американским агентом «доктором Баллем». Как выяснилось из документов, захваченных советскими войсками в Германии, под

[71] См. «The Labyrinth. Memoirs of Walter Schellenberg», N. Y., 1956, pp. 313—334.

[72] W. Hagen, Die geheime Front, Linz—Wien, 1950, S. 456.

фамилией Паульс скрывался князь Гогенлоэ, а под фамилией доктор Балль — сам Аллен Даллес. Князь Гогенлоэ передал Даллесу условия сепаратного мира, выработанные Гиммлером. Эти условия, как сообщила историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», предусматривали образование общего фронта гитлеровской Германии и западных держав для продолжения войны против Советского Союза [73].

Наконец, в июне 1943 года Гиммлер послал директора банка Раше к Якобу Валленбергу, находившемуся тогда в Берлине, с тем чтобы узнать его мнение о возможности заключения мира с западными державами в случае прихода его, Гиммлера, к власти. Раше задал Валленбергу такой вопрос: «Заключат ли западные державы мир, если Гитлера больше не будет?»[74]. Валленберг уклонился от ответа на этот вопрос. О своей встрече с Раше он информировал Герделера.

26 августа 1943 г. в здании фашистского министерства внутренних дел один из видных заговорщиков Попитц встретился с Гиммлером. Встреча была подготовлена Лангбеном, другом Попитца, и личным адъютантом Гиммлера Карлом Вольфом [75]. Во время встречи Попитц поставил перед Гиммлером вопрос о том, как он относится к идее «ограничения» функций Гитлера, заявив, что Гитлер, мол, «перегружен» и что необходимо снять с него «бремя ответственности». По сообщению А. Даллеса, Гиммлер внимательно выслушал Попитца и дал понять, что он относится к его идее положительно [76].

Попитц рассказал Гиммлеру о своих беседах с председателем Международного Красного Креста, швейцарским профессором Буркхардом, по вопросам возможного мира между Англией и Германией. Гиммлер спросил у Попитца, что, по мнению Буркхарда, Англия и США гото-

---

[73] См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», Госполитиздат, 1948, стр. 72—73.

[74] См. A. Dulles, Germany's Underground, p. 145.

[75] Впоследствии Карл Вольф был отправлен Гиммлером в Рим, для того чтобы установить контакт с Ватиканом и через Ватикан зондировал почву о возможности заключения сепаратного мира с западными державами. По заявлению Кальтенбруннера, Вольф получил полномочия на ведение сепаратных переговоров от самого Гитлера во время приема у Гитлера 15 апреля 1944 г.

[76] См. A. Dulles, Germany's Underground, p. 151; U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, SS. 311, 326, 338.

вы заключить сепаратный мир с Германией? Попитц ответил, что союзники никогда не заключат мира с Гитлером, так как он не соблюдает договоров, но Гиммлера, как возможного партнера по переговорам, они признали бы [77].

Попитц подробно информировал об этой беседе Герделера и других деятелей заговора, причем подчеркнул что, по его мнению, Гиммлер «в принципе не возражает» против изложенных им идей [78].

После беседы с Попитцем Гиммлер вновь активизировал свою деятельность по установлению контактов с представителями западных держав. С ведома Гиммлера в Берн вторично отправился доктор Лангбен. В Берне он встретился с британскими и американскими деятелями разведки [79]. Однако для Лангбена эта поездка оказалась роковой: 6-е управление фашистской разведки перехватило шифрованную телеграмму не то британских, не то американских агентов Даллеса, сообщавших, что в Швейцарию прибыл эмиссар Гиммлера для прощупывания почвы о возможности заключения сепаратного мира. После возвращения из Швейцарии Лангбен был арестован, а впоследствии казнен.

После того как швейцарский канал связи был закрыт, переговоры агентов Гиммлера с западными державами продолжались в Швеции. Туда прибыл в октябре 1943 года один из приближенных Гиммлера, его личный врач Феликс Керстен. При посредничестве шведского знакомого Граффмана он встретился с американским дипломатом, называвшим себя «Хьюитт».

Как сообщал Керстен, Хьюитт заявил о своей готовности наладить контакт между Гиммлером и правительством США, если будут приняты следующие конкретные условия: эвакуация войск с оккупированных территорий, роспуск отрядов СС и нацистской партии, организация свободных выборов в Германии под американо-английским контролем, наказание военных преступников и установление контроля над германской военной промышленностью.

---

[77] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 648.

[78] См. H. B. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Bd. II, Zürich, 1948, S. 221.

[79] См. A. Dulles, Germany's Underground, p. 162.

Керстен передал эти условия Гиммлеру. Поскольку переговоры приняли такой конкретный характер, 9 ноября 1943 г. в Стокгольм прибыл сам Шелленберг. Через Керстена он сообщил Хьюитту, что Гиммлер готов принять условия американцев, за исключением пункта о наказании военных преступников. Однако в конце 1943 года переговоры прекратились [80].

В это время в Тегеране состоялась первая конференция глав правительств трех держав (США, Англии и СССР), на которой были приняты согласованные решения о ведении войны и о принципах сотрудничества в послевоенное время. Продолжать сепаратные переговоры с фашистскими деятелями в таких условиях было невозможно.

В правящем лагере Германии все более ясно осознавали неизбежность катастрофы, если не принять срочных мер для окончания войны. Разброд в военных и чиновничьих кругах усилился. Это придало новую силу заговору, расширило его базу. Вместе с тем активизация деятельности заговорщиков не могла не остаться незамеченной и для гестапо. Начались первые аресты заговорщиков. Гестапо начало распутывать нити, которые вели к штабу заговора.

Еще в апреле 1943 года гестапо арестовало Дитриха Бонхефера, Иозефа Мюллера и Ганса фон Донаньи. Все они были связаны с заговорщической группой в фашистской разведке. Чтобы избегнуть дальнейших разоблачений, Остер был уволен в отставку руководителем «Абвера» Канарисом. На первых порах арест трех деятелей заговора не привел к дальнейшим разоблачениям. Это обстоятельство свидетельствовало не столько о стойкости арестованных, сколько о том, что сам Гиммлер не был, по-видимому, заинтересован в серьезном разбирательстве. Факты говорят о том, что Гиммлер был информирован о действиях разведки, которая занималась установлением и поддержанием контактов с представителями Англии и США. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что глава гестапо смотрел до поры до времени сквозь пальцы на дела всех тех лиц из лагеря заговорщиков, которые были так или иначе связаны с Англией и США и

---

[80] Этот эпизод стал известен из мемуаров Керстена (см. F. Kersten, The Kersten Memoirs 1940—1945, N. Y., 1957, pp. 188—191).

могли пригодиться ему для осуществления его собственных планов.

Однако в январе 1944 года гестапо схватило всех членов группы Зольфа, в которую входили некоторые дипломаты и высшие чиновники[81]. Вскоре был арестован также Гельмут фон Мольтке, руководитель «кружка Крейзау», который оказался связанным с некоторыми деятелями из группы Зольфа[82]. Аресты заговорщиков из группы Зольфа могли повести к раскрытию деятельности весьма широкого круга лиц. Естественно, что это вызвало большую тревогу среди руководящего ядра заговора. Все больше заговорщиков настойчиво призывали к немедленным действиям.

Третий этап заговора наступил после начала весеннего наступления советских войск 1944 года, которое, развиваясь стремительными темпами, отбросило германскую армию к границам Восточной Пруссии и Румынии. Война вплотную приблизилась к территории рейха и государств — союзников Германии.

Для этого этапа характерны два важных решения заговорщического центра.

Во-первых, было окончательно установлено, что непосредственное исполнение решения об убийстве Гитлера возьмет на себя Штауффенберг. Все организационные и технические приготовления к убийству Гитлера сосредоточились в штабе резервной армии; оттуда должен был исходить сигнал к введению в действие «плана Валькирия». Во-вторых, катастрофическое положение на Восточном фронте заставило заговорщиков изменить тактику в переговорах с Западом о сепаратном мире. Они настаивали на том, чтобы посвященные в заговор генералы вступили в непосредственный контакт с командующими войсками союзников на Западе и договаривались с ними на месте о перемирии. По сути дела это был план открытия Западного фронта английским и американским войскам.

Реакцию заговорщиков на весеннее наступление советских войск можно охарактеризовать словами: нельзя больше терять ни минуты с осуществлением планов поку-

[81] См. R. Pechel, Deutscher Widerstand, S. 88, K. Paetel, Deutsche innere Emigration, N. Y., 1946, S. 18; R. Andreas-Friedrich, Der Schattenmann, B., 1947.

[82] См. Th. Steltzer, Von deutscher Politik, SS. 71—81.

шения! Руководители заговора беспрерывно повторяли, что спасти положение могут только самые срочные и неотложные меры.

В марте 1944 года Герделера посетил генерал Хольтиц, который рассказал ему о совершенно безнадежном положении гитлеровцев на Восточном фронте [83]. Еще до этого Якоб Валленберг в разговоре с Герделером заявил, что, если переворот не будет совершен в ближайшем будущем, «он потеряет всякий смысл, ибо будет поздно»[84].

«Под влиянием все более панических сообщений о крушении Восточного фронта..,—пишет Риттер,—Штауффенберг, видимо, уже в начале июня решил сам устранить Гитлера, хотя все его друзья возражали против этого; но Штауффенберг не хотел терять больше ни одного дня» [85].

В начале июля 1944 года Герделер сообщил Штауффенбергу, что положение на советско-германском фронте еще более ухудшилось и что заговорщикам необходимо немедленно «организовать прорыв вперед» [86].

В это же время фон Тресков сообщил Ольбрихту, что Центральный участок фронта полностью выведен из строя: 27 германских дивизий уничтожено, и советские танковые соединения находятся в ста километрах от главной квартиры Гитлера в Растенбурге. «Поскольку положение на Востоке и на Западе стало совершенно безнадежным,— писал он позже об этом периоде,— перед нами встал вопрос, следует ли еще вмешиваться в развитие событий и не лучше ли им дать идти своим ходом, чтобы люди окончательно поняли, кто ответствен за создавшееся положение. Я был глубоко потрясен и предложил Беку тотчас же отправиться на Западный фронт, чтобы переговорить с Клюге, а затем уже решить, следует ли нам предпринимать какие-либо акции и какие именно. Бек обещал посоветоваться насчет моего предложения с Штауффенбергом [87].

---

[83] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 383, 535.

[84] Ibid., S. 369.

[85] Ibid., S. 397.

[86] Ibid., S. 398.

[87] Цит. по воспоминаниям фон Трескова, к которым имел доступ Г. Риттер (воспоминания не опубликованы). См. G. Ritter, op. cit., p. 399

У заговорщиков в тот период возникла даже мысль о том, чтобы совершить «дворцовый переворот» с помощью английских и американских войск.

С этой целью в конце марта — начале апреля Герделер и Бек предприняли еще одну попытку вступить в контакт с западными державами. Через Гизевиуса, который с 1943 года был назначен вице-консулом и уполномоченным «Абвера» при германском консульстве в Цюрихе, они связались с А. Даллесом [88].

Бек и Герделер предложили Даллесу полностью прекратить всякое сопротивление германских войск американским и английским войскам и облегчить дальнейшую высадку союзных войск во Франции. Они уверяли, что главнокомандующие основными участками Западного фронта Рундштедт и Фалькенхаузен издадут соответствующие приказы по войскам. Более того, руководители заговора обещали Даллесу, что они примут меры, чтобы должным образом встретить парашютные десанты Англии и США «во всех ключевых пунктах Германии». Три парашютных дивизии английских и американских войск должны были высадиться в районе Берлина, причем указывалось, что эти войска будут встречены самим комендантом Берлина. Дальнейшая высадка союзных войск предполагалась в районах Гамбурга и Бремена. Речь, таким образом, шла не только о том, чтобы открыть фронт на Западе, но и о том, чтобы помочь англичанам и американцам оккупировать германскую территорию, с тем чтобы помешать победоносному продвижению советских войск. Лишь после всего этого новое германское правительство (т. е. правительство Герделера — Бека) должно было начать переговоры о мире с правительствами Англии и США [89].

Некоторые источники говорят о том, что и сам Штауффенберг в этот период предпринял шаги, чтобы связаться с западными державами. В своих показаниях гестапо Герделер сообщил о беседе с Штауффенбергом в июне 1944 года, во время которой Штауффенберг якобы сообщил ему, что он передал планы заговорщиков непосредственно Черчиллю. Это сообщение сначала было пе-

---

[88] См. H. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, S. 286; Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 161.

[89] См. A. Dulles, Germany's Underground, p. 139; Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 641.

реправлено одному из заговорщнков регнрунгс-презнденту Потсдама Бнсмарку, связанному с Валленбергом, н прн помощн последнего — Черчнллю. Герделер также сообщнл, что позже, 18 нюля, Штауффенберг вновь заявнл ему, будто он установнл непосредственную связь с Черчнллем [90]. Некоторые западногерманскне нсторики утверждают также, что Штауффенберг якобы пытался установнть в те днн контакт н со штабом Эйзенхауэра.

Планы заговорщнков — открыть фронт союзным войскам на Западе — требовалн согласня командующнх участкамн фронта на Западе. С этой целью во Францню былн отправлены доверенные лнца заговорщнков, которые должны былн связаться с командующнмн германскнмн войскамн на Западном фронте. Большне надежды заговорщнкн возлагалн прн этом на фельдмаршала Роммеля.

Впервые связн заговорщнков с Роммелем былн установлены еще в феврале 1944 года. По порученню руководнтелей заговора к Роммелю обратнлся с предложеннем прнсоеднннться к заговору однн нз его старых знакомых, бывшнй обер-бургомнстр Штутгарта Карл Штрелнн [91]. Роммель дал прннцнпнальное согласне участвовать в заговоре, н в его штабе началась разработка условнй перемнрня, которые должны былн быть переданы Эйзенхауэру в середнне нюня [92].

План Роммеля состоял в том, чтобы прекратнть сопротнвленне на Западе н концентрнровать все войска на Востоке. Союзннкн должны былн дать обязательство прекратнть воздушные налеты на Германню. На Востоке же война должна была продолжаться с удвоенной снлой [93].

---

[90] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S 161; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 389, 537. См. также протокол допроса одного из заговорщнков — Кайзера «20. Juli. Spiegelbild einer Verschwörung. Die Kaltenbruner Bericht an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944», Stuttgart, 1961, SS. 126, 127.

[91] См. K. Strölin, Stuttgart im Endstadium des Krieges, Stuttgart, 1952, S. 35; K. Strölin, Verräter oder Patrioten? Stuttgart, 1950.

[92] D. Young, Rommel, L., 1950, p. 222.

[93] См. H. Speidel, Invasion 1944, Ein Beitrag zu Rommels und des Reiches, Schicksal, Stuttgart, 1949, S. 85; K. Strölin, Stuttgart im Endstadium des Krieges, S. 36.

Роммель в этот период командовал армейской группой «Б», одной из двух групп, которые входили в состав войск главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршала Рундштедта. 2 июля 1944 г. Рундштедт был сменен фон Клюге. Таким образом, отныне на Западе заговорщики располагали доверенным лицом на весьма высоком посту.

Фон Клюге, вступив в свою должность, отправил одного из заговорщиков — фон Хофаккера, племянника Штауффенберга, к Беку с сообщением, что считает военное положение Германии совершенно безнадежным и готов присоединиться к заговору, если Гитлер будет устранен. 9 июля Хофаккер передал Роммелю настоятельное требование Бека закончить войну на Западе как можно быстрее сепаратным путем.

В это же время руководители заговора направили одного из заговорщиков — Отто Иона — в Мадрид с поручением связаться со штабом Эйзенхауэра и сообщить ему о планах сепаратной капитуляции на Западе. Ион передал это поручение через американского военного атташе в Мадриде в штаб Эйзенхауэра. Однако ответа из штаба Эйзенхауэра не последовало[94]. Американское командование относилось весьма положительно к планам сепаратной капитуляции на Западе, однако было слишком осторожным, чтобы связать себя какими-либо официальными обещаниями.

В середине июля в штабе Роммеля планы сепаратной капитуляции на Западе были разработаны во всех деталях[95]. Но 17 июля машина Роммеля потерпела аварию, и сам Роммель был тяжело ранен. На некоторое время дальнейшие меры по осуществлению этих планов пришлось отложить.

Однако катастрофическое положение на фронте не оставляло заговорщикам много времени для раздумий. Действовать надо было незамедлительно.

Закончились последние приготовления к покушению. В заговорщический центр на Бендлерштрассе была доставлена бомба с взрывным механизмом. Штауффенберг в течение нескольких недель упражнялся в обращении с механизмом бомбы, пользуясь для этого специальными

---

[94] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, SS. 651—652.
[95] H. Speidel, Invasion 1944, S. 139.

щипцами, поскольку рука у него была сильно изуродована. 6 июля Штауффенберг встретился в Берхтесгадене с генералами Фельгибелем и Штифом, для того чтобы договориться о деталях организации покушения на Гитлера [96].

11 июля 1944 г. Штауффенберг прибыл на совещание в ставку фюрера в Берхтесгаден, спрятав бомбу в портфель. Однако он отказался от покушения, поскольку на совещании не присутствовали ни Гиммлер, ни Геринг, которые по замыслу заговорщиков должны были быть убиты вместе с Гитлером.

В ночь с 12 на 13 июля состоялась беседа Гизевиуса с Штауффенбергом. Гизевиус заявил, что все надежды на заключение сепаратного мира до осуществления заговора рухнули и что сейчас дело заключается в том, «каким образом будет завершен заключительный акт — изнутри или извне» [97].

15 июля Штауффенберг опять был вызван на совещание в ставку Гитлера в Растенбург. В портфеле у него вновь была бомба. Но в тот самый момент, когда он хотел привести в действие механизм, Гитлер покинул помещение, в котором происходило совещание [98].

К этому времени в берлинском штабе заговора уже успели передать по каналам условный сигнал «Валькирия». С большим трудом удалось приостановить действия, предусмотренные «планом Валькирия», не вызвав подозрения у гестапо.

Наконец 16 июля состоялось совещание ближайших друзей Штауффенберга в квартире его брата в Берлине. В совещании приняли участие кроме Клауса Штауффенберга и его брата фон Тротт, фон Хофаккер, Фриц Шуленбург.

После того как вновь было констатировано совершенно безнадежное положение на всех фронтах, участники совещания пришли к заключению, что необходимо всячески форсировать переговоры о заключении перемирия на фронтах непосредственно между командующими вой-

---

[96] E. Zeller, Geist der Freiheit, SS. 211—212.

[97] H. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Bd. II, S. 308 (более подробно во 2-м изд.: H. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Zürich, 1948, S. 320).

[98] E. Zeller, Geist der Freiheit, S. 357; Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S 654.

сками. Но в отличие от Бека и Герделера Штауффенберг и его друзья полагали, что эти переговоры необходимо вести «не только с противниками на Западе, но и с Советским Союзом, причем старый Шуленбург, бывший посол в СССР, и бывший военный атташе в Москве (генерал Кестринг) должны были участвовать в этих переговорах как специалисты. При переговорах с англо-американской стороны должен был присутствовать фон Тротт» [99].

Это было последнее совещание заговорщиков перед покушением 20 июля 1944 г. Как видно из принятых на нем решений, Штауффенберг и его группа стояли на той точке зрения, что необходимо отказаться от порочной одностороннией ориентации и что переговоры о мире следует вести как с западными странами, так и с Советским Союзом. Это отличает взгляды Штауффенберга и его группы от взглядов других руководителей заговора, добивавшихся лишь спасения германского милитаризма и создания общего фронта германских империалистов и империалистов США и Англии для борьбы против Советского Союза и сил демократии в Германии и в Европе.

---

[99] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 402—408.

Глава третья

ХАРАКТЕР ВЕРХУШЕЧНОЙ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ ГИТЛЕРА, ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ

1. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года

Кульминационным пунктом заговора было покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.[1]

Рано утром 20 июля 1944 г. Штауффенберг и его адъютант Вернер фон Хефтен отправились на аэродром Рангсдорф близ Берлина, где их ждал самолет, предоставленный в их распоряжение генерал-квартирмейстером Вагнером, для того чтобы доставить их в ставку Гитлера в Растенбурге. На аэродроме к ним присоединились Гельмут Штиф и его адъютант Рёлль. В семь часов самолет поднялся в воздух.

В самолете Штиф передал Штауффенбергу бомбу. Для того чтобы привести ее в действие, нужно было раздавить стеклянный капсюль с кислотой; кислота разъедала тонкую металлическую проволоку и освобождала тем самым ударный механизм. Время взрыва зависело от толщины проволоки.

Штауффенберг тщательно завернул в рубашку бомбу и спрятал в портфель. Вторую бомбу такого же образца положил в свой портфель фон Хефтен: она нужна была на случай, если обнаружится какая-либо неисправность у бомбы, спрятанной Штауффенбергом.

[1] Описание событий в Растенбурге, Берлине и Париже дано по источникам: F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1951; E. Zeller, Geist der Freiheit, Freiburg, 1951; R. Pechel, Deutscher Widerstand, Zürich, 1947; B. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Bd. II, Zürich, 1948; 20. Juli 1944, Herausgegeben von der Bundeszentrale für Heimatdienst, Bonn, 1960; H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli, B., 1964.

Перелет от Берлина до Растенбурга продолжался свыше трех часов — ставка Гитлера находилась иа расстоянии примерно 560 *км* от столицы. От аэродрома до ставки нужно было проехать на машине еще 14 *км*. На пути иадо было миновать три заградительные зоны. Для въезда в каждую из иих требовался специальный пропуск.

Гитлер назвал свою ставку «Вольфсшанце» — «логово волка». В полной изоляции от внешнего мира, глубоко в лесу, в значительной мере под землей, в обширных бункерах (противовоздушных укрытиях) проводили свои дни фюрер и его ближайшее окружение. На подступах к «Вольфсшаице» были сооружены тщательно замаскированиые миниые поля; каждая из зон была опоясаиа колючей проволокой, а вокруг последней зоны тянулся проволочный забор, который днем и ночью находился под высоким иапряжением. Каждого, кто проходил коитрольиые посты на границах трех зон, тщательно обыскивали. Было почти иемыслимо, чтобы в ставку забрался враг.

Рабочий день Гитлера был рассчитан по минутам. Его будили точно в 10 часов утра. Завтрак подавался в спальию; здесь же ои прочитывал сводку сообщений иностраиных агентств и печати, которую составлял для иего Риббентроп. С 11 до 12 часов Гитлер прииимал своего адъютаита и решал с ним различные текущие вопросы. В 12 часов начиналось обсуждение военного положения, главиым образом положения иа фроитах, в присутствии Кейтеля, Йодля, начальников штабов трех родов войск и приглашенных для обсуждения специальных вопросов офицеров. Обед длился с 14 до 16 часов и был заполиеи длинными монологами Гитлера, главиым образом на тему о планах «переустройства мира» по фашистскому образу. После послеобеденного сна, в 18 часов, Гитлер давал официальные аудиенции: прииимал высших германских и иностранных сановников. Ужин продолжался тоже два часа (с 20 до 22 часов), а затем Гитлер собирал для беседы узкий круг лиц, причем эти беседы опять-таки проходили в сплошиых моиологах фюрера и заканчивались в 4 часа утра.

В связи с этим распорядком дня заговорщики решили, что остается лишь одна возможность добраться до Гитлера — воспользоваться вызовом кого-либо из них в ставку для участия в обсуждении военного положения рейха. После назиачения Штауффенберга иачальииком штаба

резервной армни он получнл возможность время от временн лнчно прнсутствовать на совещаниях у Гнтлера н докладывать фюреру о состояннн резервов. 20 июля 1944 г. Штауффенберг был вызван в ставку на одно нз такнх совещаний, чтобы сделать отчет о положеннн с резервамн.

Прнбыв в ставку, Штауффенберг направнлся к Кейтелю. Фон Хефтен остался дежурить у машнны; он должен был находнться в непосредственной близостн от Штауффенберга, чтобы в случае необходнмостн заменнть бомбу н сразу же после взрыва вывезтн на машнне Штауффенберга нз ставкн.

Существенную помощь Штауффенбергу в выполненнн его мнссин, а в дальнейшем в осуществлении остальной частн заговора должны былн оказать генералы Штнф н Фельгнбель — два высшнх офицера, работавшнх в ставке н посвященных в план покушення. Их задача заключалась в том, чтобы немедленно передать в берлннский центр сообщенне о гнбелн Гитлера, а затем вывестн нз строя снстему связн ставкн, чтобы изолировать ее от внешнего мнра. Особые надежды заговорщикн возлагалн прн этом на Фельгнбеля, который заннмал должность начальннка связн ставкн Гитлера.

После того как Штауффенберг доложнл Кейтелю о своем прибытнн, последннй сообщил ему о двух важных нзмененнях, внесенных в распорядок совещання у Гнтлера: во-первых, доклад Штауффенберга был назначен не на 13 часов, как предполагалось раньше, а на 12 час. 30 мнн., так как в 14 час. 30 мин. в ставку должен был прнбыть Муссолннн; во-вторых, совещанне было перенесено нз бункера в барак, где храннлнсь штабные карты. Такнм образом, у Штауффенберга н его помощннков осталось очень немного временн на приготовления; но, что важнее всего, в связн с переменой места совещання удача покушения всецело завнсела от того, насколько блнзко от Гнтлера удастся поместить бомбу. В условиях просторного барака нельзя было рассчнтывать, что взрывная волна уннчтожит всех собравшихся на совещанин.

От Кейтеля Штауффенберг должен был непосредственно направнться на совещание к Гнтлеру. Но ему нужно было время, чтобы раздавнть капсюль с кнслотой н прнвести в действне механизм бомбы. Поэтому он «забыл» в кабннете Кейтеля свою фуражку н как только вместе с Кейтелем вышел нз штабного помещення, вер-

нулся туда обратно и незаметно произвел необходимую операцию с бомбой. Теперь каждая минута была дорога — до взрыва осталось 10 минут.

Проходя мимо дежурного телефониста в бараке, он в присутствии Кейтеля крикнул ему, что ждет срочного звонка из Берлина. Затем он вошел в комнату заседания.

На совещании в этот момент заканчивал свой доклад о положении на фронтах начальник оперативного отдела генерального штаба Хойзингер. После него слово должно было быть предоставлено Штауффенбергу. Опасная ситуация для него возникла в связи с тем, что Кейтель, прервав Хойзингера, когда тот коснулся вопроса о резервах, предложил Гитлеру сразу же по этому вопросу заслушать Штауффенберга. В случае принятия предложения Кейтеля у Штауффенберга не было бы повода удалиться с совещания до взрыва бомбы. Однако Гитлер велел Хойзингеру продолжать доклад.

Штауффенберг поставил портфель с бомбой под стол, напротив Гитлера, на той стороне массивных дубовых подпорок, которая была обращена к фюреру. Шепнув своему соседу Брандту (заместителю Хойзингера), что он срочно должен переговорить с Берлином, Штауффенберг удалился, оставив свой портфель под столом. Брандт нагнулся над одной из карт и, задев ногой портфель, переместил его по другую сторону дубовых подпорок. Это и спасло жизнь фюреру.

Штауффенберг поспешил в служебное помещение Кейтеля, перед которым его ожидал в машине фон Хефтен. Штауффенберг сел в машину и стал ждать.

Ровно в 12 час. 42 мин. бомба взорвалась. В это время в бараке находилось 24 человека [2]. Один из них —

---

[2] Вот перечень этих лиц: Гитлер, Хойзингер, Брандт, Кортен, Боденшатц, Шмундт, Боргман, фон Путкамер (представитель военно-морских сил), Бергер (стенограф), Асман (представитель штаба военно-морских сил), Шерф (начальник исторического отдела ОКВ), Фосс (представитель Деница в ставке Гитлера), Фегелейн (представитель войск СС в ставке Гитлера), фон Белов (адъютант Гитлера), Гюнше (адъютант Гитлера), стенограф (имя не установлено), фон Ион (адъютант Кейтеля), Бюхс (адъютант Йодля), Вейценэггер (адъютант Кейтеля), Зонлейтер (представитель Риббентропа в ставке Гитлера), Варлимонт (заместитель Йодля), Буле (начальник отдела в ОКВ), Йодль, Кейтель (фамилии лиц, участвовавших в совещании, приведены в порядке размещения их за столом, справа налево от Гитлера).

стеиограф — был убит на месте; трое умерли от получеиных раи (Брандт, начальник штаба военио-воздушных сил Кортен, начальник отдела кадров ОКВ Шмуидт); двое были тяжело раиеиы (представитель Геринга в ставке Гитлера Боденшатц и адъютант Гитлера Боргмаи). Еще несколько человек получили легкие ранения. Сам Гитлер отделался ожогами, его правая рука была парализована и временно он потерял слух — у него лопнули барабаниые перепоики.

Штауффенберг и его адъютант услышали оглушительный грохот, увидели пламя взрыва, в ставке завыли сиреиы тревоги и поднялась невообразимая паника. Они двинулись в путь, абсолютно убежденные в том, что Гитлер погиб. Первый контрольный пост Штауффенберг миновал, ловко обманув дежурного офицера: набрав в сторожевом помещении какой-то иомер и симулировав «разговор с начальником», он крикнул офицеру, что получил разрешение на проезд, и, не дав ему опомниться, проехал через шлагбаум. Примерио таким же образом ему удалось миновать остальные коитрольиые посты. На бешеной скорости машина помчалась к аэродрому, где Штауффенберга ждал самолет, привезший его и его спутииков в ставку три часа тому назад. В 13 час. 15 мин. самолет поднялся в воздух и взял курс на Берлин.

Чтобы получить представление о том, что произошло в ближайшие часы после покушения на Гитлера, следует проследить ход событий в трех главных центрах, где решалась судьба заговора: в ставке Гитлера, в Берлине и в Париже.

В ставке паиика охватила не только фашистских руководителей, но и офицеров, на которых были возложены ответственные задания заговорщического центра — Фельгибеля и Штифа. Первый из них, когда к своему ужасу увидел, что Гитлер поднялся невредимым из руин барака, не осмелился связаться по телефоиу с штабом резервной армии, как было условлено заранее, и тем более вывести из строя систему связи ставки. Он в полиой растеряииости иаправился к Штифу. Но тот не только не ободрил Фельгибеля, но усугубил его паническое настроение, заявив, что, по его мнеиию, заговор провалился и остается лишь принять меры к собственной безопасиости.

В то время к ставке уже мчался Гиммлер, штаб-квар-

тира которого была расположена в 25 *км* от Растенбурга. Ои сразу же связался с Берлиином с «имперским ведомством безопасиости» н времеиио наложил вето иа сообщеиия о совершеииом покушеиии. Сотрудннкн Гиммлера без труда устаиовили, что покушеиие было совершено Штауффеибергом, и в Берлнн полетелн депеши с приказом арестовать его.

В ставку потяиулись н другие сподручиые Гитлера: Герниг, Риббентроп, Деннц. Одии Геббельс остался в Берлине — иа него была возложеиа функция разобраться в обстаиовке в столице и в случае необходимостн принять меры к подавлеиию мятежа.

Когда Муссолиии с некоторым опоздаинем (в 16 час.) прибыл в ставку, он встретнл там всех фашистскнх руководителей в сборе. Итальяискому дуче были продемоистрнрованы груды обломков барака, в котором было совершеио покушеиие иа Гитлера (сохраннлась фотография, иа которой дуче с явиым испугом смотрнт иа хаотическое иагромождеиие балок, разбитого стекла, щебня и т. д.). Затем состоялся офнциальный прнем, во время которого фашистские главари дружио восхваляли «провндение», спасшее Гнтлера. Первый шок к тому времеин уже прошел, паннка улеглась, н гитлеровскнй террорнстическнй аппарат начал свою деятельиость.

В эти решающие часы судьба заговора завнсела от того, насколько быстро и решнтельно будут действовать заговорщики в столице рейха — в Берлиие.

Осиовиые событня, определившие развитне заговора, развериулись здесь в трех главных цеитрах: на Бендлерштрассе, в штабе резервиой армии; в берлииском полицей-презндиуме, где иаходился один из руководнтелей заговора фон Хельдорф; иаконец, в резндеицнн Геббельса (в мнинстерстве пропаганды), руководившего фашистским партийным и государствеиным аппаратом в Берлние (Геббельс был гаулейтером Берлииа).

После отлета Штауффенберга непосредственное руководство делами иа Бендлерштрассе взял иа себя Ольбрихт. Он сразу же послал своего сотрудиика к Хельдорфу, чтобы еще раз иа осиове карты, разработаниой в соответствии с «плаиом Валькирня» и хранившейся в полицей-президиуме, определить точио список правительственных здаинй, которые должны быть заияты заговорщиками. Здесь выявилнсь первые недоразумеиня: Хельдорф пола-

гал, что эти здания должны быть заняты силами армии, а сотрудник Ольбрихта имел инструкции, согласно которым эту операцию должна была провести полиция. Хельдорф и посланец Ольбрихта так и не пришли к соглашению по поводу этого важнейшего вопроса.

На Бендлерштрассе начали собираться руководители заговора. Сначала туда прибыл Гепнер — он должен был занять пост командующего резервной армией после переворота. Вместе с Ольбрихтом они стали ждать звонка Фельгибеля из ставки Гитлера. Но звонка не последовало, и первым, кто узнал о покушении на Гитлера, были не руководители заговора на Бендлерштрассе, а Геббельс, которого известили об этом примерно в 13 часов, причем ему было сообщено, что Гитлер жив.

Только в 15 час. 30 мин. Ольбрихту удалось самому дозвониться до Фельгибеля. Но слышимость была очень плохой, и Фельгибель спешил прервать разговор. Удалось лишь установить, что покушение действительно произошло, но, был ли убит Гитлер, осталось неясным. В связи с отсутствием сообщения из ставки Ольбрихт задержал передачу приказов об осуществлении «операции Валькирия» на целых три часа. Только после разговора со ставкой (примерно в 16 часов) начала разворачиваться «операция Валькирия».

В это время Штауффенберг и Хефтен успели прибыть на аэродром Рангсдорф. Они позвонили Ольбрихту и категорически заявили, что Гитлер убит. Пока Штауффенберг и его адъютант добирались с аэродрома до Бендлерштрассе, Ольбрихт решил посвятить в события Фромма (тот в общих чертах знал о планах заговорщиков, но не был информирован о намерениях убить Гитлера и осуществить переворот). Выслушав сообщение Ольбрихта о том, что Гитлер якобы убит, Фромм пожелал лично переговорить с Кейтелем. Он связался со ставкой по телефону и узнал, что покушение кончилось неудачно. Тогда он решительно отказался поддержать заговорщиков. Его арестовали и заперли в одну из комнат штаба.

Прибытие Штауффенберга и его адъютанта на Бендлерштрассе временно вдохнуло новую силу в заговорщиков. Одновременно с Штауффенбергом на Бендлерштрассе прибыли Бек, Хельдорф и др. Штауффенберг

заверил их, что Кейтель лжет,— Гитлер убит. Он дал инструкцию Хельдорфу занять правительственный квартал и арестовать Геббельса. Тут же он связался с Парижем и информировал Хофаккера (главного уполномоченного заговорщического центра во Франции), что Гитлер убит.

На парижскую группу руководители заговора возлагали особые надежды. Эта группа должна была вместе с командованием Западного фронта (главнокомандующий Клюге) связаться с англичанами и заключить перемирие на Западе. Хофаккер и Штюльпнагель знали о приготовлениях к покушению. Получив приказ о начале «операции Валькирия» примерно в 16 часов, они немедленно приступили к предусмотренным заранее действиям. После звонка Штауффенберга Штюльпнагель собрал группу верных ему людей и приказал арестовать всех сотрудников службы безопасности в Париже и чиновников СС. В последующие полтора-два часа в штаб Штюльпнагеля начали поступать различного рода противоречивые сообщения о судьбе Гитлера. В конце концов стало ясным, что первоначальное известие о его смерти не подтвердилось. Однако, когда примерно в 18 час. 30 мин. сам Бек позвонил Штюльпнагелю и в упор поставил перед ним вопрос, будет ли он выполнять приказы из центра «при любых условиях», он ответил утвердительно. Операция по аресту чиновников СД и СС продолжалась.

Так сложилось положение к вечеру 20 июля.

Покушение на Гитлера не удалось, но судьба заговора этим отнюдь не была решена. Более того, на основе анализа данных, которыми мы сейчас располагаем, можно сделать вывод, что заговорщики имели в своем распоряжении достаточно сил, чтобы, несмотря на неудачу покушения, произвести в Берлине и в Париже государственный переворот. Если сравнить их положение с положением инициаторов государственного переворота, скажем, в Италии и Румынии (где соответственно в 1943 и 1944 гг. была свергнута диктатура Муссолини и Антонеску), то в смысле организации, размаха и сил переворота ситуация для заговорщиков в Берлине выглядит отнюдь не хуже, а во многих отношениях даже лучше, чем ситуация в Риме и Бухаресте.

Однако для успеха заговора необходимо было на-

личие по крайней мере двух предпосылок: единства заговорщиков в период осуществления переворота; решительности и быстроты в проведении плана заговора в главных его звеньях. Но этих предпосылок не было в действиях заговорщиков.

Первая «осечка» произошла в самой ставке Гитлера: заговорщики, занимавшие там ключевые посты, которые давали возможность полностью изолировать фашистского диктатора, отрезав его от тыла и фронта, отказались от выполнения своей задачи. Ставка получила возможность сразу же связаться с Берлином, Парижем, со всеми командующими фронтами и военными округами в германском тылу, требуя повиновения Гитлеру и подавления любых возможных выступлений мятежников.

Вторая «осечка» произошла в Берлине при проведении мер по овладению главными «нервными» центрами столицы. Важнейшее значение для успеха акции в Берлине имели предусмотренные «планом Валькирия» занятие радиостанции и арест Геббельса. При решительных и продуманных действиях оба эти мероприятия могли бы быть осуществлены без особого труда.

В самом деле, важнейшие командные посты в Берлине — пост военного коменданта (фон Хазе) и полицей-президента (фон Хельдорф) занимали заговорщики. От инициативности и решительности их во многом зависел успех проведения «плана Валькирия» в Берлине.

Однако Хазе и Хельдорф не могли даже договориться между собой, кто должен взять на себя инициативу в проведении плана. Хельдорф считал, что начать путч должна армия, а полиция будет выполнять лишь вспомогательные функции. Он ждал в полицей-президиуме приказов Хазе. Последний же ничего не предпринимал, полагая, что занятие основных центров связи, и особенно радиостанции, является обязанностью полицей-президиума. Так прошли в бездействии драгоценные часы.

Наконец, примерно в 18 час. 15 мин. из центра на Бендлерштрассе последовал прямой приказ военному коменданту фон Хазе занять радиостанцию, правительственные здания (в том числе здание министерства пропаганды, резиденцию Геббельса, почту и телеграф и т. д.). Но к этому времени уже было известно, что покушение не удалось. Охрана радиостанции была усилена (Геб-

бельс и Фриче— руководитель радиовещания — прекрасно понимали, какое значение имеет для них сохранение радиостанции), и робкие попытки со стороны уполномоченных фон Хазе проникнуть в радиовещательный центр не удались. Геббельс поспешил воспользоваться этим. В 18 час. 45 мин. было передано экстренное сообщение о том, что на Гитлера было совершено покушение, но что Гитлер остался жив. Позже последовало новое экстренное сообщение о том, что скоро Гитлер выступит по радио сам.

После этого полицей-президент фон Хельдорф вообще отказался от дальнейшего участия в путче.

Попытка арестовать Геббельса также кончилась провалом. Фон Хазе не только лично не возглавил проведение этой важной операции, но поручил это фанатичному нацисту, занимавшему в этот период пост командира охранного батальона в Берлине — майору Отто Ремеру. Фон Хазе считал, что подчиненный ему командир не осмелится нарушить приказ.

Однако преданному фюреру майору и нацистскому комиссару при нем Хагену приказ фон Хазе показался подозрительным: не направлено ли все это против Гитлера и руководства рейха? Они сговорились, что, прежде чем Ремер выполнит приказ, Хаген сам переговорит с Геббельсом. Хаген на мотоцикле помчался к министру пропаганды. Геббельс заверил Хагена, что Гитлер жив и что приказ фон Хазе является предательством. Он пожелал лично переговорить с Ремером. Хаген помчался обратно, чтобы привести Ремера к Геббельсу. В 19 часов командир охранного батальона предстал перед всемогущим министром пропаганды. Чтобы доказать Ремеру, что его начальник фон Хазе — предатель, Геббельс связал его лично с фюрером. Гитлер тут же поручил ему (до прибытия Гиммлера, вылетевшего из ставки в Берлин примерно в 17 час.) командование всем берлинским гарнизоном и произвел его в полковники. С этого момента Ремер и его охранный батальон превратились в основную опору фашистского руководства в Берлине. Вместо того чтобы выполнить поручение об аресте Геббельса, он поспешил принять меры к аресту заговорщиков.

Между тем на Бендлерштрассе положение принимало все более неблагоприятный оборот для заговорщиков.

После отказа Фромма от дальнейшего участия в за-

говоре и его ареста заговорщиками многие офицеры штаба резервной армии приняли сторону своего командующего и готовились к расправе с «бунтовщиками». Этой группой офицеров руководил полковник Хербер. Он и его сторонники договорились в подходящий момент атаковать «бунтовщиков» и освободить Фромма.

Тем временем служба безопасности получила приказ Гиммлера об аресте Штауффенберга. Но уполномоченного Гиммлера — обер-фюрера Пифредера и двух сопровождавших его лиц заговорщики арестовали и заперли в отдельную комнату. Их участь разделил и командующий берлинским военным округом Корцфлейш, явившийся на Бендлерштрассе, возмущенный сообщениями о покушении на фюрера.

В кабинете Ольбрихта между тем собрались все военные руководители заговора — Бек, Витцлебен, Гепнер, Штауффенберг, а также некоторые ближайшие сторонники Штауффенберга — Мерц фон Квирнгейм, фон Хефтен, Йорк фон Вартенбург и др. Штауффенберг и Бек предпринимали отчаянные попытки спасти положение, связываясь по телефону с основными центрами заговора в Берлине, в Вене, Париже. Но многие участники заговора уже разуверились в его успехе и начали принимать меры, чтобы спасти себя. Хельдорф, узнав, что батальон Ремера получил приказ арестовать «мятежников», уехал к себе на квартиру. То же сделал и Хазе. Фельдмаршал Витцлебен покинул свой пост и отправился на свое имение близ Берлина.

Окончательно отказался от какой-либо поддержки заговора также фельдмаршал Клюге, главнокомандующий германскими войсками на Западе. До поры до времени — пока не было уверенности в крахе заговора в Берлине — фельдмаршал лавировал. Но узнав от Кейтеля, что фюрер жив, он отказался поддержать заговор. Однако он не мешал также командующему войсками во Франции Штюльпнагелю проводить меры, предусмотренные в «плане Валькирия».

Важнейшее место среди этих мер занимала операция по аресту чиновников службы СД и СС. Приказ об аресте этих чиновников был выполнен, несмотря на то что к этому времени было известно и о неудаче покушения, и о неблагоприятном обороте событий в Берлине. Штюльпнагель и его сторонники полагали, что решительными

действиями на Западном фронте можно еще добиться одной из целей заговора — перемирия на Западе — и оказать воздействие на положение Германии в целом.

Ровно в 22 час. 30 мин. началась операция в Париже. Военный комендант Парижа генерал Бойнебург, его заместитель генерал Бремер, начальник штаба полковник фон Унгер и командир охранного полка подполковник Кревель сформировали ударные отряды и в течение менее чем полутора часов арестовали 1200 высших чиновников СД и СС. Успех этой операции еще раз показал, что перед организованными и решительными действиями фашистский террористический аппарат оказался бессильным.

Однако и на Западе в лагере заговорщиков отсутствовало единство и решимость довести до конца начатое дело. В числе капитулянтов оказался фельдмаршал Клюге, на которого руководители заговора в Берлине возлагали особые надежды. Как только выяснилось, что в Берлине чаша весов окончательно склонилась в пользу фашистского руководства, Клюге отбросил свою тактику выжидания. Он вызвал парижских заговорщиков и под угрозой ареста приказал освободить арестованных чиновников СД и СС[3]. Штюльпнагель не осмелился воспротивиться приказу. Операция в Париже также кончилась неудачей.

Тем временем события на Бендлерштрассе близились к своему трагическому концу. В тот час, когда в Париже начались аресты фашистских чиновников, руководители заговора собрались в кабинете Ольбрихта на свое последнее совещание. Они решили принять меры к обороне штаба против неминуемых теперь уже атак фашистов. После того как они разошлись, группа офицеров под руководством Хербера ворвалась в кабинет и пыталась арестовать присутствовавших там Ольбрихта, Герстенмайера и брата Штауффенберга Бертольда. Им на помощь поспешили Клаус Штауффенберг и фон Хефтен. Завязалась перестрелка, во время которой Штауффенберг был ранен в руку. Группа Хербера оказалась хозяином положения. Присутствовавшие в кабинете Ольбрихта были арестованы, так же как Бек и Гепнер, находившиеся в других

---

[3] Предательство не помогло Клюге. Он был вызван после подавлення путча в Берлнн и, поннмая, что скрыть свое участне в заговоре ему не удастся, по дороге кончнл жнзнь самоубийством.

кабинетах. Хербер и его сообщники освободили Фромма. Для того чтобы оправдать себя в глазах нацистов и вместе с тем убрать нежелательных свидетелей своего участия в заговоре, Фромм решил на месте расправиться с арестованными. Беку он разрешил застрелиться. Затем он инсценировал «полевой суд» и приговорил к немедленному расстрелу Ольбрихта, Клауса Штауффенберга, фон Хефтена и Мерца фон Квирнгейма. Приговор был приведен в исполнение во дворе штаба резервных войск солдатами из охранного батальона Ремера.

Когда во двор ввели вторую группу приговоренных к расстрелу, в том числе Йорка фон Вартенбурга и Бертольда фон Штауффенберга, на Бендлерштрассе прибыли начальник гитлеровской службы безопасности Кальтенбруннер и генерал СС Скорцени. Им было поручено подавить мятеж в штабе резервной армии и начать расследование обстоятельств заговора. Они приостановили расстрел и отправили арестованных в тюрьму. Началась кровавая расправа над заговорщиками.

2. Связи заговорщиков с монополистическим капиталом и юнкерством

Западногерманские историки потратили немало сил, чтобы доказать «надклассовость» заговора. Большинство из них отрицают тот факт, что заговорщики представляли интересы определенных классов гитлеровской Германии, точнее определенных прослоек германской буржуазии и юнкерско-помещичьих кругов. Профессор Ганс Ротфельс писал, например, о мотивах руководителей заговора: «Участие (в заговоре. — *Д. М.*)... и сама смерть этих людей не определялись интересами какого-либо класса, а были выражением протеста отдельных личностей, которые следовали истинным заветам консервативного мировоззрения и христианской набожности [4].

В другом месте своей книги Ротфельс снова подчеркнул, что «мотивы военной оппозиции, насколько мы можем судить, не были обусловлены ни их профессиональной, ни их классовой принадлежностью» [5]. По его мне-

---

[4] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 98.
[5] Ibid., S. 91.

нию, «речь шла лишь о попытке спасти вечные ценности человеческого существования»[6].

О «чисто идеалистических» мотивах заговорщиков много писал Герхард Риттер. Он цитировал слова Герделера о том, что целью смены власти в Германии должно быть восстановление разграничительной черты между «честью и «бесчестьем», между «моралью» и «аморальностью».

Действительно, некоторые заговорщики руководствовались высокими моральными принципами, отвергали фашистские террористические методы и стремились покончить с фашизмом. Но это не значит, что заговорщики не представляли определенные классы и классовые прослойки фашистской Германии.

Для того чтобы это доказать, необходимо проследить связи монополистических и юнкерско-помещичьих кругов с заговором, их роль в определении характера и программы заговорщиков, послевоенных планов руководителей заговора, их внешнеполитических установок и т. д.

Наглядно видны нити, ведущие от руководства заговором к крупным германским монополиям при рассмотрении некоторых фактов биографии Герделера.

Карл Герделер еще в Веймарской республике считался доверенным лицом ряда крупных германских концернов в Средней Германии (особенно в Саксонии), на Рейне, в Руре и в Восточной Пруссии. Он принадлежал к той части представителей монополистических кругов Германии, которая с самого начала относилась скептически к планам Гитлера и рекомендовала проявлять по отношению к ним «осторожность».

Биограф Герделера Герхард Риттер подробно рассказал о связях Герделера с Брюнингом, который рекомендовал его бывшему президенту Германии Гинденбургу в качестве преемника на посту германского канцлера. Так же как и Брюнинг, Герделер критиковал программу Гитлера за нереальность и авантюристичность. Именно Брюнинг назначил Герделера на пост имперского комиссара цен, и этот пост Герделер занимал при Гитлере вплоть до июля 1935 года.

В 1936 году Герделер вернулся на свой старый пост обер-бургомистра Лейпцига, но в том же году ушел от

---

[6] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 94.

официальной политической деятельности в знак протеста против чрезмерной, по его мнению, программы переключения германской экономики на военный лад.

В 1936 году Герделер занял пост советника крупного рейнского промышленника Боша и установил тесные связи с концерном Круппа.

После ухода с поста имперского комиссара цен и обер-бургомистра Лейпцига Крупп предложил Герделеру стать одним из директоров его акционерного общества в Эссене. Однако вмешательство Гитлера помешало этому назначению. Тогда Крупп предложил Герделеру пост эмиссара по внешним делам фирмы. Соглашение между Круппом и Герделером предусматривало, что заграничные поездки Герделера будут финансироваться фирмой Круппа, а Герделер будет выполнять определенные поручения фирмы, связанные с поездками за границу.

Важным каналом связей Герделера с крупной рейнско-рурской промышленностью был его друг и покровитель Герман Рейш, директор металлургических заводов «Гуте Хоффнунгсхютте». Именно вокруг Боша и Рейша группировались те промышленники, которые были критически настроены к Гитлеру и опасались, что фашистский фюрер навлечет на Германию катастрофу.

Особенно тесными были отношения Герделера с Бошем. Фирма Боша имела огромные заграничные связи, а в самой Германии относилась к числу самых крупных монополистических объединений.

Роберт Бош был владельцем крупнейшего в Европе концерна по производству электрооборудования. Его брат Карл входил в правление знаменитого концерна «ИГ Фарбениндустри». Роберт и Карл Бош рассматривали Герделера как свое доверенное лицо и связывали с ним далеко идущие политические планы.

Одним из близких друзей Герделера, который оказывал ему неизменную поддержку, был президент объединения саксонских промышленников и генеральный директор акционерного общества «Заксенверке» Виттке.

Будучи обер-бургомистром Лейпцига, Герделер установил связи и с большинством других промышленников Саксонии, особенно в электротехнической и химической отраслях промышленности. Наконец, он был связан с «королем» бурого угля и крупным помещиком Венцелем Тойченталем.

Разумеется, список промышленников, непосредственно связанных с Герделером, не исчерпывается перечисленными фамилиями. Герделер был «своим человеком» также в кругу множества других семей крупных монополистов Германии.

Бо́льшая часть из них рассматривала Герделера как человека, который способен разрабатывать более гибкие, чем Гитлер, политические концепции для германского монополистического капитала. Поэтому они оказывали ему постоянную финансовую помощь и помогали ему устанавливать связи с соответствующими кругами за границей, симпатизировавшими планам «оппозиции».

Зная о тесных связях Герделера с многими монополистами, Шахт предложил Герделеру в 1938 году стать политическим представителем монополистических кругов. Для этого, по словам Шахта, необходимо было прежде всего завязать определенные знакомства за границей и расширить «политический горизонт».

Герхард Риттер, касаясь этих планов Шахта, писал: «Это предложение, по сути дела, означало стремление приобрести практические навыки руководителя оппозиции»[7]. Именно в качестве такого политического руководителя, который был бы способен защищать их интересы, рассматривали Герделера многие рейнско-рурские промышленники, с которыми он был связан.

Но знакомства Герделера отнюдь не исчерпывали связи заговорщиков с представителями монополистических кругов. Среди заговорщиков, имевших столь же солидную поддержку в промышленных кругах, были фон Хассель и Попитц. Оба они (как и Герделер) были тесно связаны с крупным германским монополистом фон Вильмовским — зятем Круппа, членом правления многих влиятельных западногерманских акционерных обществ.

Хассель вошел в наблюдательный совет Среднеевропейского экономического объединения и сумел наладить отношения со многими руководящими деятелями германской промышленности. Промышленники доверяли Хасселю. Он выступал в промышленном клубе в Дюссельдорфе, который в 1932 году служил местом решающей встречи Гитлера с крупными магнатами германской промышленности перед приходом его к власти.

[7] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 153.

Хассель был тесно связан с влиятельным немецким банкиром Шинвиндом. Характерно, что Герделер счел необходимым согласовать список министров своего правительства и доверенных лиц правительства в землях именно с этим крупнейшим немецким банкиром.

В числе заговорщиков были и такие известные представители германского монополистического капитала, как Николаус фон Галем, действовавший по поручению Верхнесилезского металлургического концерна, главный советник авиационной компании «Люфтганза» Клаус Бонхефер и другие. Для этих деятелей также характерно, что еще до прихода Гитлера к власти они выражали сомнение в правильности методов и в реальности программы Гитлера.

Можно согласиться с историком ГДР Вильгельмом Эрзилем в том, что перечисленные деятели представляли ту группу монополистов и помещиков, которая в свое время поддерживала политику Брюнинга, затем с известными оговорками приняла фашизм и помогла ему прийти к власти, а перед угрозой поражения отошла от Гитлера, боясь, что дальнейшая поддержка его может привести к катастрофе Германию и вместе с ней к самым неблагоприятным последствиям для самих монополистов[8].

Недовольные гитлеровской политикой промышленники группировались в основном вокруг двух центров или кружков. Наибольшее значение имел так называемый «кружок Рейша». Он не был сколько-нибудь четко организационно оформлен, а скорее представлял собой своего рода дискуссионный клуб. Собрания кружка происходили обычно в имении Венцеля-Тойченталя близ Галле. В них участвовали руководящие деятели: концерна «Ферайнигте Штальверке» — Альфред Феглер, крупнейшего электромеханического концерна АЭГ — Бюхер, электротехнической промышленности Германии — фон Сименс; крупные помещики граф Гарбенберг, Венцель-Тойченталь и другие[9]. Ведущую роль в кружке играл директор

---

[8] См. В. Эрзиль, К вопросу о фальсификации характера заговора 20 июля 1944 года в западногерманской историографии, «Проблемы истории второй мировой войны», М., 1959, стр. 321.

[9] См. H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 59; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 58, 521, 545.

металлургического концерна «Гуте Хоффнунгсхютте» Рейш.

Этот концерн и другие монополистические объединения, представители которых принимали участие в собраниях кружка Рейша, играли важную роль в военном производстве Германии. Поэтому гитлеровцы не решались расследовать деятельность этого кружка. Фашистский министр вооружения Шпеер даже обратился с ходатайством к гестапо не привлекать к ответственности Рейша, Феглера, Бюхера, Боша и Сименса. Ходатайство Шпеера было удовлетворено. В этой связи Герхард Риттер писал: «По всей вероятности, безбрежное увеличение числа подозрительных, выявление все новых весьма известных фамилий становилось страшным для самих гитлеровцев и в конце концов они сами испугались того, чтобы тщательно расследовать каждое новое подозрение»[10]. Разумеется, эти слова относятся лишь к крупным промышленникам, которые даже для гестапо были недосягаемы.

Во время допросов в гестапо Герделер выдал всех своих покровителей из числа промышленников, надеясь на то, что это спасет ему жизнь. Некоторые из них были арестованы или вызваны на допрос. Но лишь одного из участников кружка Рейша — Венцеля-Тойченталя гитлеровцы приговорили к смерти; остальные или не привлекались к ответственности, или содержались под арестом вплоть до освобождения американскими или английскими войсками.

Вторым центром, вокруг которого группировались оппозиционно настроенные промышленники, был кружок Боша. Он собирался в доме Роберта Боша в Штуттгарте. В кружок входили: генеральный директор фирмы Боша Ганс Вальц, промышленник Альбрехт Фишер, полицей-директор Хан, епископ Теофиль Вурм, обер-бургомистр Карл Штрелин, наконец, один из руководящих деятелей заговора доктор Пехель, издававший журнал «Дейче Рундшау». Бош поддерживал так называемое «панъевропейское движение», которым руководил граф Куденгов-Калерги. Панъевропейские установки весьма ясно сказались на программных документах Герделера и других заговорщиков. Оппозиционные промышленники

[10] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung S. 413.

сочувствовали им и оказывали щедрую финансовую поддержку.

Собрания кружка Боша в Штутгарте также носили чисто дискуссионный характер. Во время этих дискуссий широко обсуждались послевоенные планы германского монополистического капитала. В составленных Герделером документах результаты этих дискуссий нашли самое широкое отражение.

Оппозиционно настроенные промышленники, непосредственно занимавшиеся военным производством, группировались также вокруг начальника управления мобилизации промышленности при главном командовании вермахта генерала Томаса. В их числе был заместитель председателя имперской группы промышленности Шталь и др. Эти настроения нашли свое отражение в меморандумах, составленных этой группой деятелей. Первый из них — меморандум генерала Томаса, был составлен в середине августа 1939 года для начальника главного командования вермахта Кейтеля.

Меморандум Томаса был написан после подробных бесед с Герделером, Беком и Шахтом. В нем прежде всего опровергалась мысль о возможности молниеносного исхода войны и подчеркивалось, что война неизбежно примет затяжной характер. Далее, генерал Томас подробно обосновывал положение о том, что без могущественных союзников у Германии не будет достаточно сырья и продовольствия, чтобы вести длительную войну «на истощение»[11].

В 1942 году генерал Томас составил новый меморандум, озаглавленный «Предупреждение германской промышленности». Под меморандумом подписались заместитель председателя имперской группы промышленности Шталь, один из ведущих германских банкиров, два крупных помещика и сам Герделер. По свидетельству Шлабрендорфа, в последний момент несколько крупных промышленников, к которым обратились Герделер и Томас, отказались поставить свои подписи под этим документом. Генерал Томас представил меморандум начальнику генерального штаба Гальдеру, но Гальдер отказался что-либо предпринять.

---

[11] См. Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 468.

Авторы меморандума доказывали бесперспективиость войны в связи с тяжелым экоиомическим положеиием Германии[12]. Промышлениики, группировавшиеся вокруг Томаса, считали, что экоиомические ресурсы Гермаиии иедостаточиы для того, чтобы вести успешную войиу за устаиовление гермаиской гегемоиии иад миром. Оии были озабочены спасеиием германской промышлеиной мощи и предупреждали, что необходимо сделать выводы из создавшегося уже в 1942 году положеиия и закоичить войиу, пока оиа ие привела к катастрофе для Гермаиии. Все свои иадежды гермаиские промышленники возлагали на сепаратный сговор с западными державами. Поэтому ие случайио, что парижская группа заговорщиков, которая разработала проект сепаратиого соглашеиия между комаидующими немецкими войсками на Западиом фронте и аиглийским командоваиием, находилась под прямым воздействием устаиовок представителей металлургических коицериов Германии. К их числу отиосятся одии из ведущих сотрудииков коицериа «Ферайиигте Штальверке» Цезарь фои Хофаккер, связаный с коицерном «Ферайиигте Штальверке» баикир Фалькеихаузеи (родствениик военного губериатора Бельгии геиерала Фалькенхаузена) и Гаис Буверт, племяниик Рехлинга — владельца саарского металлургического коицерна.

Особую роль в заговоре играл Гьяльмар Шахт. Он прииадлежал к числу тех лиц, которые установили связи с оппозициоиными кругами еще до войны, а в последние годы войны примкнули к заговору, поияв неизбежность крушеиия фашистской империи. Тем ие меиее иекоторые ведущие западиогермаиские историки пытались отрицать прииадлежность Шахта к ведущим фигурам реакциоииого крыла заговорщиков. «Нельзя включить Шахта в группу политических руководителей Сопротивлеиия», — писал Гаис Ротфельс, ио тут же призиавал, что Шахт «несомиеиио был активиым участииком оппозиции иачииая с 1936 года»[13]. Ротфельс заявлял, что руководители оппозиции ие приняли Шахта полиостью в свой круг из-за плохой репутации, честолюбия и оппортуиизма.

Сам Шахт указывал в своих мемуарах, что непосредствеиио перед покушеиием Хассель зоидировал почву о

[12] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 341.

[13] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 100.

возможности включения его в кабинет Герделера. Уже один этот факт доказывает, что, несмотря на всякие оговорки, касавшиеся репутации Шахта и его «плохого характера», сами заговорщики причисляли его к руководящим деятелям заговора.

Попытки западногерманских историков исключить Шахта из состава заговорщиков объясняются тем, что, по их мнению, признание его участия в заговоре могло бы поставить под сомнение антифашистские цели заговорщиков, поскольку приверженность Шахта к фашизму общеизвестна. Действительно, тесные связи Шахта с заговорщиками плохо вяжутся с утверждениями западногерманских историков, что руководители заговора были антифашистами по своим убеждениям. Они, напротив, говорят о том, что подлинный антифашизм был чужд многим руководящим деятелям заговора, в том числе и Шахту.

Тем не менее является фактом, что Шахт играл в заговоре немаловажную роль. Он служил посредником между заговорщиками и теми группами международного финансового капитала, которые были заинтересованы в спасении германского милитаризма. Шахт поддерживал тесную связь с группой Канариса — Гизевиуса и через последнего получал регулярную информацию о планах и намерениях заговорщиков. Из показаний Гизевиуса и самого Шахта на Нюрнбергском процессе известно, что в течение всей войны Шахт поддерживал регулярные связи с представителями финансовых кругов Англии и США.

Особенно тесный контакт Шахт установил с американскими банкирами Леоном Фрезером и Мак-Киттриком, американским дипломатом Кирком (занимавшим во время войны пост представителя США в Египте), английским промышленником Монтегю Норманом, а также с Алленом Даллесом[14]. Накануне нападения Германии на СССР, весной 1941 года, Шахт имел несколько встреч с Мак-Киттриком, который сменил Фрезера на посту председателя Базельского банка международных расчетов. В дальнейшем Шахт пытался склонить английских и американских банкиров к заключению «почетного мира» между США и Англией, с одной стороны, и Германией —

[14] См. E. N. Peterson, Hjalmar Schacht for and against Hitler, Boston, 1954; S. K. Beck, Verdict on Schacht, Florida, State University, 1955.

с другой. По существу это была такая же попытка добиться создания общего антисоветского фронта основных капиталистических держав, какую предпринял Гесс в Англии.

Таким образом, германский финансовый капитал имел своих влиятельных представителей в лагере заговорщиков. Именно они и определили социальные и международно-политические планы заговора и тем самым наложили свой отпечаток на характер заговора в целом.

Наряду с промышленниками немаловажную роль в заговоре играли также крупные помещики-юнкеры. Но выделить какое-то ведущее лицо, которое в такой же степени, как Герделер в отношении финансового капитала, олицетворяло бы интересы и взгляды помещичьих кругов, трудно.

Как известно, в империалистической Германии существовала тесная уния между помещиками и монополистами, причем часто одно и то же лицо представляло как помещичьи, так и монополистические круги. Можно указать хотя бы на упоминавшегося Венцеля-Тойчենталя, который был одновременно и крупным помещиком, и крупным промышленником. То же самое относится и к такому деятелю, как Хассель, который представлял интересы определенной части монополистической буржуазии и помещичье-юнкерской касты.

Однако в числе заговорщиков имелись также и «чистые» представители помещичьего землевладения, в том числе крупнейшие земельные магнаты Германии: Альбрехт фон Бернсторф, Цитцевитц-Муттрин, Путкаммер-Ниппоглезе, Фуггер фон Глетт, Дона-Толксдорф и другие.

Альбрехт фон Бернсторф был владельцем поместий площадью в 2156 *га*, расположенных в Шлезвиг-Гольштейне. Общая площадь, которой владела семья Бернсторф (главные земельные владения были сосредоточены в руках Гюнтера фон Бернсторф — 7300 *га* и Германа фон Бернсторф — 6300 *га*), составляла свыше 22 тыс. *га*. Фридрих фон Цитцевитц был крупнейшим померанским помещиком (одно имение Фридриха фон Цитцевитца в Восточной Германии составляло 2654 *га*). К заговору примкнул также силезский помещик и промышленник граф цу Дона и его жена Мария. Владения Дона в Силезии составляли свыше 12,5 тыс. *га*. Иозеф Фуггер фон

Глетт был богатейшим баварским помещиком, представителем старой аристократической семьи. Отец Иозефа — Карл Фуггер фон Глетт — имел звание «имперского графа» и «главного маршала короны». Сам Иозеф, женатый на принцессе Стефании фон Гогенцоллерн, пользовался большим влиянием в аристократических кругах Германии.

В числе заговорщиков был также видный представитель земельной аристократии Эвальд фон Клейст-Шменции. Земельные владения Клейста-Шменцина составляли огромный комплекс, расположенный главным образом в Восточной Германии. Клейст-Шменции был деятелем старой консервативной партии Германии и обладал большими связями как внутри страны, так и за границей.

Во многих исторических работах, вышедших в Западной Германии, ставится вопрос о том, почему именно из среды земельной аристократии вышло большинство активных деятелей заговора. Такие историки, как Ганс Ротфельс, пытаются это объяснить тем, что германская аристократия якобы всегда была «идеалистически настроенной» и что в ее среде либеральные идеи были гораздо более широко распространены, чем среди любой другой прослойки германского населения. Ротфельс и другие историки подчеркивают «аристократизм духа», «благородство» и «мужество» представителей крупных аристократических семей Германии [15].

В действительности эти объяснения не имеют ничего общего с истиной и проистекают из общих идеалистических установок западногерманской историографии и из попыток отдельных ее представителей реабилитировать немецкие помещичье-юнкерские круги, которые несут немалую ответственность за приход Гитлера к власти и за всю политику фашистской Германии.

Но относительно широкое распространение оппозиционных настроений в аристократических кругах Германии тем не менее является фактом и имеет свои объяснения.

В гитлеровской Германии происходил процесс вытеснения представителей земельной аристократии со многих ответственных государственных постов, а также из армии, на которые были поставлены фашистские партий-

[15] См. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 96.

ные чиновники. Фашистское государство и гитлеровская партия, выражавшие интересы реакционных кругов монополистического капитала, вели демагогическую кампанию против представителей аристократии, которых фашистская пропаганда зачастую рисовала «осколками прошлого», людьми, не способными воспринять «новое» и т. д. Кампания гитлеровцев против земельной аристократии в известной степени отражала соперничество между помещичьими и монополистическими кругами в Германии, ибо хотя и существовал «нерушимый союз» между монополистами и помещиками, но внутри союза шла борьба между этими двумя различными классами. Все это обусловило широкое распространение оппозиционных настроений среди земельной аристократии Германии.

Связи заговорщиков с монополистическим капиталом и юнкерством особенно ярко проявились на подборе ими министров будущего кабинета, который, по замыслу заговорщиков, должен был сменить правительство Гитлера.

Составление списков членов будущего правительства началось еще в конце 1942 года. Первый из дошедших до нас списков датирован январем 1943 года. Он составлен, как и остальные списки, Герделером.

Этот первоначальный список правительства Герделер согласовал с крупным германским промышленником и банкиром Шнивиндом, который должен был занять в нем пост министра хозяйства; президент рейхсбанка Блессинг — пост министра внутренних дел; Попитц — министра финансов. В дальнейшем этот список, по-видимому, показался заговорщикам чересчур «реакционным», поскольку в нем открыто проступала социальная природа будущего правительства как правительства монополистов.

В течение 1943 и первой половины 1944 года были внесены различные изменения и в конце концов в июле 1944 года, после длительных переговоров между различными группами заговорщиков, был определен следующий состав правительства [16]:

глава государства — Людвиг Бек; канцлер — Карл Герделер; статс-секретарь канцлера — Йорк фон Вартенбург; вице-канцлер — Вильгельм Лейшнер (социал-демократическая партия Германии); военный министр — ге-

[16] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 644.

нерал Фридрих Ольбрихт; статс-секретарь военного министерства — Клаус фон Штауффенберг; главнокомандующий вооруженными силами — фельдмаршал Эрвин фон Витцлебен; главнокомандующий армией — генерал-полковник Эрих Гепнер; министр внутренних дел — Юлиус Лебер (социал-демократическая партия Германии); статс-секретарь министерства внутренних дел — Фридрих фон дер Шуленбург; министр хозяйства—Пауль Леженн-Юнг; министр финансов — Эвальд Лезер (немецкая национальная партия); министр юстиции — Иозеф Вирмер (партия «центр»); министр культов—Евгений Больц (партия «центр»); министр сельского хозяйства — Андреас Хермес (партия «центр»); министр иностранных дел — Ульрих фон Хассель или Вернер фон дер Шуленбург.

Из первоначального списка будущего правительства были вычеркнуты фамилии таких реакционно настроенных лиц, как Попитц, Шнивинд, Блессинг и др. Примечательно также, что заговорщики так и не сумели прийти к окончательному решению вопроса о том, кто будет назначен на пост министра иностранных дел. Два кандидата на этот пост придерживались прямо противоположных взглядов на вопросы внешней политики. Хассель был известен своими проанглийскими симпатиями и установками на союз с западными державами в борьбе против СССР. Вернер фон дер Шуленбург отстаивал линию на соглашение с Советским Союзом и на окончание войны одновременно на Западе и на Востоке. На назначении Шуленбурга министром иностранных дел очень настаивала группа Штауффенберга, но это назначение наталкивалось на сопротивление других руководящих деятелей заговора — Герделера и т. п.

Руководители заговора сделали попытку привлечь к участию в заговоре ведущих представителей старых политических партий Германии, распущенных гитлеровцами, в том числе и представителей социал-демократической партии. Это, по замыслу руководителей заговора, должно было придать кабинету Герделера вид демократического правительства.

Руководители заговора наметили также список политических уполномоченных и офицеров связи во всех военных округах Германии, которые должны были взять власть после переворота. Этот список, попавший в руки

гестапо и тем самым сохранившийся, составлен по такому же принципу, что и само правительство. Он состоит из «беспартийных» представителей монополистического капитала и юнкерства, а также руководящих деятелей старых политических партий веймарских времен. Среди политических уполномоченных значатся крупные помещики: Дона-Тольксдорф, Юкскюль, Лейндорф-Штейнорт, Клейст-Шменцин, а также бывшие военные министры Германии Геслер и Носке (социал-демократ, игравший видную роль в подавлении революции 1918 г.), бывшие бургомистры Гамбурга и Вены социал-демократы Густав Дарендорф и Карл Зейц и другие.

Анализ списка политических уполномоченных позволяет сделать вывод о том, что правительство Герделера представляло собой коалицию представителей монополистических и помещичьих кругов, которая в целях придания ей демократического характера включала ведущих деятелей старых политических партий Германии.

Руководители заговора искали контактов с ведущими деятелями социал-демократической партии, считая, что после свержения Гитлера СДПГ как одна из самых крупных партий Веймарской республики будет играть большую роль в политической жизни Германии. При этом различные группировки заговора устанавливали связи с разными деятелями старой социал-демократии.

Дело в том, что в социал-демократической партии после прихода Гитлера к власти произошел глубокий раскол. Часть руководителей СДПГ во главе с Брейтшейдом, считая, что главной причиной поражения германского рабочего класса в 1932—1933 годах был раскол рабочего класса, выступала за единство действий с коммунистами. Другая часть, включая таких реакционно настроенных руководителей СДПГ, как Носке, Дарендорф и др., продолжала настаивать на антикоммунистической линии и объективно играла тем самым на руку фашистам.

Реакционное крыло заговорщиков искало контактов именно с этими деятелями. Штауффенберг и его друзья категорически настаивали на включении в состав будущего правительства наиболее радикально настроенных руководителей СДПГ, продолжавших в условиях подполья антифашистскую деятельность и выступавших за единство действий с коммунистами. После длительных дис-

куссий с Герделером Штауффенбергу удалось добиться включения в состав правительства руководящих функционеров СДПГ — Лейшнера и Лебера.

Вильгельм Лейшнер еще в Веймарской республике был руководящим деятелем социал-демократической партии. Он родился 15 июня 1890 г. в семье ремесленника в Байрейте. Политическая карьера Лейшнера началась после первой мировой войны. Он стал председателем профсоюзного объединения в Гессене и руководителем гессенского окружного комитета Всеобщего немецкого объединения профсоюзов. Вскоре после войны Лейшнер был избран депутатом городского совета Франкфурта-на-Майне и возглавил социал-демократическую фракцию франкфуртского магистрата. В 1924 году он был выбран в ландтаг провинции Гессен, а в 1928 году стал министром внутренних дел Гессена. В 1932 году он ушел в отставку с поста министра внутренних дел. В 1933 году он был представителем Объединения германских профсоюзов на Международном конгрессе профсоюзов в Женеве. По возвращении в Германию Лейшнер был арестован гестапо и до июня 1934 года находился в заключении в концентрационных лагерях в Папенбурге и Лихтенбурге. После освобождения Лейшнер стал одним из руководителей нелегального профсоюзного и социал-демократического движения. Он был сторонником совместных действий с коммунистами. В 1935 году он вел переговоры о выработке общей программы действий с коммунистами. В годы войны Лейшнер поддерживал связи с отдельными ячейками Сопротивления среди рабочих, а также с антифашистски настроенными кругами интеллигенции.

Несомненно, взгляды Лейшнера, Рейхвейна и некоторых других социал-демократических деятелей, связанных с заговором 20 июля 1944 г., резко отличались от взглядов Герделера.

Орган Социалистической единой партии Германии «Нейес Дейчланд» в статье «Истинные уроки 20 июля 1944 г.» заявил, что взгляды Лейшнера отличались большим реализмом и пониманием задач германского рабочего класса. «Его цель далеко выходила за рамки политических взглядов Герделера и его окружения». «Мы видим в нем человека, который хорошо знал свою дорогу. Он являлся скрытым источником энергии движения Сопротивления среди профсоюзов и среди рабочих-социали-

стов»[17]. В книге «В борьбе за права человека», выпущенной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в 1958 году, высоко оценена деятельность Лейшнера по сплочению сил рабочего класса Германии. «Вильгельм Лейшнер, — говорится в этой книге, — работал во имя сплочения всех оппозиционных сил в Германии и видел свою главную задачу в том, чтобы подготовить возрождение профсоюзного движения... Его последние слова перед казнью были посвящены единству немецкого рабочего класса»[18].

Пост министра внутренних дел в правительстве Герделера предназначался другому видному деятелю социал-демократической партии — Юлиусу Леберу. Лебер вместе с Рейхвейном накануне покушения на Гитлера вел переговоры с представителями Коммунистической партии о планах заговора. Он был арестован вместе с другими участниками встречи 4 июля 1944 г.

Кроме социал-демократов в состав правительства Герделера предполагалось включить также представителей другой крупной политической партии Веймарской республики — немецкой национальной партии. Старыми деятелями этой партии были Эвальд Лезер и Пауль Лежен-Юнг. Эвальда Лезера прочили на пост министра финансов. Он был собственником крупного буроугольного синдиката «Вершен-Вейсенфельд». Лежен-Юнг — член наблюдательных советов ряда текстильных предприятий, долголетний депутат рейхстага от немецкой национальной партии (1924—1930 гг.) — должен был занять пост министра экономики.

Несомненно, как Лезер, так и Лежен-Юнг, являлись представителями «обиженных» кругов промышленной буржуазии. Бывшие владельцы буроугольных компаний испытывали жестокую конкуренцию со стороны главных угольных и металлургических концернов «Герман Геринг», «Флик» и др. Это вызвало «оппозиционные» настроения среди представителей названных промышленных кругов. Такого же рода недовольство наблюдалось и среди представителей текстильной промышленности в

[17] «Neues Deutschland», 19, Juli 1946

[18] «Erkämpft das Menschenrecht Lebensbilder und letzte Briefe antifaschistischer Widerstandskämpfer», Herausgegehen vom Institut fur Marxismus-Leninismus beim ZK der SED., B., 1958, S. 326. (в дальнейшем: «Erkämpft das Menschenrecht»).

связи со строжайшей регламентацией производства и прочими ограничениями, введенными гитлеровцами.

Партию «центр» в составе правительства Герделера должен был представлять Иозеф Вирмер, известный берлинский адвокат.

Но, пожалуй, наиболее крупным представителем чиновничьих кругов веймарского периода в правительстве Герделера был Евгений Больц, бывший премьер-министр земли Вюртемберг. Он должен был занять пост министра просвещения и культов. Еще в период вильгельмовской монархии с 1912 по 1918 год Больц был депутатом рейхстага и занимал крупные чиновничьи посты: в 1917 году был министром юстиции в правительстве Вюртемберга. В 1919 году Больц стал членом Национального собрания, принявшего Веймарскую конституцию. В 1923 году был избран президентом Вюртемберга. Являясь бессменным членом рейхстага, он в 1933 году был арестован нацистами. С июня 1933 по 1935 год Больц находился в тюрьме, затем был освобожден. За свои связи с оппозиционными кругами, в частности с Герделером и с Беком, он был арестован гестапо в начале августа, приговорён к смерти и казнен 25 декабря 1944 г.

Несмотря на то что под напором левого крыла заговорщиков Герделер вынужден был включить в состав своего правительства некоторых демократически настроенных деятелей, его кабинет в целом носил бы крайне консервативный характер и в своем большинстве состоял бы из доверенных лиц монополистического капитала и юнкерства. Такой кабинет мог выполнить ту роль, которую отводила ему оппозиционная часть правящего лагеря фашистского рейха: закончить войну компромиссом с Западом и вести достаточно гибкую политику в защите интересов монополистов и юнкеров.

3. Роль военщины и чиновничества в оппозиции

Обычно историки различают в заговоре «военный» и «гражданский» секторы. Это условное деление можно принять. Под ним имеется в виду, что в основном исполнителями планов заговора были военные круги и чиновничья администрация. Гражданский сектор состоял главным образом из представителей чиновничества как старого веймарского периода так и гитлеровских времен. В ря-

де случаев военный и гражданский секторы заговора переплетались: во многих группах участвовали представители как того, так и другого секторов. Но ни в военной, ни в гражданской среде не было единства, и заговорщики объединялись скорее по сходству взглядов, чем по принадлежности к той или иной прослойке правящего лагеря.

Представители военных кругов играли в заговоре важную, если не ведущую, роль.

Этот факт имеет свое объяснение. Именно в военных кругах Германии раньше всего стала ясной неизбежность поражения фашистского рейха. Будучи информированными о ходе военных действий, о стратегических резервах Германии и о возможности возникновения антигитлеровской коалиции, многие генералы и офицеры уже после первых поражений гитлеровских войск на Восточном фронте пришли к выводу о том, что катастрофа неминуема. Они лучше могли оценить военный авантюризм Гитлера, нереальность его планов и катастрофический характер его политики.

И чем яснее становилась безнадежность положения фашистской Германии, тем активнее представители военных кругов включались в заговор, пытаясь найти выход из этого безнадежного положения на путях устранения Гитлера. Таким образом, участие военщины в заговоре еще раз доказывает прямую зависимость развития заговора от положения на советско-германском фронте.

Среди офицеров, замешанных в заговоре, можно различить несколько групп, которые отличались по своему составу, взглядам, методам действий.

Это прежде всего группа старых генералов, которые находились в оппозиции к Гитлеру еще до войны: Людвиг Бек, Кур фон Хаммерштейн и другие.

Людвиг Бек был одним из признанных руководителей заговора. Это его положение определялось, в частности, тем, что он занимал бескомпромиссную позицию в вопросе осуждения гитлеровских военных авантюр, отвергал всякие предложения об участии в фашистском вермахте и в гитлеровских военных походах.

После начала второй мировой войны, и особенно после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Бек решительно осудил агрессивный характер фашистской политики и преступления фашистских войск на

оккупированных территориях. Он не сомневался в неизбежном поражении гитлеровской Германии, несмотря на все временные успехи, которые одерживали гитлеровские войска.

Бек настаивал на решительных действиях, направленных на свержение Гитлера, и пытался воздействовать на колеблющихся, побуждая их к активности. Эта убежденность Бека производила большое впечатление на всех офицеров, которые были связаны с ним. Поэтому роль Бека как одного из ведущих деятелей заговора признавалась всеми его участниками.

Вместе с тем Бек проявлял понимание планов Штауффенберга и в спорах между Штауффенбергом и Герделером нередко становился на сторону первого. В связи с такой его позицией в состав заговорщического правительства были включены левые представители СДПГ.

Таковы же были и убеждения Хаммерштейна, остававшегося вплоть до своей смерти (он умер в 1943 г.) решительным противником Гитлера. Хаммерштейн был последователем Клаузевица и Секта и считал войну против Советского Союза авантюрой, обреченной на провал. Один из друзей Хаммерштейна и учеников Секта, бывший военный министр Германии Гренер, писал накануне прихода Гитлера к власти, что Хаммерштейн, не задумываясь, выступит против Гитлера, если у него будет такая возможность. «Хаммерштейн,— писал он,— человек, который решительно нанесет удар,— совсем не так, как поступил Сект в 1923—1924 годах»[19].

Таковы были наиболее видные представители «старой школы» генералитета, принимавшие участие в заговоре. К ним присоединились и некоторые менее последовательные представители «старой школы», образовавшие особое крыло в лагере заговорщиков: генералы Эрвин фон Витцлебен, Карл Генрих фон Штюльпнагель, Эрих Гепнер и другие.

Характер их оппозиции существенно отличался от оппозиции Бека, Хаммерштейна и наиболее демократически настроенных молодых офицеров. Витцлебен, Штюльпнагель и Гепнер верой и правдой служили гитлеровцам в пору успехов фашистских вооруженных сил. Критически

[19] См. H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 192.

относясь (как и большинство других генералов) к фашистской военной доктрине, Витцлебен и Штюльпнагель делали немало для того, чтобы претворить ее в жизнь на практике (первый вплоть до 1942 г., когда он был уволен в отставку, а второй до 1944 г., когда открылось его участие в заговоре). Гепнер перешел к оппозиции лишь после того, как был изгнан Гитлером из армии за поражение, понесенное его войсками на советско-германском фронте.

Витцлебен, Штюльпнагель и Гепнер были ярыми милитаристами. И тем не менее Витцлебен, Штюльпнагель и Гепнер встали на путь заговора. Они раньше многих других представителей военщины поняли неизбежность поражения Германии и оказались достаточно мужественными, чтобы выступить против Гитлера. Витцлебен и Гепнер принимали участие в разработке основных программных документов заговорщиков и должны были занять высокие посты в правительстве Герделера. В день покушения они находились в заговорщическом центре. Оба генерала были казнены фашистскими палачами после страшных пыток. Штюльпнагель проявил наибольшую решительность среди заговорщиков, организовав арест чиновников СД и СС в Париже. Он был одним из немногих генералов, не пытавшихся спасти свою жизнь ценой предательства своих коллег по заговору. Штюльпнагель после провала заговора пытался покончить с собой, однако попытка самоубийства не удалась, и он был казнен гестаповцами.

В военном секторе заговора видное место занимала группа Канариса — Остера. Канарис в течение почти десяти лет, с 1935 по 1944 год, был руководителем германской военной разведки — «Абвера». Остер был ближайшим помощником Канариса, руководителем центрального отдела «Абвера».

Руководитель германского «Абвера» был тесно связан с разведывательными службами иностранных держав, и прежде всего Англии и США. Известно, что Канарис приобрел свои «лавры» в борьбе против революционного движения в Германии в 1918—1919 годах. Он был одним из деятелей, которые укрывали убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Гитлер присвоил Канарису чин адмирала, а затем назначил его руководителем военной разведки.

Уже к середине августа 1939 года, когда стало ясным, что Гитлер развяжет вторую мировую войну, Канарис заявил: «Это будет концом Германии»[20]. С тех пор Канарис систематически укреплял свои связи с иностранными разведками.

Оппозиционность Канариса и объяснялась тем, что, убедившись в неизбежном поражении Германии, он заранее подыскивал себе нового хозяина и одновременно готовил «путь отступления» на Запад — к разведывательным службам США и Англии.

Одновременно Канарис оказывал всякого рода услуги оппозиции, готовясь к возможной смене власти в Германии. Впрочем руководитель «Абвера» действовал при этом весьма осторожно. Он сам непосредственно не принимал участия ни в каких акциях заговорщиков, а предоставлял «свободу рук» своим подчиненным, и прежде всего Остеру.

Однако Канарис допустил одну непоправимую оплошность, которая стоила ему жизни: он вел дневник, в который тщательно записывал услуги, оказанные им как иностранным разведкам, так и заговорщикам. Это был своего рода «гроссбух», нечто похожее на книгу, в которую обычно коммерсанты заносят свой «дебет» и «кредит». «Гроссбух» Канариса попал в руки гитлеровцев после раскрытия заговора 20 июля 1944 г. Канарис был арестован и казнен[21].

Душой заговорщической деятельности «Абвера» был Остер. Ему помогал целый штаб офицеров, которые поддерживали контакты с иностранными разведывательными службами и с представителями правительств западных держав: Гизевиус, который, несомненно, был двойным агентом — немецкого «Абвера» и американской разведывательной службы, Доналы, Мюллер, Бонхефер, Кип и другие.

Помощь, которую оказывал Остер заговорщикам, состояла в том, что он передавал им сведения о планах

[20] H. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Bd. II, S. 140.

[21] Литература о Канарисе чрезвычайно велика. О его связях с заговором см. K. Abshagen, Canaris, Stuttgart, 1949; H. Gisevius, op. cit., S. 265.

Важным источником сведеиий о деятельности Канариса являются показаиия одного из его приближеиных Лахузеиа иа Нюрибергском процессе (см. «International Military Tribunal», v. II, p. 485; v. III, p. 7.)

гитлеровского руководства, помогал в снабжении фальшивыми бумагами, направлял через службу разведки некоторых из них в нейтральные государства и т. д. Эта деятельность Остера закончилась, однако, еще в апреле 1943 года: были арестованы некоторые его агенты (Донаньи, Мюллер, Бонхефер), и в декабре Канарис был вынужден отстранить Остера от службы в разведке, так как дальнейшее пребывание его на своем посту было слишком рискованно для самого Канариса. По-видимому, Остер был поставлен под негласный контроль гестапо. Со времени его увольнения с поста заместителя Канариса он не принимал участия в заговоре, причем руководители и рядовые участники заговора не поддерживали с ним никаких контактов.

Конец участию «Абвера» в заговоре положил указ Гитлера от 18 февраля 1944 г. об объединении разведывательной службы и подчинении ее полностью Гиммлеру. Канарис был уволен в отставку, а военная разведка сведена к небольшому отделу при главном командовании вермахта, руководителем которого стал один из сотрудников Канариса полковник Ганзен.

Арестованные деятели разведки были казнены гитлеровцами лишь в самый последний момент — в апреле 1945 года. Гитлер распорядился, чтобы все документы, касавшиеся их деятельности, сохранялись в тайне и не направлялись в «народные суды», которые должны были судить обвиняемых. Особенно это относилось к дневнику Канариса, который, по отзывам эсэсовцев Хупенкотена и Зондерэггера, вызвал у Гитлера «нервный шок». Арестованные деятели разведки держались в строгой изоляции и были без суда расстреляны эсэсовской командой перед занятием Берлина советскими войсками[22].

В некоторых трудах западногерманской историографии действия деятелей разведки рисуются как проявление антифашистского движения в Германии. Их связи с разведывательными службами Англии и США изображаются как доказательство господствовавших в среде заговорщиков чувств «европейской солидарности»[23].

Однако в действительности разведчики выполняли в

---

[22] В апреле 1945 года одновременно были казнены Канарис, Остер, Донаньи, Гере, Бонхефер.

[23] См. H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 90.

заговоре совершенно иную роль: их задачей было поддержание внешних связей между руководителями заговора и некоторыми фашистскими деятелями, с одной стороны, и реакционными кругами Англии и США — с другой. В этом отношении группу Канариса — Остера можно рассматривать как связующее звено между монополистическими кругами Германии и англо-американской реакцией. Нет сомнения, что все деятели разведки, которые заигрывали с заговором, были тесно связаны также и с гестапо [24].

Мы уже знаем, что некоторые акции по установлению связей с реакционными кругами США и Англии предпринимались совместно деятелями «Абвера», поддерживавшими заговор с Гиммлером. Однако рейхсфюрер СС не был склонен взять под свою защиту провалившихся агентов «Абвера», когда раскрылось их участие в заговоре. Он действовал по неписаному закону гестапо, согласно которому неудачливый исполнитель приказов не мог рассчитывать на то, что рейсфюрер СС заступится за него. Поэтому Гиммлер не мешал расправе с арестованными деятелями «Абвера», хотя и пытался использовать их для осуществления собственных планов сепаратных переговоров с представителями английского и американского правительств.

О связи заговорщиков с гестапо свидетельствует также участие в заговоре одного из приближенных Гиммлера — группенфюрера СС и начальника имперского ведомства по уголовным делам Артура Небе. По отзыву Хеттля (заместителя начальника отдела Юго-Восточной Европы в 6-м управлении Гиммлера), «не было ни одной крупной операции, в которой не участвовал бы Небе, и он всегда оказывался надежным сотрудником Гейдриха» [25].

Небе был руководителем группы действий «Б» — эсэсовской команды, творившей неслыханные зверства на территории Советского Союза. В его квартире была най-

---

[24] Шлабрендорф сообщил в своей книге, что в июне 1944 года, после издания приказа Гитлера об объединении разведки, состоялась беседа между Гиммлером и Канарисом, во время которой Гиммлер «выложил карты на стол». Он заявил, что хорошо информирован о заговорщической деятельности «Абвера» и, когда придет время, примет необходимые меры (см. F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, S. 130).

[25] См. W. Hagen, Die geheime Front, Linz—Wien, 1950, S. 76.

дена копия кинокартины об Освенциме, в которой были показаны все методы массового умерщвления людей, применявшиеся эсэсовцами. И вот этот человек был среди заговорщиков. По заявлению Ротфельса Небе «чрезвычайно активно работал для оппозиции и много сделал для ее осведомления и предупреждения» [26]. Небе передавал заговорщикам сведения о действиях гестапо, предупреждал их об опасностях, снабжал некоторыми документами и т. д. В день покушения он вместе с Хельдорфом должен был обеспечить занятие правительственных центров в Берлине. Такая «активность» Небе может быть объяснена лишь одним — страхом перед расплатой, когда гитлеровский режим потерпит крах. Можно вполне согласиться с английским публицистом Крэнкшоу, который писал в своей работе о гестапо: «В действительности Небе был лишь бессовестным карьеристом... Он был способен на ясное мышление лишь тогда, когда дело касалось его собственной карьеры. Правильно, что он поддерживал тесный контакт с кругами заговорщиков. Но для этого существовал лишь один мотив: застраховать себя так же, как он застраховал себя перед приходом Гитлера к власти, став тайно членом нацистской партии» [27].

Некоторые буржуазные историки, в том числе Уилер-Беннет и Крэнкшоу, прямо говорят о том, что связи заговорщиков с военной разведкой и гестапо весьма компрометируют цели заговора. Уилер-Беннет, например, называет контакты между заговорщиками и «Абвером» «сомнительными связями», а таких деятелей заговора, как Канарис и Небе, «сомнительными фигурами» [28]. Эти буржуазные историки признают, что связи некоторых групп заговорщиков с разведкой идут вразрез с попытками изобразить заговор как проявление антифашистского движения в Германии.

Действительно, участие в заговоре крупнейших деятелей разведки и гестаповцев служит доказательством того, что и в кругах, близких к Гитлеру, отдавали себе отчет в истинном характере заговора. В этих кругах хорошо понимали, что заговор — во всяком случае с точки зрения его руководителей — представляет собой лишь

[26] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, SS. 183, 188.

[27] E. Crankshaw, Die Gestapo, B., 1959, S. 225.

[28] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 412.

попытку спасти господство тех сил, которые правили в фашистской Германии.

К военному сектору заговора западногерманские историки причисляют также группу Роммеля, действовавшую на Западном фронте.

Правда, некоторые реакционно настроенные западногерманские историки пытаются отделить группу Роммеля от основного ядра заговора, поскольку профашистский характер воззрений самого Роммеля и его окружения хорошо известен. Однако участие Роммеля и его приближенных в заговоре является фактом. Оно еще раз говорит о том, что программа реакционного крыла заговорщиков устраивала даже многих профашистских деятелей типа Роммеля и Шахта.

Следует также сказать о позиции двух фашистских генералов, которые были не прочь присвоить себе титул участников заговора, чтобы обелить свою деятельность на службе у Гитлера. Это Гальдер и Хойзингер. Оба играли видную роль в современной Западной Германии. Поэтому реакционная историография весьма настойчиво представляет их как участников Сопротивления Гитлеру.

В действительности и Гальдер, и Хойзингер имели весьма косвенное отношение к заговору или играли в нем более чем сомнительную роль.

Что касается Гальдера, то его оппозиционные настроения относятся в основном лишь к домюнхенскому периоду, когда он полагал, что западные державы не дадут Гитлеру возможность развернуть агрессию. Об этом, в частности, пишет и Уилер-Беннет: «После Мюнхена Гальдер практически вышел из рядов заговорщиков, потому что, по его мнению, нельзя было что-либо предпринять, чтобы избавиться от Гитлера и свергнуть нацистский режим, прежде чем он не потерпит тяжелого дипломатического или военного поражения, которое решающим образом подорвет его престиж в народе и в армии» [29]. Гальдер верой и правдой служил Гитлеру в течение всей войны, и его увольнение в 1942 году объясняется отнюдь не его оппозиционными настроениями, а тем, что Гитлеру необходимо было найти «козла отпущения» в связи с поражением фашистских войск на Восточном фронте.

---

[29] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 451.

Гальдер остался верен свонм профашистским взглядам и после войны. В своей кннге «Гнтлер как полководец», вышедшей после войны, он пытался выгороднть германскнй генеральный штаб н оправдать германскую военщиину, заявляя, что пораженне фашнстскнх войск на Восточном фронте объясняется лншь просчетамн самого Гнтлера, а отиюдь не ошнбкамн военных руководнтелей Германнн[30]. Гальдер стал одннм нз ндеологов возрождення германского мнлнтарнзма после второй мнровой войны.

Что касается Адольфа Хойзннгера, заннмавшего после войиы посты генерального ннспектора бундесвера и председателя постояииого военного комнтета НАТО, то его роль в заговоре носнт прямо провокацнонный характер.

Во время покушеиня на Гнтлера Хойзннгер находнлся рядом с фюрером. Уже одно это говорнт о том, что он не был сколько-ннбудь детальио знаком с планом покушення. Тем ие менее Хойзннгер знал о существованни заговора н о намеренин заговорщнков устраннть Гнтлера.

На предварнтельиом следствнн в гестапо однн нз участнннков заговора, Штиф, показал, что ниформнровал Хойзингера о своей беседе с Тресковом о необходимости устраннть Гнтлера, чтобы закончить войну путем переговоров[31]. Во время судебного процесса над группой заговорщнков, пронсходнвшего 7 н 8 августа 1944 г., Штиф показал, что он посвятнл Хойзнигера в общнх чертах в планы покушения на фюрера. В протоколе допроса обвнняемых, который был представлен амернканскнм обвинением на Нюрнбергском процессе главных немецкнх военных преступнннков, содержнтся следующая запнсь:

« — Верно лн, что Вы летом 1943 года посетнлн полковнника Трескова...

— Штнф: Так точно!

— Говорнл лн он Вам, что войиу следует закончнть путем переговоров, а предпосылкой к ннм должно быть устраненне фюрера.

— Штнф: Да!

---

[30] F. H a l d e r, Hitler als Feldberr, München, 1949.

[31] Фотокопия выдержки из допроса Штифа 22 июля 1944 г. помещеиа в книге: J. H e l w i g, Hans Oley, Der 20. Juli und der Fall Heusinger, B., 1959.

— И что это возможио будет сделать, подложнв бомбу во время обсуждения положеиия на фроитах?

— Штнф: Так точно!

— А Вы сообщили об этом своему начальинку?

— Штиф: Я рассказал об этой беседе генералу Хойзннгеру, исполняющему обязаииости иачальннка геиеральиого штаба»[32].

В связн с показаииямн Штифа Хойзннгер был арестоваи гестапо уже 23 июля 1944 г.

В своей киите «Сопротивленне приказу» Хойзингер пнсал, что гестапо арестовало его в госпнтале в Растенбурге (т. е. в ставке Гитлера), куда он был направлен в связи с легкнм раиеинем, которое получил во время покушеиия иа Гнтлера. Его переправилн в Берлнн н поместили в гестаповскую тюрьму на Прннц-Альбрехтштрассе, где он был подвергнут допросу[33].

Одиако уже в сентябре Хойзннгер был выпущеи на свободу. Сам Хойзиигер объясияет это тем, что Гитлеру очеиь «поиравнлся» составлеиный им в тюрьме мемораидум иа нмя фюрера. При прямом содействин начальиика гестапо Мюллера н руководителя «службы безопасиостн» Кальтеибруниера мемораидум был вручеи Гитлеру. После этого Гитлер велел освободнть Хойзннгера и вызвал его в свою ставку в Растеибург.

Версия Хойзннгера о том, что ои обязан своим освобождеиием практнческнм военным советам, которые содержалнсь в мемораидуме, вызывает большие сомиения. Даже еслн Гнтлеру н поиравнлись военные плаиы Хойзннгера, он вряд лн без веских к тому причин допустил бы, чтобы человек, который был посвящеи в планы покушення иа иего, был в чнсле его приблнженых.

В действнтельностн дело обстояло иначе. Историкн ГДР в ряде работ указывалн, что Хойзннгер лнбо оказал важные услугн гестапо во время следствия, либо еще раньше играл роль осведомителя. Существующее в ГДР «Рабочее содружество бывшнх офицеров» образовало спецнальиую группу, которая, нзучнв материалы, связаиные с ролью Хойзингера в заговоре 20 июля

---

[32] В отчете о процессе, опубликованном газетой «Фёлькишер Беобахтер» от 9 августа 1944 г., это место опущено.

[33] A. Heusinger, Befehl im Widerstreit, Stuttgart, 1950, S. 356.

1944 г., пришла к следующему выводу: «Хойзингер предал мужественных людей — участников 20 июля. Вопрос о том, было ли ему специально поручено вступить в связь с заговорщиками в качестве осведомителя, выдал ли он их палачам в своем меморандуме или сделал то и другое, не имеет никакого значения»[34]. Племянник фельдмаршала Витцлебена в статье в газете «Берлинер Цайтунг» привел слова Витцлебена о том, что Хойзингер не заслуживал доверия и что, по мнению Ольбрихта, он играл роль осведомителя [35].

После освобождения из-под следствия Хойзингер продолжал руководить оперативным отделом генерального штаба и до конца войны находился в ближайшем окружении Гитлера. В течение ряда месяцев он выполнял обязанности начальника генерального штаба.

Хотя в заговоре оказались замешанными многие офицеры фашистского вермахта, подавляющее большинство офицерского корпуса сохранило верность фюреру. Поэтому фашистское руководство распорядилось, чтобы в пропаганде не допускались какие-либо оскорбительные выпады против армии. Уже 24 июля 1944 г. заместитель Гитлера Борман издал специальный циркуляр, который был направлен всем рейхслейтерам, гаулейтерам и руководителям национал-социалистских организаций, в котором указывалось: «Фюрер желает, чтобы при освещении событий 20 июля 1944 г. не было сделано никаких заявлений, содержащих нападки на офицерский корпус, генералитет, аристократию или отдельные подразделения вооруженных сил в целом. Напротив, следует подчеркивать, что участники путча составляли лишь совершенно определенную и относительно небольшую кучку офицеров... Говоря о поведении кучки предателей, необходимо подчеркивать безупречную позицию армии, как и вообще вооруженных сил в целом»[36].

Желая оградить «безупречную репутацию» офицерской касты, Гитлер назначил специальный «суд чести» из высших представителей военщины, который сам должен был изгнать офицеров — участников заговора из армии.

[34] J. Hellwig, H. Oley, Der Juli und der Fall Heusinger, T. Krüger, Schulz, Kriegsverbrecher Heusinger, B., 1960.
[35] «Berliner Zeitung», 15. Feb. 1959.
[36] См. Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, SS. 698—699.

Разумеется, «суд чести» действовал по прямому указанию гестапо. Но для офицерского корпуса была сохранена видимость «самосуда» офицерства. Из тех же соображений охраны репутации офицерской касты Гитлер включил в состав гражданского «народного суда», который должен был вынести окончательный приговор заговорщикам, также одного представителя военщины — генерала Германа Рейнеке.

Наряду с этим гитлеровское руководство приняло меры, чтобы еще больше подчинить нацистскому влиянию армию. Главнокомандующим резервной армией был назначен Генрих Гиммлер. В армии было введено новое приветствие — поднятие руки, которым отдавали друг другу честь члены фашистской партии. Была проведена чистка среди офицеров генерального штаба, и некоторые из них были уволены или заменены верными нацизму людьми. Однако, будучи уверены в том, что в целом офицерская каста осталась верной фашистскому руководству, гитлеровцы никаких радикальных мер по чистке офицерского корпуса не предприняли.

Как уже указывалось, в гражданском секторе заговора основную роль играло чиновничество. Сам гражданский руководитель заговора Карл Герделер, по своему социальному положению — крупный чиновник веймарского периода, сохранил высокие административные посты и в первый период гитлеровского правления. Видным чиновником как в веймарский период, так и в первые годы господства фашизма, был и Попитц. Свою карьеру в административном управлении Попитц начал еще в 1918 году. В 1932 году он стал прусским министром финансов и оставался на этом посту также при Гитлере. Попитц ушел в отставку с этого поста лишь в конце 1938 года, но остался тесно связанным с фашистской верхушкой, в частности с Гиммлером и Герингом.

Из рук Гитлера Попитц получил высший партийный орден — Золотой партийный значок.

Характерны для его воззрений два факта: во-первых, одно время Попитц предлагал после переворота назначить на место Гитлера его ближайшего сподвижника — Геринга, во-вторых, именно ему принадлежит инициатива переговоров с Гиммлером.

Как Герделер, так и Попитц пользовались репутацией видных и ценных административных чиновников у гитле-

ровцев. После ареста и вплоть до казни (они были казнены гитлеровцами в самый последний момент — в феврале 1945 г.) гитлеровцы поручали им разработку различного рода экономических и административных проектов восстановления Германии после войны; 3-е управление имперского ведомства безопасности, руководителем которого был Олендорф, разработало детальные поручения для Герделера и Попитца: дать свои заключения по вопросам, касавшимся будущего восстановления разрушенных городов, промышленности, организации послевоенной финансовой политики, распределения рабочей силы, роли местной администрации в послевоенном восстановлении и т. д.

Попитцу было поручено составить меморандум о реформе администрации, о новом административном делении, о будущих функциях земельного и общинного самоуправления, а также о переключении военного производства на мирное. Кроме того, Попитца обязали писать мемуары, которые мыслились как «Очерки истории государственного управления Германии».

Герделеру гестаповское управление дало задание обобщить опыт своей работы на посту комиссара по регулированию цен и написать меморандум о реформе самоуправления. Кроме того, он должен был высказать свое мнение по большому кругу вопросов, связанных с послевоенным развитием Германии.

Герделер и Попитц с большим усердием работали над этими поручениями — из-под их пера вышел объемистый документ, который составлял примерно 800 страниц на машинке.

Герделером, по поручению гестапо, были написаны три работы — «Регулирование цен», «Контроль над ценами в условиях военного хозяйства» и «Мысли о реформе самоуправления», которые подвергались тщательной обработке целым штатом гестаповцев в целях «использования в будущем». В этих документах Герделер с похвалой отзывался о реформах гитлеровских властей в области административного управления Германии.

Однако главные мотивы, по которым Гиммлер столь длительное время сохранял жизнь Герделеру и Попитцу, заключались, по-видимому, не в желании использовать их административный опыт, а в их связях с заграницей.

Это больше всего относилось к Герделеру. Есть основания полагать, что Гиммлер хотел воспользоваться связями Герделера с влиятельными кругами Англии и США, для того чтобы осуществить свои собственные планы заключения сепаратного мира с западными державами. К концу войны эти планы приняли уже совершенно конкретные очертания. Как сообщил эсэсовец Хупенкотен, Кальтенбруннер уже после покушения на Гитлера весьма положительно высказался в довольно широком кругу гестаповских чиновников о возможностях переговоров с представителями западных держав. В октябре 1944 года Гиммлер через Шелленберга направил приглашение Валленбергу прибыть в Берлин (под предлогом ведения переговоров об освобождении арестованных в Германии шведских граждан), с тем чтобы взять на себя посредничество в переговорах с представителями западных стран. В декабре Гиммлер передал через Швецию английскому и американскому правительствам предложение направить эмиссаров немецко-фашистской армии и нацистской партии в Лондон и Вашингтон, для того чтобы «получить разъяснения» по вопросу о том, какой смысл союзники вкладывают в формулу «безоговорочной капитуляции». Наконец, перед самым крахом фашистской империи, в апреле 1945 года, Гиммлер, как известно, связался с графом Бернадоттом для того, чтобы передать западным державам предложение о «сепаратной капитуляции» на Западе.

Именно для осуществления подобного рода планов Гиммлер пытался использовать также и Герделера. Последний не уставал повторять, что он имеет возможность связаться с представителями западных держав и договориться с ними о заключении сепаратного мира. В конце августа Герделер направил из тюрьмы письмо Гитлеру, в котором прямо предложил ему свои услуги в качестве посредника в переговорах с представителями западных держав. В своих записях, сделанных в тюрьме, он упомянул об этом предложении, обосновывая его тем, что после 20 июля 1944 г. не было уже никаких надежд на смещение Гитлера и что поэтому необходимо было попытаться закончить войну с его помощью[37].

[37] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 424.

Один из охранников Герделера — Вильгельм Бранденбург сообщнл о том, что в конце 1944 года к Герделеру непосредственно обратнлся Гнммлер с предложением вступить через Валленберга в контакт с Черчнллем и от нмени Гиммлера прозондировать почву о возможностях заключения мира с Германией. Судя по запнси Бранденбурга, между Герделером и Гиммлером состоялась встреча, во время которой Герделер пытался уговорнть рейхсфюрера СС разрешить ему выехать в Швецию для ведения соответствующих переговоров. Однако Гиммлер на это не согласился, н было условлено, что Герделер обратится письменио к Валленбергу. Сохраннлось письмо Герделера Валленбергу от 8 ноября 1944 г., в котором он пнсал, что, поскольку «Англия ие может рассчнтывать на свержение национал-социалнзма, она должна заключить мнр с нынешней Германией». «Англнн необходнмо помнриться с национал-социализмом,— писал Герделер.— Таким образом оиа сможет разрешить н польскнй вопрос». «Необходимо подготовнть все это за кулнсамн,— втайне от Россни. Я умоляю вас немедленно взять инициатнву на себя... Швецня сможет спастн Европу, мнр, человечество н культуру»[38].

Письмо Герделера свндетельствует, что вместе с Гиммлером он всяческн пытался добиться прннятня западными державами плана сепаратной капитуляции гитлеровской Германин на Западе. К концу войны планы руководителя заговора и рейхсфюрера СС в отношении способа окончання войны в значительной мере совпадалн. Этот эпизод проливает дополннтельный свет на истнные воззрення гражданского руководителя заговора: его реакционные взгляды во многих решающих сферах тесно смыкались с взглядами фашистов.

В условиях приближавшегося окончательного разгрома гитлеровских войск советскими вооруженными снламн планы Герделера — Гиммлера были обречены на провал. Фашистскому рейхсфюреру СС не удалось воспользоваться услугами Герделера, н, потеряв к нему всякий интерес, он предал его в руки палача.

Таково лицо двух наиболее видных представителей чнновничьей касты в заговоре. Наряду с нимн в заговоре прннимали участне многие другне высшие чиновники. Заго-

[38] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 429—430.

ворщики поддерживали связи со многими бывшими крупными провинциальными чиновниками Баварии, Рейнской провинции, Австрии, также с некоторыми бывшими бургомистрами крупных немецких городов. Из числа этих лиц следует прежде всего упомянуть Карла Зейтца.

Карл Зейтц являлся одним из руководителей австрийской социал-демократической партии. В 1919 году он был избран президентом австрийского государственного совета, а 5 марта 1920 г.— президентом учредительного национального собрания, утвердившего конституцию Австрии. С 1920 года он постоянный член Национального совета. С 1923 по 1935 год Зейтц занимал пост бургомистра Вены.

Зейтц возглавил австрийскую группу заговорщиков. В состав этой группы входили: Франц Рерл — бывший член союзного совета Австрии, губернатор одной из австрийских провинций, видный деятель католической христианско-социальной партии Австрии, и Иозеф Рейтер — бывший министр сельского хозяйства Австрии и губернатор провинции Нижняя Австрия.

Рерл и Рейтер, так же как и Зейтц, ушли в отставку со своих постов еще до присоединения Австрии к Германии: первый в июле 1933 года, второй — в 1935 году. Поэтому они не были арестованы гитлеровцами и высланы из страны, как другие бывшие члены австрийского правительства и крупные чиновники, занимавшие эти посты ко времени прихода к власти правительства Зейсс — Инкварта и присоединения Австрии к Германии.

Из баварских политических деятелей поддерживал связи с заговорщиками Франц Шперр, бывший представитель Баварии в немецком рейхстаге. Шперр был долголетним баварским посланником в Берлине. Он был связан с бывшими деятелями германского генерального штаба, в частности с Беком, так как во время первой мировой войны работал в генеральном штабе, а после войны привлекался к работе Всеобщего военного ведомства.

Заговорщики были связаны с бывшим обер-президентом Рейнской провинции Германии Люнником — крупным рейнским помещиком, президентом сельскохозяйственной палаты Рейнской провинции, который с марта 1933 по март 1935 года занимал пост премьер-министра этой провинции.

Согласие на участие в заговоре было также получено

от обер-бургомистра Ганновера Артура Менге и бывшего бургомистра Берлина Эльзасса. Артур Менге занимал пост обер-бургомистра Ганновера в течение десяти лет — с 1925 по 1935 год; Эльзасс был бургомистром Берлина с апреля 1931 по октябрь 1933 года.

С заговорщиками установили контакт бывший статс-секретарь прусского министерства внутренних дел Герберт фон Бисмарк, который ушел в отставку после прихода фашистов к власти в знак протеста против их политики; тайный советник Теодор Штельцер, который вынужден был уйти в отставку в 1933 году, после того как опубликовал меморандум, в котором резко критиковал фашистский режим; бывший обер-бургомистр Дюссельдорфа Роберт Лер; бывшие статс-секретари имперской канцелярии Хамм и Планк, министры Геслер и Хермес и многие другие. Перечисленные лица занимали высокие административные посты в веймарский период и были уволены или сами ушли в отставку сразу же после прихода фашистов к власти. Они находились в оппозиции к гитлеровскому режиму, а некоторые из них были даже готовы принять участие в решительных акциях, направленных против Гитлера, как, например, Штельцер, примкнувший к «кружку Крейзау». Однако стремления большинства этих чиновников были направлены лишь на то, чтобы найти более гибкие пути для сохранения власти монополистического капитала и милитаризма в Германии.

В западногерманской историографии нашла весьма широкое распространение легенда о том, что антигитлеровская оппозиция была особенно сильна в фашистском министерстве иностранных дел. Поддержание этой легенды имело определенный политический смысл, так как после войны в западногерманском министерстве иностранных дел 85% чиновников министерства были из старых дипломатов, работавших еще в фашистском МИД. Пытаясь оправдать засилье фашистских дипломатов на дипломатической службе ФРГ, западногерманское правительство заинтересовано в том, чтобы представить ведомство Риббентропа чуть ли не как один из центров антифашистского Сопротивления. Но список заговорщиков, работавших в МИД, исчерпывается лишь несколькими фамилиями. Это молодые дипломаты Адам фон Тротт и Ганс Бернд фон Хефтен, примкнувшие к «кружку

Крейзау», дипломат старой школы Вернер фон Шуленбург, советники посольств в Англии и Японии Эрих и Тео Кордт, старый дипломат и один из руководителей реакционного крыла заговора Ульрих фон Хассель. К этому следует прибавить, что многие из этих дипломатов в годы, когда созревал заговор, либо вовсе не занимали официальных дипломатических постов, либо были на весьма скромных должностях. Так, например, Вернер фон Шуленбург после 1941 года был фактически отстранен от дипломатической службы, Тротт занимал должность референта, Эрих Кордт после перевода на дипломатическую службу в германское посольство в Токио не принимал сколько-нибудь активного участия в заговоре.

Американский историк Сибури, выпустивший книгу «Вильгельмштрассе», писал: «По сравнению с вкладом германской армии участие министерства иностранных дел в заговоре было более чем скромным. После отъезда Кордта в Японию, по сути дела, вообще ни один из ведущих чиновников министерства иностранных дел не принимал непосредственного участия в заговоре»[39]. Сибури на большом материале разоблачил, в частности, и широко распространенный в западногерманской литературе миф о том, будто бывший заместитель Риббентропа Вейцзеккер принимал активное участие в заговоре. Сибури привел следующие слова Вейцзеккера: «Я сам никогда не был признанным участником какой-либо оппозиционной группы»[40]. Говоря об отношении заговорщиков к Вейцзеккеру, Сибури подчеркнул, что руководящие деятели заговора, в том числе и Хассель, не доверяли Вейцзеккеру. Что касается самого Вейцзеккера, то он прямо предупредил Хасселя, что не желает поддерживать с ним никакого контакта и соответствующим образом инструктировал своих подчиненных в министерстве иностранных дел. «После этого случая, — пишет Сибури, — ни Хассель, ни генерал Бек... не хотели больше иметь никакого дела с Вейцзеккером»[41].

Фашистское министерство иностранных дел было верным исполнителем агрессивных внешнеполитических планов гитлеровского правительства. Его чиновники ве-

[39] P. Seabury, Die Wilhelmstrasse 1930—1945, Nest Verlag, 1956, S. 212.
[40] Ibid., S. 211.
[41] Ibid., S. 305.

рой и правдой служили Гитлеру, и никакого антифашистского движения в их среде не было.

В чиновничьей среде не было столь четко организационно оформленных групп или кружков, как в среде военной. В основном формой общения между оппозиционно настроенными представителями высшего чиновничества были различного рода встречи, на которых происходили дискуссии по общим политическим и экономическим проблемам. Для участия в этих дискуссиях привлекались «специалисты» по различным гуманитарным отраслям знаний. Во время этих встреч не обсуждались планы покушения или переворота и не ставились организационные вопросы. Встречи происходили нерегулярно и носили характер дискуссионных вечеров по самым отвлеченным, абстрактным проблемам. Такого рода дискуссии, в частности, вели высшие чиновники и профессора университета, которые входили в общество «Среда» (по-видимому, это общество называлось так потому, что члены его встречались по средам в домах разных участников общества). «Среда» насчитывала 16 членов, собиравшихся два раза в месяц для обмена мнениями по политическим и экономическим вопросам. В общество входили такие консервативно настроенные чиновники, как Попитц и Хассель, а также известный профессор-юрист Иенс Иессен, хирург Лаутер и др. На собраниях этого общества выступали также Бек и Герделер.

Общество не представляло собой заговорщической группы. Характерно, что гестапо, хотя и было информировано о собраниях этой группы, не придавало им никакого значения.

Еще более отвлеченный характер носили встречи группы профессоров Фрейбургского университета, в которую входили в основном экономисты и историки. В собраниях этого кружка участвовали известные своими реакционными настроениями экономисты Вальтер Эйкен и Адольф Лампе, историк Герхард Риттер (автор работы «Карл Герделер и немецкое движение Сопротивления»), реакционный социолог и экономист профессор Марбургского университета Альбрехт. Через Риттера группа была связана с Герделером и выполняла некоторые работы по его поручению. В частности, она разрабатывала программу «послевоенного строительства» для немецкой делегации, собиравшейся отправиться на Всемирный

конгресс протестантских церквей, который должен был состояться сразу же после окончания войны (участники фрейбургского кружка принадлежали к протестантской церкви). В обсуждении программы участвовал также Герделер. Об этом поручении стало известно гестапо, и некоторые участники фрейбургского кружка были арестованы, однако никто из них не был казнен гитлеровцами. Гестапо рассматривало деятельность кружка как «теоретические упражнения» и не придавало им особого значения.

Таким образом, это были объединения крайне консервативно настроенных людей, которые ни о каком антифашистском перевороте и не думали. Даже в момент, когда поражение фашистской Германии в войне полностью определилось, участники этих групп и кружков не могли выйти за рамки подготовки мелких реформ, которые отнюдь не меняли характера фашистской диктатуры в Германии.

Несколько иной характер носила деятельность группы чиновников и интеллигентов, которая известна как «кружок Зольфа».

Кружком руководила вдова крупного чиновника кайзеровских времен Вильгельма Зольфа, умершего в 1936 году. Вильгельм Зольф был статс-секретарем имперского министерства колоний и последним министром иностранных дел кайзеровской Германии. В Веймарской республике он занимал пост посла Германии в Токио. После захвата фашистами власти Зольф вышел в отставку и три года спустя умер. Зольф был известен своими антигитлеровскими настроениями, причем, как свидетельствовали лица, близко знавшие его, он неоднократно предупреждал, что Гитлер приведет Германию к катастрофе.

После смерти Зольфа вокруг его вдовы и дочери стали собираться антигитлеровски настроенные чиновники, которые обсуждали различные планы «переустройства» Германии после свержения гитлеровского режима.

Дочь Зольфа была замужем за известным германским промышленником Баллестремом — владельцем крупных горнометаллургических предприятий в Силезии и земельных угодий (площадью свыше 11 тыс. *га*) в Пруссии. Состояние семьи Баллестрем оценивалось более чем в 50 млн. марок, и семья Баллестрем принадлежала к числу ста богатейших семей Германии.

В собраниях кружка Зольфа участвовали: граф Бернсторф, крупный банкир и помещик, занимавший до прихода Гитлера к власти пост советника немецкого посольства в Лондоне; Рихард Кюнцер, советник в германском министерстве иностранных дел; чиновники Царден и Кип; бывший бургомистр Берлина Эльзасс и др. Участники кружка Зольфа поддерживали контакт с эмигрантскими кругами в Швейцарии, в частности с бывшим канцлером Германии Виртом. Руководитель «кружка Крейзау» Мольтке также принимал участие в обсуждении некоторых вопросов во время встреч в доме Зольф.

Гестапо удалось напасть на след кружка Зольфа еще в конце 1943 года, направив провокатора на одно из собраний кружка. Арест членов кружка в январе 1944 года имел для заговора тяжелые последствия — во время следствия стало известно, что с кружком поддерживал связь Гельмут фон Мольтке. Мольтке был арестован, и гестапо начало распутывать нить, которая привела и к другим видным заговорщикам [42].

Фашистский суд приговорил к смерти пятерых участников кружка, которые были казнены в сентябре 1944 года. Один из участников — Царден — кончил жизнь самоубийством во время заключения.

Разумеется, участие высшего чиновничества в заговоре не исчерпывалось приведенными фактами. Но можно с полным основанием утверждать, что именно чиновничество составляло «вторую движущую пружину» заговора. Разногласия высших чиновников с Гитлером проистекали из убеждения многих представителей чиновничьей касты в том, что гитлеровские методы непригодны для поддержания власти монополистического капитала. Но чиновничество было далеко от всяких помыслов о революционном перевороте в Германии и о создании подлинно демократической власти в стране. Представители чиновничьей касты занимали в заговоре даже по сравнению со многими представителями военщины и юнкерско-помещичьих кругов крайне правые позиции.

---

[42] О деятельности кружка Зольфа см G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, SS. 113—114; H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 37; Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, SS. 614—615; R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 88—93.

Глава четвертая

«КРУЖОК КРЕЙЗАУ» И ГРУППА ШТАУФФЕНБЕРГА

Демократическое крыло заговора представляли две группы, которыми руководили граф Гельмут фон Мольтке и Клаус фон Штауффенберг.

Первая из них — «кружок Крейзау» — получила название от имения Мольтке «Крейзау», близ города Шведница в Силезии. Ядро этого кружка составляли прогрессивно и антифашистски настроенные офицеры и чиновники: сам Мольтке, Йорк фон Вартенбург, Ганс Бернд фон Хефтен, Тротт цу Зольц, Пельхау и несколько более консервативно мыслящих деятелей — Теодор Штельцер и Фриц фон Шуленбург. Через последнего поддерживал связь с «кружком Крейзау» бывший посол в Советском Союзе Вернер фон дер Шуленбург.

Помимо этих офицеров и чиновников к «кружку Крейзау» примыкали правые социал-демократические функционеры Мирендорф, Хаубах, Хенк, Дарендорф и др., зараженные идеологией антикоммунизма. Тесные связи с «кружком Крейзау» поддерживали также группа левых социал-демократов — Лейшнер, Лебер, Рейхвейн, выступавшие за сотрудничество с коммунистами и за проведение широких демократических реформ в Германии. Наконец, к «кружку Крейзау» присоединились консервативно настроенные церковные деятели, представители политического клерикализма Дельп, Герстенмайер, священники Рёш и Кёниг и другие.

Таким образом, в «кружке Крейзау» объединились самые разнородные элементы. В составе кружка (членами его были свыше 20 человек) были представители разных классов, партий и слоев населения. Отнюдь не всех его участников можно назвать последовательными антифашистами и демократами. Но консервативно и реакци-

онно настроенные деятели были в «кружке Крейзау» в меньшинстве. Руководящие позиции занимали деятели, выступавшие сторонниками создания демократической республики в Германии. Они разработали послевоенные планы, программу и план действий кружка.

Руководитель кружка Гельмут фон Мольтке был во многом противоречивой фигурой. Он происходил из известной аристократической семьи, был потомком фельдмаршала Мольтке, одного из командующих прусской армией во время франко-прусской войны 1870—1871 годов. Через свою мать, уроженку английской колонии, у него были обширные знакомства со многими общественными и политическими деятелями Англии.

Получив юридическое образование, Мольтке начал практиковать в Берлине. В качестве юриста он непосредственно столкнулся с фашистскими методами террора, с бесчеловечными законами и кровавой практикой нацизма. Мольтке вел дела преследуемых фашистами лиц, пытался всем, чем мог, помочь жертвам гитлеровского террора. Юридическая практика отнимала, однако, лишь небольшую часть его времени. Мольтке был крупным силезским землевладельцем. Он много занимался хозяйством, проводил обширные реформы, смысл которых состоял в том, чтобы обеспечить арендаторам и служащим участие в прибылях. Часть своих земель Мольтке бесплатно раздал крестьянам[1]. Эти меры характеризуют либеральные устремления Мольтке, его тягу к прогрессивным методам управления.

Мольтке был человеком обширных знаний в области государственного права, философии, социологии, блестящим оратором, страстным противником идеологии и практики фашизма. Это обеспечило ему руководящую роль в «кружке Крейзау».

Мольтке был глубоко религиозным человеком. Но его религиозные воззрения далеки от узколобого клерикализма, требовавшего безусловного подчинения всем догмам церкви и одобрения всех ее действий. Мольтке критиковал уступки церкви фашизму, не соглашался со многими поступками церковников. Он говорил о необходимости возврата к «духовным (но не церковным) традициям христианства»[2].

[1] См. H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli, B., 1964, S. 44.
[2] См. Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 639.

Мольтке показал себя убежденным патриотом. В своем последнем письме к жене он с гордостью писал, что стоял перед судом «не как протестант, не как землевладелец, не как дворянин и не как пруссак, а как немец» [3]. Но патриотизм Мольтке ничего общего не имел с фашистским национализмом и шовинизмом. Мольтке говорил в своих письмах о своем глубоком сочувствии страданиям других народов, о преступности фашистской политики угнетения чужих наций, истребления евреев и т. д. Мольтке и его друзья понимали патриотизм как служение народу.

Ближайшим другом Мольтке был Петер Йорк фон Вартенбург. Как и Мольтке, он принадлежал к старому дворянскому роду. Но в отличие от сугубо консервативных прусских традиций семьи Мольтке среди Вартенбургов чтились традиции освободительной войны 1812—1813 годов, в которой прадед Петера фельдмаршал Йорк фон Вартенбург сыграл выдающуюся роль. Он заключил вопреки указанию кайзера соглашение с русским генералом Дибичем в декабре 1812 года в Тауроггене, согласно которому прусские войска, отказавшись следовать Наполеону, перешли на сторону русской армии. Этот мужественный поступок послужил сигналом к освободительной борьбе немецкого народа против наполеоновского ига, и с тех пор прогрессивная общественность Германии чтит память Йорка фон Вартенбурга как одного из героев этой освободительной борьбы.

Петер Йорк понимал свой патриотический долг так же, как и его прославленный предок и его друг Мольтке. В своих письмах он прямо ссылался на традиции освободительной борьбы против Наполеона, говорил о своих патриотических чувствах. В последнем письме, адресованном матери, он писал: «Я хочу заверить тебя, что мои поступки не определялись никакими честолюбивыми мыслями, ни стремлением к власти. Мною руководили лишь патриотические чувства, страх за мою Германию, заботы о ее дальнейшем внутреннем и внешнем развитии. Поэтому я честен перед моими предками, отцом и братьями». В письме к жене он говорил: «Я надеюсь, что моя смерть явится жертвой во имя искупления того,

[3] Helmut Graf v. Moltke, Letzte Briefe aus dem Gefängnis Tegel, B., 1951, S. 48.

в чем мы все виноваты... Это смерть за родину..! Я иду в свой последний путь не сломленный и с поднятой головой... Мы хотели зажечь факел жизни, и мы видим вокруг себя море огня...» [4].

Гестаповские палачи добивались от своих жертв не только выдачи товарищей и признания вины, но и осуждения своих поступков. Многие арестованные по делу 20 июля, не выдержав истязаний, отреклись от своих воззрений и действий. Но от Петера Йорка гестаповцы не могли этого добиться.

Петер Йорк с исключительным мужеством держал себя на допросах и на суде. Под жестокими пытками он не отрекся от своих антифашистских убеждений. На допросах осуждал преступления фашизма и защищал свои взгляды. Он говорил, что всегда был и остается чуждым фашизму: «Национал-социалистская империя совершенно чужда мне, особенно в связи с ее воззрениями на право человека, с ее нюрнбергскими законами и мерами по истреблению евреев, с ее действиями в оккупированных районах» [5]. Когда речь зашла о том, что сначала он отказался от предложенного ему поста в правительстве Бека—Герделера, Петер Йорк объяснил: «Но я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто я не был готов к активным действиям».

Руководители «кружка Крейзау» видели главное отличие своего кружка от других оппозиционных групп в стремлении объединить широкие антигитлеровские круги для борьбы против фашистского режима.

Они считали, что свержение фашизма не должно быть делом какой-то узкой группы офицеров и чиновников, а должно стать делом всех, кто находится в оппозиции к Гитлеру. На допросах в гестапо один из заговорщиков—фон Ледорф заявил, что Петер Йорк излагал ему идеи широкого антифашистского объединения. «Йорк заявил мне, — показал фон Лендорф, — что такие люди, как Герделер и Попитц, слишком стары и реакционно настроены, чтобы можно было ожидать от них образования авторитетного правительства. По его мнению, необходи-

[4] См. H. Gollwitzer, K. Kuhn, R. Schneider, Du hast mich heimgesucht bei Nacht, München, 1955, S. 217.

[5] См. «Spiegelbild einer Verschwörung, Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944», Stuttgart, 1961, S. 110 (в дальнейшем: «Die Kaltenbrunner-Berichte»).

мо создать **значительно более широкую базу, добиться включения** (в правительство. — *Д. М.*) **представителей рабочего класса, вплоть до левого крыла социал-демократии.** Надо дать созреть военному положению и разработать платформу новой системы (подчеркнуто в оригинале. — *Д. М.*)»[6]. Один из руководящих деятелей кружка — Штельцер в меморандуме, направленном 15 июня 1944 г. союзникам, подчеркивал, что «кроме нас (т. е. «кружка Крейзау») в Германии нет какого-либо кружка, опирающегося на независимые группы, который был бы в состоянии объединить все силы, готовые к новому строительству». Штельцер, намекая, очевидно, на группу Герделера, писал, что существует, правда, «консервативный кружок с явно заговорщическими настроениями», однако, продолжал он, «ему не следует придавать серьезного значения»[7].

Участники «кружка Крейзау» регулярно встречались в Крейзау. Помимо общих встреч в имении графа Мольтке происходили встречи отдельных групп участников кружка в Берлине, Мюнхене и в Фульде. Во время этих встреч обсуждались актуальные политические и экономические проблемы, подвергались подробнейшему обсуждению послевоенные планы. Кроме того, разрабатывались конкретные «программы действий» — предусматривавшие, в частности, назначение во всех землях специальных уполномоченных, которые будут осуществлять власть в переходный период, — после свержения гитлеровского господства и до установления новой демократической власти. Предполагалось, что эти уполномоченные будут наделены широкими правами по чистке государственного аппарата, преданию суду лиц, участвовавших в преступлениях гитлеровского режима, и т. п.

Более подробные сведения имеются лишь о трех общих встречах участников кружка в имении графа Мольтке весной и осенью 1942 и в начале 1943 года. На этих встречах обсуждались актуальные проблемы и было достигнуто соглашение об основных программных документах.

Сохранилось пять документов, позволяющих судить об установках группы Мольтке. Их анализ представляет

---

[6] См. «Die Kaltenbrunner-Berichte», S 257.

[7] T. Steltzer, Von deutscher Politik, Fr. am/M., 1949, S. 81.

большой интерес, так как эти документы свидетельствуют о том, что и в буржуазных кругах Германии к концу войны все шире распространялось понимание необходимости решительно покончить с фашизмом и принять меры к установлению буржуазно-демократического строя.

Один из членов кружка — Гарольд Пельхау писал: «Проблема формальной и материальной демократии, вопрос о федералистском устройстве государства или централистском его построении, проблематика, касающаяся механизма выборов и деятельности партий, власти и контроля над ней — одним словом, весь круг вопросов, охватывающих политическую организацию современной демократии, — такова тема „кружка Крейзау"»[8].

Свои взгляды на демократию участники «кружка Крейзау» изложили в документе, озаглавленном «Принципы переустройства Германии». В нем говорилось: «Растоптанное право должно быть восстановлено и должно лечь в основу всей жизни... Будет обеспечена свобода совести и вероисповедания. Все существующие ныне законы и распоряжения, которые противоречат этому, немедленно отменяются». Далее в документе указывалось на необходимость привлечения широких кругов населения к управлению государством: «Каждый гражданин должен участвовать со всей ответственностью в различных областях социальной, политической и международной жизни»[9]. В «Принципах» провозглашалось право каждого гражданина на обеспечение работой, указывалось на недопустимость всякого преследования чужих национальностей и народов.

Мольтке и его друзья считали, что только полный «расчет с прошлым» откроет немцам дорогу к демократии. Поэтому они требовали открытого осуждения немецким народом фашизма и его преступных действий после окончания войны. Мольтке писал в одном из своих писем: «Сегодня среди не очень многочисленной, но активной части германского народа начинает распространяться сознание того, что он не только обманут, что ему не только предстоят тяжелые времена, что война не только неизбежно закончится поражением, но что все, что

---

[8] H. Poelchau, Die Ordnung der Bedrängten, S. 93.
[9] Ibid.

происходит, является тяжелым грехом и что немцы лично ответственны за все ужасные действия, которые были совершены...»[10]. Такое ясное осознание вины фашизма и соучастников его преступлений само по себе отличает взгляды членов «кружка Крейзау» от взглядов руководителей других оппозиционных групп. Исходя из этого, Мольтке и его группа — единственные во всей буржуазной оппозиции — выдвинули требование о привлечении к ответственности военных преступников после войны. В их предложениях предусматривалось наказание военных преступников Международным судом в Гааге.

Участники «кружка Крейзау» уделили немалое внимание планам политического переустройства Германии после войны. В разработке этих планов принимал участие Фриц фон дер Шуленбург.

Шуленбург примкнул к нацистской партии в 1932 году и вплоть до 1940 года занимал в гитлеровской Германии высокие административные посты. Он был одним из руководителей городского магистрата Кенигсберга, а затем заместителем обер-президента Силезии. Его нацистское прошлое сказалось, несомненно, на его планах политического переустройства Германии. По планам Шуленбурга, после окончания «переходного периода», во время которого власть должна быть сосредоточена в руках специальных уполномоченных, будет предпринята реконструкция государственного управления. Право голоса предоставлялось лицам, достигшим 21 года. Прямые выборы предусматривались лишь для земельных парламентов (ландтагов), которые выбирали рейхстаг— общегерманский парламент. Президент избирался рейхстагом сроком на 12 лет. Помимо рейхстага предусматривалось создание второй палаты — рейхсрата, которому предоставлялись в основном совещательные функции.

В отличие от Герделера, который был сторонником монархии и военной диктатуры, руководители «кружка Крейзау» решительно высказывались за республику. Во внутриполитических проектах деятелей «кружка Крейзау» делалась даже попытка ограничить власть высшего чиновничества и военщины. Предусматривалось, что «по-

---

[10] «A German of the Resistance. The last Letters of Count James Graf von Moltke», L., 1947, pp. 26—29 (в дальнейшем: «A. German of the Resistance»).

литические чиновники и представители вооруженных сил» не могли быть избраны в законодательные органы.

Однако главное отличие проектов «кружка Крейзау» от официальных проектов руководства заговором заключалось в социально-экономической программе руководителей этого кружка. На постановку социально-экономических вопросов руководителей кружка оказали определенное влияние социалистические идеи, хотя эти идеи в одних случаях весьма неопределенны, а в других — служат прикрытием чисто буржуазных планов и мер.

В социально-экономической программе, разработанной в основном Мольтке, устанавливалось, что «естественные источники богатства» должны служить всеобщему благосостоянию и целью экономической политики должно быть «обеспечение существования трудящихся». Предусматривалось участие рабочих в управлении предприятием. Будущее правительство должно было способствовать «участию рабочих в руководстве предприятиями и в результатах труда, особенно в прибылях предприятия», причем с этой целью заключалось соответствующее соглашение между собственником предприятия и представителем рабочего коллектива. Это делалось с целью «согласованного преобразования частных предприятий в своего рода производственные ассоциации в пользу коллектива предприятия»[11].

Проекты участия рабочих в прибылях и привлечения их к управлению промышленностью в условиях капитализма, несомненно, утопичны, но в них отражается стремление демократизировать экономическую жизнь Германии и ограничить произвол предпринимателей-монополистов. Эти проекты находились в резком противоречии как с фашистской доктриной, провозгласившей предпринимателя «хозяином в доме», так и с проектами Герделера, которые закрепляли полновластие монополистов над экономической жизнью страны.

Центральным пунктом экономической программы «кружка Крейзау» было требование обобществления важных отраслей промышленности и предоставление государству права контроля над предприятиями: «Ключевые предприятия горной промышленности, железодела-

[11] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 304.

тельной и металлургической промышленности, важнейших отраслей химической и энергетической промышленности должны перейти в общественную собственность», то есть стать собственностью государства.

Экономическая жизнь страны, по планам «кружка Крейзау», должна была развиваться «в рамках государственного руководства экономикой», причем в программе прямо указывалось, что монополистические объединения, картели и концерны должны быть поставлены под государственный контроль. Программа предусматривала также «деконцентрацию» картелей и концернов в «общих интересах». Рынки и крупная промышленность в землях должны были быть подчинены руководству империи, то есть центральному правительству. Имеются сведения, что во время встреч участников «кружка Крейзау» обсуждался также вопрос об огосударствлении крупных сельскохозяйственных предприятий (т. е. поместий), хотя в самой программе такое требование не выдвигалось [12].

Оценивая экономическую программу «кружка Крейзау», Герхард Риттер указывал, что она «возникла под влиянием социалистических идей» [13] и по существу была направлена на создание централизованной экономики, находящейся под государственным контролем. По его мнению, основной темой встреч в имении Мольтке была выработка «планов социальной реформы и преодоления классовых противоречий» [14]. Ганс Ротфельс подчеркнул: «По существу, главные руководящие участники «кружка Крейзау»... порвали с буржуазным мировоззрением» [15].

Эти оценки говорят о том, что буржуазные историки отдают себе ясный отчет о влиянии социалистических идей на некоторые программные установки «кружка Крейзау», особенно в социально-экономической области. Они критикуют кружок за то, что ряд требований, выдвинутых его членами, выходит за рамки буржуазно-демократического строя.

Действительно, такие предложения, как «деконцентрация» промышленных концернов, участие рабочих в управ-

---

[12] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 305; H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 127.

[13] G. Ritter, op. cit., S. 305.

[14] Ibid., S. 298.

[15] H. Rothfels, op. cit., S. 131.

лении государством, обобществление решающих отраслей производства, носят не только антинацистский, но и антимонополистический характер. Эти требования в сочетании с представлениями о «новой демократии» придают «кружку Крейзау» прогрессивный, демократический характер. Руководители «кружка Крейзау» были, правда, далеки от понимания научного социализма, не имели ясной программы демократического переустройства общества и не знали путей к такому переустройству. Все их мировоззрение основано на христианском вероисповедании: в христианстве они видели единственный путь преодоления человеконенавистнической морали нацизма. Поэтому руководители кружка придавали большое значение распространению христианских догм и настаивали, в частности, на введении обязательного преподавания религии в школах.

В целом воззрения руководителей «кружка Крейзау» можно определить как расплывчатый «христианский социализм». В нем причудливо сочетались социалистические идеи с утопическими, а в некоторых случаях даже с реакционными представлениями о путях переустройства общества путем «морального (христианского) возрождения». Но в целом взгляды, проповедовавшиеся большинством участников совещаний в имении Крейзау, дают программу демократического обновления Германии на путях антифашистского переворота. Вот почему эти взгляды были встречены в штыки руководителями реакционного крыла заговора, главным образом Герделером.

Между «кружком Крейзау» и реакционно настроенными руководителями заговора существовали принципиальные разногласия, которые четко проявились во время встречи представителей кружка и группы Герделера. Эта встреча состоялась на квартире Петера Йорка 22 января 1943 г. В ней участвовали Мольтке, Йорк, Тротт, Герстенмайер, Фриц фон дер Шуленбург (члены «кружка Крейзау») и Бек, Герделер, Попитц и Иессен.

Хассель записал в своем дневнике об этой встрече, что Герделер показался ему «чересчур реакционным» [16]. Между ним и «молодыми» (Хассель имел в виду членов «кружка Крейзау».— *Д. М.*) обнаружились резкие раз-

[16] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 379.

иогласия, «особенно в социальной области». Разногласия обиаружились и по вопросу о характере адмиинистративиых реформ, о которых говорил Йорк. Председательствовавший Бек пытался примирить обе стороиы. Хасселю он показался «слишком уступчивым и молчаливым». По существу обсуждавшихся вопросов так и ие удалось прийти к соглашеиию. Однако было решеио ие углублять разиогласия перед готовившнмся переворотом и совместио работать иад его осуществлеиием.

По поводу того, каким образом должеи быть оргаиизован государствеиный переворот, существовали также разиогласия как между различиыми группами, так и внутри самого «кружка Крейзау». Мольтке представлял себе переворот как результат победы «идей добра» иад «идеями зла». По его миеиию, главиая задача заговорщиков состояла в том, чтобы в идейиом смысле подготовить свержеиие Гитлера. Ои был против покушеиия иа Гитлера как исходиого пуикта для оргаиизации переворота. Об этом свидетельствуют, в частности, его письма нз тюрьмы, в которых он «благодарит судьбу» за то, что иа процессе выясиилось его отрицательиое отиошеиие к покушеиию. Мольтке подчеркивал в этих письмах, что он желал предстать перед судом ие как человек, покушавшийся иа фюрера, а как деятель, который был готов пожертвовать жизнью ради осуществлеиия своих идей.

Следует, одиако, подчеркиуть — и это главное,— что Мольтке не просто отрицал иеобходимость покушеиия, а считал, что покушеиие — иеподходящий метод свержеиия фашнстской власти, что иеобходимо подготовить уиичтожеиие иацизма широкими мерами воспитаиия и объедиисиия масс. Йорк, Тротт, Хефтеи и др. выступали при этом за оргаиизацию активиых действий различиых аитифашистских снл в момент переворота. Поиимаиие иеобходнмости вовлечения представителей широких слоев иаселения в оргаиизацию государствеиного переворота — вот что объедияяло таких решительиых стороиииков покушеиия, как Йорк фои Вартеибург и Штауффеиберг, с противииком покушеиия — Мольтке. В этом прииципиальиом вопросе между иимн разиогласий ие было.

Мольтке не только ие отвергал идею аитифашистского переворота в Германии, ио отиосился к ией с одобреиием. В то же время Герделер и его группа мыслили

себе перемену власти в Германии как «дворцовый переворот», который и должен был быть совершен за спиной народа, безо всякого его участия и без учета его интересов и требований. Характеризуя различие между Герделером и Мольтке, вдова Мольтке подчеркивала, что ее муж и его друзья «ничего не хотели иметь общего с его сомнительными методами заговора»[17].

Как уже указывалось, активное участие в «кружке Крейзау» принимала группа социал-демократических деятелей правых и левых. Она участвовала в совещаниях в имении Мольтке и в других местах. Решающее влияние на руководителей кружка, на разработку их послевоенных планов оказывали левые социал-демократы — Лейшнер, Лебер и Рейхвейн. Именно они настаивали на расширении базы заговора, решительно поддерживали Мольтке в его стремлении привлечь к деятельности кружка представителей различных слоев общества. Лейшнер, Лебер и Рейхвейн выступали также за установление связи между «кружком Крейзау» и коммунистами. При поддержке Штауффенберга они добились решения об установлении контакта с руководителями Коммунистической партии.

В работе Герхарда Нитцше «Группа Сэфкова — Якоба — Бестлейна», изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, дана следующая оценка политики Лебера и Рейхвейна: «Социал-демократические политики доктор Юлиус Лебер и профессор Адольф Рейхвейн, которые поддерживали тесные связи с кругами заговора 20 июля, выступали за сотрудничество с коммунистическими борцами Сопротивления. Они поняли, что восстание против Гитлера может иметь успех лишь в том случае, если оно будет опираться на силы народа. Переговоры между коммунистами и социал-демократами имели для сближения и преодоления раскола рабочего класса исключительно большое значение»[18].

Как Лебер, так и Рейхвейн пришли к выводу о необходимости единства действий социал-демократов и коммунистов на основании анализа ошибок правого социал-демократического руководства, совершенных накануне прихода фашистов к власти.

[17] См. «A. German of the Resistance», p. 38.
[18] См. G. Nitzsche, Die Säfkow — Jacob — Bästlein-Gruppe, B., 1957, S. 69.

Юлиус Лебер в записях, сделанных в тюрьме после первого ареста его гитлеровцами в 1933 году (он был освобожден затем в 1937 г.), подверг критнке политику СДПГ [19]. Несмотря на то что Лебер в основном ориентировался на снлы, стоявшие за заговор 20 июля, он выступал за единство действнй рабочего класса н установление тесного контакта между двумя рабочими партиями — СДПГ и КПГ — в борьбе протнв фашистской диктатуры.

Эта ндея пользовалась также горячей поддержкой Адольфа Рейхвейна, убежденного социалиста н сторонника объединения всех демократических сил народа в борьбе за свержение гитлеровского режима. Адольф Рейхвейн был одним из тех соцнал-демократических деятелей, которые решительно порвали с антисоветскими воззрениями правого социал-демократического руководства. Как сообщают друзья Рейхвейна, общавшиеся с ним в годы фашизма, Рейхвейн неоднократно подчеркивал, что именно «социалистическая Россия является великой и могучей страной будущего». Рейхвейн выступал за установление дружбы между германским и советским народами и стойко отстаивал свои взгляды перед фашистским судом. В книге «В борьбе за право человека», изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, говорится: «Адольф Рейхвейн до конца остался стойким борцом германского рабочего двнження... «Существует лишь однн путь к преобразованню облика человека и жнзни — соцналнзм»,— писал как-то Адольф Рейхвейн. За это он отдал свою жнзнь 22 октября 1944 г.» [20]

«Кружком Крейзау» Леберу и Рейхвейну было поручено информировать нелегальное руководство КПГ о планах заговора 20 июля и привлечь коммунистов к работе кружка.

Как же относились коммунисты к заговору 20 июля 1944 г.?

В настоящее время мы располагаем рядом документов коммуннстов, действовавшнх в фашнстской Германни, в которых дана оценка причин возникновения заговора, целей заговорщиков и значения нх деятельности.

[19] См. «Ein Mann sucht seinen Weg Schriften, Reden und Briefe von Julius Leber», B., 1952, SS 244, 247.

[20] «Erkämpft das Menschenrecht· Lebensbilder und letzte Briefe antifaschistischer Widerstandskämpfer», B., 1958, SS. 418—419.

В одном из документов, изданных группой Сэфкова—Якоба — Бестлейна, говорилось: «Кризис германского фашизма — это не только кризис одной фашистской клики или одного государственного аппарата, но кризис всей германской буржуазии. Как итальянская буржуазия путем свержения Муссолини пыталась обеспечить себе выход для сохранения собственного классового господства, немецкая буржуазия не навечно связана с Гитлером и попытается сделать все возможное, чтобы, если не вместе с Гитлером, то вопреки ему, несмотря на военный крах и политическую катастрофу, найти капиталистический выход из положения» [21].

Вопрос об отношении к заговору обсуждался на ряде совещаний группы Сэфкова — Якоба — Бестлейна. Об этом сообщил один из оставшихся в живых членов этой группы Рихард Венцель: «Мы получили в это время информацию о том, что группа 20 июля намеревается устранить гитлеровское правительство террористическими методами. Мы направили наши усилия на то, чтобы еще больше охватить нашими кадрами важные крупные предприятия Берлина. Необходимо было обеспечить себе прочные позиции на всех предприятиях, с тем чтобы противопоставить возможному правительству военщины, которое захотело бы продолжать войну без Гитлера, безусловную волю к миру и организованную силу берлинских рабочих. В этом смысле была усилена также работа среди военнослужащих...» [22].

Коммунисты всемерно пытались использовать кризис фашистского режима для расширения своих связей с различными слоями германского населения, в том числе и с подлинно оппозиционно настроенными деятелями в промышленных кругах. Они всегда выступали за создание широкой коалиции антифашистских сил в борьбе против Гитлера. Поэтому коммунисты согласились пойти на установление контакта с заговорщиками из «кружка Крейзау».

22 июня 1944 г. состоялась встреча между Сэфковом и Якобом, с одной стороны, и представителями «кружка Крейзау» социал-демократами Лебером и Рейхвейном — с другой. Лебер и Рейхвейн информировали коммунистов

[21] См. G. Nitzsche, Die Säfkow — Jacob — Bästlein-Gruppe, S. 68.
[22] Ibid., S. 69.

о планах переворота и предложили им принять участие в их осуществлении. Было условлено, что участники совещания встретятся вновь для переговоров.

Однако вторая встреча не состоялась, так как в начале июля гестапо арестовало Сэфкова, Якоба, Лебера и Рейхвейна. Этот факт дал основание некоторым западногерманским историкам клеветнически обвинить Коммунистическую партию в том, что один из руководящих работников группы Сэфкова — Якоба — Бестлейна Фердинанд Томас оказался агентом гестапо, который выдал участников встречи. Но факты опровергли эту клевету.

В действительности Томас был преданным и стойким борцом за дело рабочего класса. Он сам был арестован вместе с другими товарищами из группы Сэфкова — Якоба — Бестлейна и приговорен к смертной казни фашистским судом. 6 октября 1944 г. Фердинанд Томас был казнен. Гестапо напало на след участников встречи 22 июня 1944 г. совершенно иным путем. После ареста руководителя «кружка Крейзау» Мольтке за некоторыми другими участниками кружка была установлена слежка. Можно согласиться с оценкой причин ареста участников встречи 22 июня, которая дана в работе Отто Винцера «Двенадцать лет борьбы против фашизма и войны»: Арест участников этой встречи, который произошел 4 июля, был использован американским руководителем разведки Алленом Даллесом для того, чтобы возвести поклеп на Антона Сэфкова и его боевых соратников. Однако остается неопровержимым фактом, что с января 1944 года были произведены многочисленные аресты среди участников «кружка Крейзау». Гестапо удалось ввести «в кружок Крейзау» в качестве доносчика некоего доктора Рекцее... Напрашивается вывод, что гестапо решило нанести удар и против социал-демократов, принадлежавших к «кружку Крейзау», как раз в тот момент, когда их содружество с коммунистами перед лицом кризиса на фронтах и в тылу грозило превратиться в серьезную опасность для кровавого нацистского господства[23].

Тот факт, что руководители «кружка Крейзау» поняли необходимость установления связей с Коммунистической партией, несомненно, является свидетельством того,

---

[23] См. О. Винцер, 12 лет борьбы против фашизма и войны, ИЛ, 1956, стр. 210.

что они стояли на демократических позициях. На контактах с коммунистами и выработке совместного с ними плана действий кроме левых социал-демократов особенно настаивали Петер Йорк, Тротт и Штауффенберг.

Сохранились два меморандума Тротта, которые дают представление о том, как оценивали руководители «кружка Крейзау» внутриполитическое положение Германии и перспективы развития антифашистского движения в стране. Первый меморандум датирован январем 1943 года. В нем содержится резкая критика политики западных стран, причем указывается, что «оппозиция считает, что англосаксонские страны преисполнены буржуазных предрассудков и фарисейских теорий». В меморандуме говорится о том, что в народе все более распространяются симпатии к русским. «Немецкий солдат, — писал Тротт,— питает чувства уважения, а не ненависти к русским. Оппозиция считает, что решающее значение для развития Европы имеет социальная, а не военная область. Когда в кампании в России — после того, как будут отброшены немецкие армии, — наступит известное затишье, то, возможно, возникнет революционная ситуация... Важным фактором явится тогда стихийное братание между германскими и увезенными в Германию иностранными рабочими... Гитлер будет свергнут, и братство угнетенных станет той основой, на которой сможет быть построена совершенно новая Европа» [24].

Эта идея «братства угнетенных» варьируется также и в других документах «кружка Крейзау» и высказываниях его руководителей. Основой его должно быть, как указывается в меморандуме Тротта, «братство между русским и немецким народами».

Второй меморандум Тротта датирован апрелем 1944 года. Его доставил в Женеву для ознакомления с ним Даллеса Гевериц — один из даллесовских агентов. Документ дошел до нас в изложении Геверица, который сделал акцент на высказываниях Тротта, сближающих его с реакционным руководством заговора. Поскольку в оригинале этот документ нам неизвестен, к нему следует относиться с осторожностью.

Тем не менее и в нем нашли свое отражение симпатии Тротта к «идеям, исходящим с Востока», и его критиче-

---

[24] См. A. Dulles, Germany's Underground, p. 131.

ское отношение к позиции западных держав. Геверниц придал высказываниям Тротта форму предупреждений по адресу союзников. По его словам, Тротт, в частности, заявил: «Конструктивные идеи и планы восстановления Германии после войны постоянно исходят со стороны русских, в то время как демократические страны не делают каких-либо предложений относительно будущего Средней Европы. Эти идеи и планы постоянно распространяются коммунистами среди масс германского народа... Тенденция к крайне левым силам приняла удивительный размах и приобретает все большее значение»[25].

Тротт призывал западные державы «прийти на помощь социалистическим группам Сопротивления», для того чтобы привлечь на свою сторону симпатии рабочего класса, и предлагал им, в частности, опубликовать заявление, в котором правительства западных стран приветствовали бы участие «социалистических лидеров в новом правительстве», а также объявили бы, что предоставят рабочему классу свободу создавать свои организации «без вмешательства враждебных рабочему классу капиталистических групп Запада». Наконец, Тротт заявлял, что западные державы должны дать заверения в том, что Германия получит свободное самоуправление и что на ее территории не будет создано марионеточного правительства из прогитлеровских деятелей типа Квислинга.

В этом документе смешаны весьма трезвые реалистические оценки со взглядами, сближающими позиции Тротта с позицией правых немецких социал-демократических лидеров. Однако основа его рассуждений состояла в признании необходимости (и неизбежности) широких демократических преобразований, которые учитывали бы интересы рабочего класса и предложения Советского Союза.

В западногерманских исторических трудах, посвященных заговору, имеется много разноречивых оценок такой точки зрения Тротта. Историки, которые стоят на антикоммунистических позициях и изображают Тротта человеком западной ориентации, пишут о том, что его проекты имели целью лишь предотвратить «дальнейшее сползание влево». Они трактуют предложения Тротта как

---

[25] См. A. Dulles, Germany's Underground, p. 136.

вынужденную уступку рабочему классу и «левым элементам», то есть коммунистам.

Но даже в такой трактовке значение предложений Тротта отнюдь не умаляется. Независимо от мотивов его действий фактом остается то, что Тротт и его друзья из «кружка Крейзау» настаивали на образовании широкого демократического правительства в Германии с привлечением представителей Коммунистической партии, а также на создании коалиции всех антифашистских сил в стране, на которую могла бы опираться будущая власть.

В последние годы были опубликованы некоторые новые документы, пролившие свет на внешнеполитические воззрения Тротта. Наибольший интерес представляет публикация Ганса Ротфельса[26]. Речь идет о замечаниях Тротта к «Программе мира», составленной объединением американских церквей в апреле 1943 года. Замечания изложены в виде меморандума, который следовало передать авторам «Программы».

В своих замечаниях Тротт выступил против стремлений монополий навязать народам свой проект послевоенного мира. «Мы считаем, — писал он, — что будущая международная организация должна обладать достаточной силой, чтобы выступить против устремлений государственных и частнокапиталистических монополий чинить препятствия послевоенному урегулированию». Касаясь взаимоотношений между государствами после войны, Тротт заявлял, что «для установления длительного мира в экономическом отношении необходимо будет добиться от «богатых» держав совместного отказа от их имперского и хозяйственного монопольного положения».

Это еще одно свидетельство того, что Тротт занимал демократические позиции в составлении послевоенных планов. Кроме того, в этом отрывке видно и определенное влияние марксистских идей.

С теорией марксизма Тротт познакомился еще в студенческие годы. До прихода фашистов к власти он поддерживал связи с социалистическими студенческими организациями. В упомянутой публикации Ротфельса приведены воспоминания одного из друзей Тротта того периода и некоторые его записи студенческих лет. «Настоящий пролетарий, — говорится в записи, относящейся к

---

[26] См. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Heft 3, Juli 1964.

1930 году, — инстинктивно чувствует, когда слова интеллигента следует принять всерьез и когда нет». Эта запись говорила о способности рабочих воспринимать социалистические идеи. «Рассматривать войну, — читаем в другой записи, — как справедливый путь решения неким мировым судом вопроса об историческом праве народа на существование является сегодня абсурдом». Это замечание Тротта было вызвано попытками фашистов прославить войну.

Друг Тротта, который сохранил его записи, считал, что «Тротт был создан для поддержания связей с социалистами»[27].

Тротт, Йорк и некоторые другие члены «кружка Крейзау» считали одностороннюю прозападную ориентацию Герделера, Хасселя и других неправильной и выступали за переговоры об окончании войны как на Западе, так и на Востоке. Петер Йорк в своих показаниях в гестапо заявил, что Штауффенберг советовался с Троттом даже о возможности заключения сепаратного мира либо на Западе, либо на Востоке, чтобы покончить с войной на два фронта[28]. Идея мира с Советским Союзом не только не отвергалась Троттом и его друзьями, но служила постоянным предметом дискуссий между ними, причем обсуждались различные варианты ее осуществления на практике.

В меморандуме «Европа между Западом и Востоком» Тротт пытался теоретически обосновать необходимость для Германии жить в мире как с западными державами, так и с Советским Союзом. К сожалению, текст меморандума не сохранился и известны лишь выдержки из него по сообщениям Кальтенбруннера Борману и Гитлеру и по некоторым воспоминаниям друзей Тротта. Ротфельс привел из этого меморандума слова о том, что необходимо «соединить принцип реалистической политики Востока с принципом личной инициативы Запада»[29]. В гестаповских материалах из меморандума Тротта приведены выдержки о готовности Тротта главным образом вести переговоры с западными державами. Вместе с тем в этих выдержках указывается, что Советский Союз приобретет

[27] См. H. Rothfels, Die Zukunft die sie Wollten, «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 17. Juli 1944.
[28] См. «Die Kaltenbrunner-Berichte», S. 110.
[29] См. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 17. Juli 1964.

после войны большую силу и что на его стороне будут симпатии «социалистического рабочего класса, радикально настроенной немецкой молодежи, а также 12 миллионов иностранных рабочих в Германии» [30]. Чтобы добиться почетного мира, необходимо «умиротворить» как Запад, так и Восток. С этой целью Тротт предлагал обсудить вопрос об уступке Восточной Пруссии Польше.

Оценивая общие взгляды Тротта и его друзей о взаимоотношениях между Германией и Советским Союзом, Ротфельс заявил: «Тротт был убежден, что для будущей Германии необходимы глубокие социальные реформы и что она сможет жить лишь в обстановке творческого соревнования с коммунизмом» [31]. Риттер указывал, что Тротт и другие участники «кружка Крейзау» «симпатизировали идее доброго соседства с Россией (в смысле исторических традиций) и идее социализма» [32].

Тротт не только работал над составлением внешнеполитической программы заговора, но и предпринимал практические шаги к установлению связи как с Западом, так и с Востоком. Он следил за деятельностью Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров и через их посредство стремился установить контакт с Советским Союзом. Для этого он предпринял осенью 1943 года поездку в Стокгольм. В протоколах допроса Тротта отмечалось, что во время этой поездки Тротт «зондировал почву относительно установления связи с Национальным комитетом в Москве» [33]. Далее говорилось, что он ознакомился там с брошюрой Эриха Вайнерта и фон Зейдлица о программе Национального комитета «Свободная Германия». В сообщении Кальтенбруннера Борману и Гитлеру о допросе Тротта сделан следующий вывод: «Можно с уверенностью сказать, что после установления этой связи (с Национальным комитетом.—*Д. М.*) за границу проникли сведения о существовании оппозиции в германском генералитете и о клике заговорщиков вокруг Штауффенберга» [34]. В другом сообщении Кальтенбруннер доносил: «Хотя существовали

[30] См. «Die Kaltenbrunner-Berichte», S. 34

[31] «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 17. Juli 1964.

[32] G. Ritter, Carl Goerderler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 334.

[33] «Die Kaltenbrunner-Berichte», S. 174.

[34] Ibid.

через «Абвер» связи в Швейцарии и в Испании, материалы допроса Штрюнка (одного из заговорщиков, поддерживавших контакт с Троттом. — *Д. М.*) указывают также и на Швецию. Швеция была главным центром информации и устремлений клики заговорщиков вступить в переговоры с Западом и, возможно, также с Востоком. При этом вновь была упомянута фамилия Тротта. Поскольку Тротт, без сомнения, очень многое утаил, приведение в исполнение смертного приговора народного суда было отсрочено, Тротт остается в нашем распоряжении для дальнейшего выяснения обстоятельств» [35].

Тротт так и не выдал подробности тех связей, которые он установил в Стокгольме. Но приведенные выдержки достаточно ясно говорят о характере его миссии и о его устремлениях. Именно Стокгольм (а не Берн и Мадрид) рассматривался заговорщиками как центр возможных переговоров с Советским Союзом.

Об усилиях Тротта и других деятелей из «кружка Крейзау» установить прямые связи с Советским правительством есть и другие сведения. Еще в конце декабря 1942 года Тротт выдвинул предложение обратиться к Советскому правительству через бывшего посла Германии в Советском Союзе Вернера фон дер Шуленбурга. Состоялась встреча между Троттом и Шуленбургом, во время которой по этому вопросу была достигнута принципиальная договоренность.

Вернер фон дер Шуленбург был сторонником традиционной политики Бисмарка, всегда предостерегавшего против конфликта с Россией и настаивавшего на поддержании нормальных отношений между Германией и Россией. Он был горячим приверженцем того курса во внешней политике, который представляли известные немецкие дипломаты Мальцан и Брокдорф-Ранцау, выступавшие за установление дружественных отношений между Россией и Германией. Шуленбург считал нападение Германии на Советский Союз актом предательства со стороны Гитлера. К заговору он примкнул после разгрома немецких войск на Волге.

Тогда в определенных кругах заговорщиков родился план переправить Шуленбурга через линию фронта, для того чтобы он установил контакт с Советским правитель-

[35] «Die Kaltenbrunner-Berichte», SS. 248—249.

ством. Шуленбург, несмотря на преклонный возраст (ему было тогда 68 лет) и болезнь, дал согласие на осуществление этой рискованной и трудной для него в физическом отношении акции. Особенно активно эти планы защищал фон Тресков. Осенью 1943 года он пытался получить согласие Герделера на их осуществление, но Герделер возражал. В сообщении Кальтенбруннера об этом указывалось: «Осенью 1943 года Герделер и фон Тресков имели беседу о возможности переправить бывшего посла Шуленбурга через германские линии на Восточном фронте. Мысли, которые развивал фон Тресков, заключались примерно в следующем. Шуленбург один из тех немногих немцев, которые лично знают Сталина. Шуленбург должен вновь завязать с ним связь. Если Шуленбург придет к соглашению со Сталиным, то путем военной акции должен быть совершен переворот в Германии... Шуленбург всегда выступал против войны с Советским Союзом. Нет сомнения, что этот план соглашения о мире с Советским Союзом в таком виде был сформулирован фон Тресковом»[36].

Сам Шуленбург признал на допросе, что дал согласие на осуществление этого плана. Один из сотрудников Шуленбурга фон Зонлейтер дал показания, что Шуленбурга возмущало стремление некоторых заговорщиков вести «нечестную игру» с Советским Союзом: пытаться установить через его контакт с Советским Союзом лишь для того, чтобы затем договориться с западными державами о сепаратном мире[37]. Он настаивал на ведении честных переговоров с представителями Советского правительства, причем, по словам Зонлейтера, Шуленбург возражал против каких-либо обязательств по отношению к западным державам, которые могли бы поставить под сомнение хорошие отношения будущего германского правительства с Советским Союзом.

Один из родственников Эрвина фон Витцлебена, ныне полковник народной армии ГДР Иои фон Витцлебен, так передавал свой разговор с фельдмаршалом во время войны: «Он сказал мне, что посол граф фон дер Шуленбург по-прежнему готов вступить в контакт с Советским пра-

---

[36] «Die Kaltenbrunner-Berichte», S. 308.

[37] См. G. Ritter, Carl Goerderler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 380—381.

вительством. Теперь (т. е. в конце 1943 г. — *Д. М.*) на Центральном участке фронта при помощи генерала фон Трескова, а на Южном участке при помощи полковника Шульце-Бютгера вновь создались благоприятные условия переправить Шуленбурга через германские линии... К сожалению, этот план потерпел крушение из-за противодействия фельдмаршалов фон Клюге и фон Манштейна»[38].

Реакционные западногерманские историки пытаются либо скрыть эти факты, либо умалить их значение. Они отрицают, что среди заговорщиков существовало стремление вступить в мирные переговоры с Советским Союзом. Деятельность «кружка Крейзау» опровергает эти утверждения. Внешнеполитические установки таких участников заговора, как Тротт, Йорк, Шуленбург, как раз свидетельствуют о стремлении определенной части реалистически мыслящих буржуазных деятелей вернуться к традициям политики добрососедских отношений между Германией и СССР. В этой связи большой интерес представляла другая установка руководителей «кружка Крейзау» — не поддерживать контактов с разведывательными кругами западных держав. Штельцер в упоминавшейся работе о «кружке Крейзау» подчеркивал, что руководители кружка «щепетильно старались избежать всякой связи с разведывательными службами» западных стран[39]. Мольтке на допросе в гестапо отрицательно высказался о попытках Герделера установить контакт с «насквозь реакционными кругами лондонского Сити».

Принципиальное различие между внешнеполитическими установками членов «кружка Крейзау» и группы Герделера совершенно очевидно. Руководители «кружка Крейзау» придерживались значительно более реалистических взглядов на задачи и перспективы германской внешней политики. Они олицетворяли устремления антифашистски настроенной части буржуазных кругов Германии.

С «кружком Крейзау» был тесно связан Клаус фон Штауффенберг. Контакты с кружком Штауффенберг поддерживал лично, через своего брата Бертольда, своего

---

[38] См. «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere», Heft 8, August 1964, S. 7.

[39] T. S t e l t z e r, Von deutscher Politik, S. 79.

ближайшего друга Йорка, а также через Тротта. Наиболее радикальная часть кружка, «группа молодых», считала своим руководителем Штауффенберга. Вокруг Штауффенберга группировались также наиболее демократически настроенные офицеры из штаба резервной армии, верховного командования, штабов различных армейских соединений на фронте: Мерц фон Квирнгейм, Вернер фон Хефтен, Ольбрихт, фон Тресков, Шверин фон Шваненфельд, Линдеман, Вагнер, Штиф. Сторонники Штауффенберга образовали особую группу, которая в заговоре занимала наиболее радикальные и активные позиции. Все они активно участвовали в подготовке переворота, были движущей силой практических действий по осуществлению покушения на Гитлера. Без них заговор вряд ли бы вышел из стадии общих разговоров и пожеланий.

Штауффенберг родился в 1907 году в Геттингене, в аристократической семье. Он правнук известного прусского военного деятеля Гнейзенау. Друзья Штауффенберга рисуют его человеком разносторонне образованным, страстно увлекавшимся музыкой и литературой. По семейной традиции Штауффенберг избрал военную профессию. В 1938 году он закончил военную академию и был направлен в генеральный штаб. Перед ним открылась блестящая карьера. В академии и в генеральном штабе Штауффенбергу предсказывали большое будущее. Товарищи называли его «наш новый Шлиффен», а один из начальников аттестовал его как «единственного гениального немецкого штабного офицера»[40]. Однако Штауффенберг не разделял официальной гитлеровской военной доктрины. Его антинацистские взгляды проявились уже в период Мюнхена. Он резко высказался против Гитлера и его политики[41].

Во время второй мировой войны Штауффенберг участвовал в гитлеровских походах в Польшу и Францию. В июне 1940 года он был переведен в верховное командование армии. В круг его служебных обязанностей вхо-

[40] См. A. Leber, Das Gewissen steht auf, B., 1964, S. 228.

[41] Утверждения некоторых историков о том, что Штауффенберг в молодые годы симпатизировал нацизму, категорически опровергаются его вдовой графиней Ниной фон Штауффенберг. Она заявила английскому публицисту Генриху Френкелю, что, выйдя замуж за Штауффенберга в 1933 году, она никогда не слышала от него высказываний, которые свидетельствовали бы о симпатии к нацизму (см. H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli 1944, SS. 205—206).

дили поездки по оккупированным территориям и различным участкам фронта. Во время одной из таких поездок в 1941 году он познакомился с фон Тресковом. С тех пор их связывала тесная дружба. В это же время в присутствии генералов Гальдера, Штюльпнагеля, Фельгибеля и Вагнера он резко осудил гитлеровскую политику во Франции и заявил, что такое отношение Гитлера к побежденной стране заслуживает смерти. Он настаивал уже тогда на государственном перевороте, в чем был горячо поддержан фон Тресковом и другими молодыми офицерами. В декабре 1942 года Штауффенберг предложил Манштейну вместе с другими фельдмаршалами — командующими участками Восточного фронта выступить против Гитлера и потребовать его отставки. Манштейн, разумеется, отказался.

В феврале 1943 года Штауффенберг был назначен начальником штаба танковой дивизии в Африке и был тяжело ранен. Он потерял правую руку, глаз, его левая рука была изуродована. Свое ранение он переносил с исключительной стойкостью. В гестаповских документах о нем говорилось: «Для личности Штауффенберга характерна большая воля и аскетическая твердость. Будучи в госпитале, он отказался, несмотря на свои тяжелые ранения, от болеутоляющих и снотворных средств и преодолел болезнь быстро и с большой энергией» [42]. В октябре 1943 года, после выздоровления, Штауффенберг был назначен заместителем Ольбрихта в штаб резервной армии.

Взгляды Штауффенберга принимали все более антифашистский и демократический характер. Перед покушением он работал над текстом присяги, которую, по его замыслам, должны были принять сторонники свержения Гитлера: «Мы хотим создать новый порядок, — писал он, — при котором все немцы будут носителями государства и им будут обеспечены права и справедливость» [43]. Он говорил, что следует добиваться «создания поддержанного широкими народными массами нового социального государства» [44]. В гестаповских документах отмечалось, что Штауффенберг хотел построения «морально-этического социализма». На Штауффенберга оказали

[42] «Die Kaltenbrunner-Berichte», S. 305.
[43] A. Leber, Das Gewissen steht auf, S. 250.
[44] Ibid., S. 249.

большое влияние идеи «братства угнетенных», изложенные в меморандумах Тротта и в других документах «кружка Крейзау». Он был сторонником радикальных мер, направленных на ликвидацию фашизма и его «наследства». Переворот Штауффенберг мыслил себе как начало далеко идущих преобразований. Что касается внешней политики, то Штауффенберг и его друзья считали, что война должна быть закончена не только на Западе, но и на Востоке. Он говорил, что «необходимо использовать каждую возможность вести политические переговоры с Россией, которая является нашим соседом»[45].

Штауффенберг сразу же вступил в конфликт с реакционно настроенными деятелями заговора, и прежде всего с Герделером[46]. Он выступал против кандидатуры Герделера на пост канцлера будущего правительства и считал наиболее подходящим кандидатом на этот пост одного из социал-демократических лидеров — Юлиуса Лебера.

Все сведения, которыми мы располагаем о его взглядах, говорят о том, что противоречия между Герделером и Штауффенбергом неизбежно должны были углубляться и в конечном итоге привести к разрыву Штауффенберга с реакционными руководителями заговора. С этим мнением согласны также и многие западные исследователи истории заговора. Уилер-Беннет, например, писал: «Он мыслил и действовал как революционер, и все говорит о том, что, как только была бы достигнута его ближайшая революционная цель, он пошел бы еще дальше по этому же пути»[47]. Даллес назвал Штауффенберга «опасным революционером». Он писал о том, что Штауффенберг заигрывал с идеей «революции рабочих, крестьян и солдат» и добивался «создания коммунистической Германии по русскому образцу и с помощью Красной

[45] A. Leber, Das Gewissen steht auf, S. 249.

[46] Штауффенберг резко отрицательно относился также и к участникам заговора из числа разведчиков. Пехель подчеркивал, что именно поэтому такой разведчик, как Гизевиус, пытался в своей книге всячески очернить Штауффенберга. «Гизевиус, — писал Пехель, — совершенно искажает образ Штауффенберга. Искажает потому, что Штауффенберг относился к нему резко отрицательно. Штауффенберг... глубоко не доверял ему и не допускал в узкий круг руководителей» (R. Pechel, Deutscher Widerstand, S. 181).

[47] Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, S. 713.

Армии»[48]. Некоторые западногерманские историки усиленно пытаются «защитить» Штауффенберга от «обвинений» Даллеса. Но делают они это весьма оригинальным путем — стремятся всячески умалить его подлинно патриотические воззрения и представить его чуть ли не поклонником программы Герделера. Это относится к крайне реакционно настроенному крылу западногерманских историков. В трудах более объективных историков Западной Германии признается отличие взглядов Штауффенберга от взглядов группы Герделера, признаются его патриотические и демократические воззрения.

Тротт передал слова Штауффенберга о том, что «старый господин (имелся в виду Герделер. — *Д. М.*) имеет все основания придерживаться других взглядов, чем я»[49], то есть Штауффенберг прямо противопоставлял свои взгляды взглядам Герделера.

В свою очередь, Герделер также неоднократно подчеркивал свое отрицательное отношение к Штауффенбергу. Герделер называл Штауффенберга «своевольным упрямцем». Во время допросов в гестапо он всячески пытался отмежеваться от воззрений Штауффенберга и составленных им документов. В заключительном слове перед фашистским судом Герделер заявил, что не был согласен с документами, составленными Штауффенбергом, и занимался ими лишь для того, чтобы доказать их «полную непригодность».

Характерным для офицеров, группировавшихся вокруг Штауффенберга, была их активная роль в подготовке событий 20 июля. Геннинг фон Тресков до войны, также как и Штауффенберг, служил в генеральном штабе. Уже тогда Тресков отрицательно относился к военным планам Гитлера и поддерживал опального Бека. В начале войны он участвовал в походах на Польшу и Францию, а затем в чине генерала был назначен начальником штаба центральной группировки войск на Восточном фронте. Здесь он создал один из важных центров заговора: сколотил сильную ячейку Сопротивления из молодых штабных и фронтовых офицеров. По отзыву его друга Шлабрендорфа, Тресков целиком посвятил себя политической борьбе, был убежден в том, что только свержение Гитле-

[48] A. Dulles, Verschwörung in Deutschland, Kassel, 1947, S. 218.
[49] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 538.

ра может спасти Германию от катастрофы. После провала заговора, разуверившись в способности военных произвести государственный переворот, Тресков кончил жизнь самоубийством.

Ольбрихт, будучи фактически заместителем командующего резервной армией (формально его пост назывался «начальник Всеобщего войскового ведомства»), осуществлял совместно с фон Тресковом и Штауффенбергом подготовительную работу к покушению и принимал участие в разработке основных документов, которые должны были быть обнародованными после покушения. Именно он дал сигнал «Валькирия» (хотя, как отмечалось выше, с большим опозданием), после которого должен был быть совершен переворот в Берлине и в других городах империи. Ольбрихт предложил поручить Штауффенбергу руководство подготовкой к покушению и к перевороту и вовлек его в штаб резервной армии.

Во время встречи Герделера, Ольбрихта и Трескова в Берлине в ноябре 1943 года, когда было принято окончательное решение организовать покушение на Гитлера, Ольбрихт изложил участникам встречи проект захвата власти в Берлине, Вене, Кёльне и Мюнхене силами резервной армии. На этой же встрече было условлено, что паролем к совершению переворота будет сигнал «Валькирия». «Ведомство Ольбрихта, — писал Риттер, — отныне стало центром технической подготовки к перевороту» [50].

Ольбрихт руководил также вместе с Штауффенбергом действиями заговорщиков в Берлине после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.

Активнейшую роль в подготовке покушения играли также другие члены группы Штауффенберга — Линдеман, Вагнер, Штиф, Хефтен, Мерц фон Квингейм и другие.

Генерал Линдеман пытался установить связь с Национальным комитетом «Свободная Германия», так как видел в его программе истинный выход из создавшегося положения. Его сын Георг Линдеман на допросе показал: «Я признаю: в марте 1944 года впервые мой отец сделал мне намеки, что война проиграна; на мой вопрос,

[50] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 343.

можно лн мирнться с такнм положением, он рассказал о возможиости заключеиия компромиссиого мира через Национальный комитет Зейдлица. Он указал также, что в Берлине в ОКВ иашлись уже люди, которые готовы сместить фюрера н начать переговоры с протнвннком о мнре»[51].

О связях членов группы Штауффеиберга с Национальиым комнтетом «Свободная Германия» рассказал также Ион Вицлебен. Он вспомнил свой разговор с однмм из зиакомых офнцеров — Кламротом в иачале 1944 года: «Кламрот, который был членом группы Сопротнвления, сплотившейся вокруг Штифа в ОКХ, и близок к Штауффенбергу, рассказал мие следующее. Оии регулярно получают материалы Националыного комнтета и Союза немецких офнцеров прн помощи подполковиика Шрадера... Ои с нескрываемой радостью показал мие маиифест Национальиого комитета «25 условий окоичаиия войиы». Требования, содержащиеся в этом докумеите, — говорил ои, — являются также программой его друзей. Это ие половиичатое решение, а иастоящнй выход нз положения...»[52].

Сходство взглядов между передовой частью заговорщиков и офицерами, группнровавшнмнся вокруг Национального комитета «Свободиая Германия», было иастолько очевидным, что по поручению Кальтеибруииера гестапо сделало сравиительиый аиализ высказываний деятелей Национального комитета и заговорщнков н направило Гитлеру[53].

Ведущие деятели «кружка Крейзау» и людн, собравшиеся вокруг Штауффеиберга, отошлн, таким образом, от реакциоииых устаиовок руководнтелей заговора типа Герделера, Хасселя, Попитца. Онн представляли демократнческую, патрнотическую часть заговора. Сравиивая нх программу с программой Герделера — Попнтца, можио прнйти к следующим выводам: во-первых, Штауффенберг н его группа резко критиковали антндемократическне планы установлеиия военной диктатуры в Германии после переворота. Оии стремнлись к тому, чтобы в Германии после войны было создаио правительство во

[51] Archiv IML, Berlin, N 7—16—14.

[52] «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere», Heft 8, August 1964, S. 7.

[53] См. «Die Kaltenbrunner-Berichte», SS. 190—193.

главе с социал-демократом Лебером; во-вторых, руководители демократического крыла заговора критически отзывались об установках группы Герделера, направленных на то, чтобы помешать развязыванию антифашистских действий масс в гитлеровском тылу. Они считали, что переворот должен быть поддержан акциями широких антигитлеровских сил в Германии; в-третьих, прогрессивные деятели в «кружке Крейзау» и в группе Штауффенберга выступали против односторонней ориентации Герделера на Запад и его планов заключения сепаратного мира с Англией и США. Они высказывались за окончание войны как на Западе, так и на Востоке и за установление добрососедских отношений между Германией и СССР.

Герделер и Штауффенберг представляли, таким образом, совершенно различные группы в правящем лагере Германии. Гражданский руководитель заговора Герделер олицетворял реакционную группировку заговора, попытку определенной части монополистической буржуазии Германии найти выход из войны на пути сговора с англоамериканской реакцией и продолжения военных действий против СССР.

В противоположность Герделеру Штауффенберг являлся антифашистом и демократом, который выступал за то, чтобы найти выход из войны на пути ликвидации фашизма и его «наследия» и установления дружественных отношений Германии со всеми другими народами

«Кружок Крейзау» и группа Штауффенберга, правда, не отдавали себе ясного отчета в подлинных путях и способах достижения тех целей, к которым они (отчасти чисто интуитивно) стремились. Однако многие люди, объединившиеся в «кружке Крейзау» и вокруг Штауффенберга, честно стремились к тому, чтобы извлечь урок из трагических ошибок прошлого и создать условия для того, чтобы эти ошибки не повторялись.

Глава пятая

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ВЕРХУШЕЧНОЙ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ ГИТЛЕРА. ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ЗАГОВОРА 20 ИЮЛЯ 1944 Г.

1. Внутриполитические проекты правого руководства оппозиции

Основные документы, характеризующие программу и цели оппозиции, составлены реакционно настроенными деятелями заговора Герделером, Попитцем, Хасселем. Многие из этих документов были сохранены оставшимися в живых участниками заговора против Гитлера или обнаружены после войны в архивах гестапо.

Документы можно разделить на две группы. Первая группа документов — это различного рода проекты программ, в которых определялись общие цели заговора. Они написаны Герделером, Попитцем, Хасселем. Ко второй группе документов относятся согласованные между всеми основными участниками заговора проекты приказов, распоряжений и деклараций, которые должны были быть обнародованы сразу же после переворота от имени нового правительства

Последние документы носят отпечаток определенного компромисса между различными группировками заговорщиков. Но, хотя в них чувствуется влияние тех сил, которые выступали против слишком реакционных проектов Герделера, все же в целом они отражают официальную точку зрения руководства заговором, а не его прогрессивного, демократического крыла.

Первый дошедший до нас проект программы будущего правительства написан в начале 1940 года Хасселем. Он был составлен при участии Бека, Герделера и Попитца, то есть всей руководящей верхушки заговора. В этом

проекте ярко отражены те основные установки, которые характеризуют все остальные программные документы руководителей заговора и определяют их реакционную направленность.

Проект программы Хасселя содержит следующие главные положения.

Во-первых, заговорщики намеревались заменить диктатуру Гитлера диктатурой военщины. После переворота вся власть должна была перейти к «регентскому совету» во главе с Беком, а в землях и округах полноту власти должны были осуществлять командующие военными округами. Во-вторых, заговорщики считали необходимым после войны объявить чрезвычайное положение в Германии с целью «предотвратить хаос», иными словами, массовые народные выступления. В дополнение к плану Хасселя был разработан проект закона о чрезвычайном положении, в котором были предусмотрены крутые меры против всяких возможных народных выступлений. «Дворцовый переворот» должен был быть совершен без участия масс. Наконец, в-третьих, предусматривалась концентрация всех военных сил фашистской Германии для продолжения военных действий с целью добиться заключения почетного мира, то есть мира на условиях, угодных германским монополиям.

В дальнейшем эти положения нашли свое выражение в обширном документе, озаглавленном «Временный основной закон». Авторами «Основного закона» считаются Попитц, Лангбен, Иессен. В составлении документа принимали участие Хассель, Бек и Планк[1]. Этот ранний проект государственного устройства Германии отразил все характерные черты внутриполитической программы заговорщиков.

В первой статье «Основного закона» сформулированы некоторые общие принципы, на которых должна базироваться будущая конституция Германии. Проект вменяет в обязанность всем немцам отдать свои силы для «обороны отечества». Отсюда ясно, что группа реакционно настроенных заговорщиков отнюдь не намеревалась закончить войну, развязанную Гитлером, а считала, что следует вести ее до «победного конца», то есть до выполнения задач, поставленных германскими монополиями.

[1] См. U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 309; Wheeler-Bennett, Die Nemesis der Macht SS. 672—673.

В проекте «Основного закона» особо подчеркивалась необходимость «восстановления прав и самостоятельности предпринимателей» и отвергалась идея всякого государственного вмешательства в экономику. Тем самым тщательно огораживались права германских монополий и их руководящая роль в экономической (а также и политической) жизни.

Наконец, в «Основном законе» говорилось о необходимости восстановления прерогатив армии и высшего чиновничества, на которое, по мнению многих заговорщиков, покушался Гитлер: «Вермахт не только осуществляет неизбежную защиту рейха, но является также школой духовного и морального возрождения нации». «Государство для выполнения своих руководящих функций нуждается в чиновничестве, подготовленном для выполнения этих задач. Необходимо восстановить доверие народа к чиновничеству».

Проект государственного устройства Германии, разработанный авторами «Основного закона», носил столь же реакционный характер, что и общие принципы. Авторы его отказались даже от тех демократических положений, которые содержались в Веймарской конституции.

В «Основном законе» отсутствовало положение об ответственности главы государства перед парламентом и перед законом. Признавалась лишь его ответственность «перед богом». Иными словами, главе государства предоставлялись по сути дела диктаторские права; авторы проекта в этом отношении недалеко ушли от принципов фашистского «государства фюрера».

«Основной закон» вообще не предусматривал «на первых порах» создания парламента. Место парламента должен был занять государственный совет, состоявший из министров и руководителей земельных управлений, а также из назначенных сроком на пять лет главой государства (по предложению правительства) членов совета. Образование «народного правительства» на более широкой базе откладывалось до тех пор, пока не будут «укреплены общие условия жизни германского народа». Фактически это означало отказ от создания парламента на неопределенный срок.

Правительство имело право ввести в стране чрезвычайное положение. Были разработаны специальные ди-

рективы о применении «закона о чрезвычайном положении». В них, в частности, указывалось: «Какие-либо меры возмездия против функционеров партии или государственных служащих со стороны населения должны быть подавлены». Запрещались собрания и демонстрации. «Стачки следует подавлять, и лиц, призывающих к ним, необходимо брать под стражу и наказывать». Кроме того, специально указывалось, что «военнопленные и иностранные рабочие должны остаться на своих местах». Ответственность за выполнение этого предписания возлагалась на полицию. Авторы закона явно опасались того, что могли произойти объединение передовых сил немецкого рабочего класса и угнанных в Германию иностранных рабочих, совместные выступления германских и иностранных рабочих, и боялись развязывания инициативы масс.

В проекте «Основного закона» невозможно обнаружить даже и следов каких-либо демократических воззрений. Все положения подчинены достижению узкоклассовых и кастовых целей, целей сохранения ничем не ограниченного господства монополистов и помещиков в стране.

«Основной закон» не содержит обоснования своих положений — это сухой юридический документ. Изложение системы взглядов, положенной в основу этого закона, мы находим в меморандуме Герделера «Наша цель», написанном в то же время, в 1940—1941 годах. Герделер сформулировал в нем своеобразную программу борьбы «на два фронта» — против «тирании», с одной стороны, и «демократического парламентаризма» — с другой. «Диктаторское и тираническое государство фюрера, — писал он, — так же невозможно, как и необузданный демократический парламентаризм» [2]. Герделер ставил, таким образом, фашизм и «демократический парламентаризм» на одну доску. По его мнению, необходимо предусмотреть меры, способные предотвратить развитие Германии как в том, так и в другом направлении. Он ясно провозглашал своей целью борьбу против демократии, рассматривая ее как «зло», подобное фашизму.

[2] «Goerdeler über politisches Parteiwesen und über die Schaffung von Reichsgauen (aus seiner Denkschrift «Das Ziel» 1940—1941)»; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang II, S. 561.

Говоря о планах Герделера, его биограф и апологет Герхард Риттер вынужден признать, что идеалом Герделера являлось «военно-чиновничье государство», которое могло бы успешно бороться с опасностью «современной массовой демократии» [3]. Главное, что занимало Герделера, по словам Риттера, это проблема образования «новой элиты», то есть «избранного круга людей», который был бы в состоянии наилучшим образом защищать классовые интересы германских монополистов. Герделер был озабочен тем, чтобы в эту элиту не проникли какие-либо «чуждые элементы». Лучшим путем для достижения этой цели Герделер считал установление монархической власти в Германии.

Монархические взгляды Герделера особенно ярко сказались в документе, озаглавленном «Тайный меморандум», предназначенном для ознакомления генералитета с необходимостью государственного переворота, датированном 26 марта 1943 г. «Для нас ясно, — говорилось в меморандуме, — что лишь монархия в парламентских границах может дать Германии как можно быстрее внутреннее спокойствие» [4].

Далее в меморандуме подчеркивалось: «Германии необходимо монархическое руководство, которое может гарантировать преемственность внешней и внутренней политики. Этого не может дать избираемое руководство, во всяком случае если учитывать характер и традиции немцев» [5].

Герделер прямо заявил, что его мечты об установлении монархического режима в Германии связаны с тем, что только монархия может предотвратить развязывание «народных страстей», иными словами революционные выступления масс. Герделера в этом вопросе полностью поддерживал Попитц, который говорил о необходимости дать народу «твердую опору» в лице монарха.

Реакционно настроенные руководители заговора не ограничивались лишь общими разговорами и проектами

---

[3] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 281.

[4] «Geheime Denkschrift Goerdelers für die Generalität bestimmt über die Notwendigkeit eines Staatstreichs 26. März 1943»; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang VII, S. 576 (в дальнейшем: «Geheime Denkschrift»...).

[5] Ibid., S. 591.

установлення монархии в Германнн, а велн конкретные переговоры с представнтелями династин Гогенцоллернов о провозглашенни монархнческого строя в случае успешиого осуществления переворота. Предполагалось провозгласить кайзером «закоиного» наследника бывшего германского кайзера — кронприица Вильгельма. По сообщению Хасселя, кронпрнц дал согласне, выдвннув, однако, условне, что ои должен получнть «гарантнн» в реальности и успешностн заплаиированного переворота[6]. В дальнейшем кронпрннц Вильгельм показался Герделеру н его еднномышленинкам слншком непопулярным н ограниченным, н онн «переориеитировалнсь» на его сына Луи Ферднната, который, по нх мнению, подходнл «по характеру» больше к роли будущего монарха н, кроме того,— а это, вероятно, главное — обладал шнрокимн связями в Англнн и США. Принц Лун Ферднланд одно время работал у Форда в Детройте, был вхож в Белый дом. Имеино с ним велись основные переговоры о «вступленнн на престол». Получнв его согласне, руководнтелн заговора условнлнсь, что кронприиц откажется от трона в пользу Луи Фердинаида.

Сохранилcя проект воззваиия кронпрннца к армнн и ицароду, в котором объявлялось о прнходе к властн днна-стнн Гогенцоллернов н о «добровольном отреченнн от престола» кронпрница Вильгельма в пользу Лун Ферднаида. В воззванин подчеркивалось, что лнщь монархическое руководство может довестн войну до конца, то есть добнться тех же целей, во имя которых была развязана мировая война фашнстскимн правнтелямн Германии[7].

Герделер н Попитц отказалнсь от планов провозглашення монархни лншь после категорнческого протеста со стороны другнх групп заговорщнков, н прежде всего руководителей «кружка Крейзау». Хассель запнсал в своем дневнике о разговоре с Троттом, резко возражавшнм против всякнх плаиов, которые могли бы создать впечатление «реакционности», «милитарнзма» заговорщнков. Под давленнем этих возражеиий Герделер н Попитц вы-

[6] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 213.

[7] См. «Aus dem Entwurf eines Aufrufs, den der deutsche Kronprinz an das Volk erlassen sollte»; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang III, S. 567.

нуждены были оставить или во всяком случае отодвинуть на задиий план проекты устаиовлеиия монархического строя в Германии[8].

По плаиам Герделера, Попитца и Хасселя, смеиа власти в Германии должиа была преследовать лишь одиу цель — «спасти родиу» от возможных революциоиных выступлений масс и создать предпосылки для объедииения всех сил с целью продолжеиия войны против Советского Союза.

Об этом подробиее всего говорилось в упомииавшемся «Тайиом меморандуме»[9]. В нем Герделер писал, что целью всех мероприятий иовой власти в Германии должио быть достижеиие соглашеиия с западиыми державами, «которое позволило бы иам сконцеитрировать все военные силы германского иарода иа Востоке». Отсюда Герделер делал вывод, что в переговорах с Западом иеобходимо добиваться выполнения следующих задач: сохраиеиия сил германской армии и полиой боеспособиости войск на Восточиом фронте; сохраиеиия военного потеициала и избавления его от разрушеиий в результате воздушиых налетов; сохранеиия в максимальной степени тех территорий, которые уже были захвачеиы германскими вооружеииыми силами в ходе войны. Герделер миого раз подчеркивал, что главное заключается в том, чтобы сохранить «сильиую Германию», которая могла бы выполнить внешнеполитическую и внутриполитическую программу ее правящих кругов. Ои предупреждал против возможиости не только виешиего, ио и виутрениего краха, если ие произойдет смеиа власти в Германии.

«Никакая лакировка, иикакое успокоеиие совести, — писал ои в мемораидуме, — не могут избавить ответственное руководство от того, чтобы своевремеиио делать выводы, которые могли бы предотвратить приближающуюся катастрофу. 1918 год учит нас, что имеиио следует поиимать под своевремеииыми мерами»[10]. «Все эти меры должиы воплощать нашу волю, не допустить повтореиия 1918 года, добиться укреплеиия Германии и иашего иарода в его иациоиальиой борьбе. Мы должиы ясно видеть, что повтореиия событий 1918 года можно

[8] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 241.
[9] См. «Geheime Denkschrift...», S. 590.
[10] «Geheime Denkschrift...», S. 586.

избегиуть лишь в том случае, если действовать своевременно...»[11].

И, наконец, к этой же мысли он возвратился в заключительной части меморандума, прямо предупреждая: «Если в результате бездеятельности будет развиваться радикализм, он примет гораздо худшие формы, чем в 1918 году».

Герделер неоднократно подчеркивал свое преклонение перед военщиной, свою веру в нее как одну из основных опор государства: «Я верю в превосходство нашего оружия, как в евангелие». Превознося «честь» и «мудрость» германского генералитета, он льстиво отзывался о военных талантах Манштейна, но возмущался «вмешательством» Гитлера в руководство войсками и в «гениальную» структуру генерального штаба, направленную на воспитание чувства «высшей ответственности»[12]. Герделер требовал восстановления прав и прерогатив германского офицерства, которые, по его мнению, были попраны Гитлером.

Большое внимание Герделер уделял чиновничеству. Именно оно должно осуществить руководство государственными делами, и поэтому его следовало тщательно оградить от всяких «посторонних влияний» и проникновения в его среду «чуждых элементов». Любые демократические меры, которые могли бы сломить власть старого чиновничества или умалить его роль в государстве, категорически отвергались Герделером.

Наиболее подробно внутриполитические проекты изложены Герделером в записях, сделанных в тюрьме и озаглавленных «Мысли приговоренного к смерти — сентябрь 1944 года — в тюрьме: о будущем внутреннем положении Германии». Эти записи были впервые опубликованы в приложении к книге Риттера «Карл Герделер и немецкое движение Сопротивления».

Герделер прежде всего предупреждал против всяких «скороспелых демократических мер»: «Сугубо аполитические качества немцев и тот факт, что они отвыкли от политики, диктуют нам осторожность. В этом отношении мы не должны дать ввести себя в заблуждение западным

---

[11] «Geheime Denkschrift...», S. 594.
[12] «Ibid., S. 581.

державам»[13]. Демократические установления, закрепленные в конституциях таких стран, как США и Англия, казались Герделеру совершенно неприемлемыми для Германии. По его мнению, немцы не подготовлены для демократии и понимают лишь один язык — язык силы.

Правительство, по его мнению, должно обладать «контролируемыми возможностями фюрерства», то есть диктаторскими полномочиями. Над германским народом должно быть сохранено господство «фюрера», правда не Гитлера, а наследственного монарха или «имперского наместника», облеченного диктаторскими правами.

Реакционные воззрения Герделера и его забота о том, чтобы не допустить к власти или к участию в управлении государством подлинных представителей народа, видны также в его проектах новой избирательной системы, которая должна была быть введена в Германии после переворота. Герделер отрицал принцип прямого и пропорционального избирательного права. Прямые выборы в его проекте предусмотрены только в округах, но и там должно быть выдвинуто строго ограниченное число кандидатов. Право выставления кандидатов предоставляется сословиям (один кандидат), профсоюзам (один кандидат) и «политическим движениям», то есть партиям (два кандидата). Повышался возрастной ценз для избираемых кандидатов: для окружных собраний — 30, для провинциальных собраний и для рейхстага — до 35 лет. В провинциях (землях) и в империи законодательные собрания должны были избираться не прямыми выборами, а многостепенными; провинциальные собрания — окружными уполномоченными. Эти же уполномоченные избирали половину рейхстага, а другая половина выбиралась непосредственно в 150 избирательных округах, в которые также выдвигались по 4 кандидата от сословий, профсоюзов и «политических движений». Активным избирательным правом должны были обладать лица, достигшие 25 лет. Помимо того, что для членов провинциального законодательного собрания и рейхстага устанавливался возрастной ценз в 35 лет, они дол-

[13] «Aus der Niederschrift Goerdeler: Gedanken eines zum Tode Verurteilten — September 1944 im Gefängnis»; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Anhang I, S. 556 (в дальнейшем: «Aus der Niederschrift Goerdelers...»).

жны были еще иметь пятилетний стаж административной работы. Итак, будущая государственная власть мыслилась Герделером как власть чиновничьего сословия, верой и правдой выполняющего предписания истинных хозяев страны — германских монополистов.

В проектах Герделера предусматривалось создание второй палаты, именовавшейся «имперская сословная палата». Этот конституционный орган должен был состоять из руководителей имперских промышленных групп, президентов экономических палат, руководителей сословий (врачей, адвокатов, художников и т. д.), представителей церкви, ректоров университетов, представителей профсоюзов и еще 50 «старейшин» — лиц, пользовавшихся «безупречной репутацией» и достигших возраста не моложе 50 лет.

Так же как и в предложениях Хасселя, в проектах Герделера предусматривалась неподотчетность правительств перед парламентом. Правительство могло быть отозвано лишь в том случае, если обе палаты большинством голосов потребуют его смещения, причем сразу же назовут преемников смещаемого правительства.

Широкие диктаторские полномочия предоставлялись главе государства, который именовался «генеральным наместником». Глава государства в первый раз должен был избираться имперской сословной палатой, а в дальнейшем — совместно двумя палатами парламента. «Мне кажется, — вновь подчеркивал Герделер, — наилучшим выходом провозглашение наследственной монархии» [14]. Однако, понимая непопулярность своего предложения в массах, Герделер соглашался на введение должности наместника, который, однако, будет избираться... пожизненно. В этом предложении трудно обнаружить разницу между генеральным наместником и монархом.

Реакционные воззрения Герделера четко проявились также в его отношении к деятельности политических партий. Он даже избегал употреблять термин «политические партии» — почти во всех своих меморандумах и записях он говорил о «политических движениях». Западногерманские историки объясняли это страхом перед многопартийностью веймарского периода, которая, мол, облегчила приход фашизма к власти. В действительности же —

---

[14] «Aus der Niederschrift Goerdelers...», S. 558.

это страх перед общественным мнением, которое могло бы ограничить власть монополий.

В тех же записях, сделанных в сентябре 1944 года в тюрьме, он писал, что необходимо «избежать на максимально длительный срок образования политических партий», причем даже после их возникновения следует разрешить существование лишь трех самых сильных партий. Особенно настойчиво он выступал против партии, которая в своей деятельности руководствовалась бы марксистским мировоззрением, то есть Коммунистической партии. «Марксизм,— злобствовал Герделер, — потерял право на существование и не может более стать основой какой-либо партии»[15]. Антикоммунистические воззрения Герделера в этом вопросе прямо смыкались с фашизмом. Вообще идеалом Герделер считал недопущение каких-либо политических партий; в крайнем случае создание двухпартийной системы, причем все остальные партии должны быть запрещены.

Герделер уделял в своих планах весьма большое внимание профсоюзам. Но речь шла лишь о том, чтобы зажать рабочее движение в тиски жесткого государственного контроля, превратить его в придаток бюрократической государственной машины, подчинить воле предпринимателей.

Первоначально — в меморандумах, написанных в 1940—1941 годах, — Герделер предполагал ограничиться лишь реформой «Трудового фронта»—фашистских профсоюзов, при помощи которых гитлеровцы осуществляли свою террористическую диктатуру над германским рабочим классом. Но после того как под влиянием некоторых друзей из числа старых реакционно настроенных профсоюзных деятелей веймарского периода Герделер вынужден был отказаться от простой реформы «Трудового фронта», он разработал проект «единых профсоюзов». Главное в этом проекте — мысль о полном подчинении профсоюзного движения буржуазному государству. Профсоюзы должны были стать сословными представительствами, находившимися под контролем государства, а профсоюзное руководство превратиться в представительство «одного из сословий» Германии — так Герделер называл рабочий класс. Идея создания сословного госу-

[15] «Aus der Niederschrift Goerdelers...», S. 558.

дарства и в этих проектах нашла свое полное воплощение. Проект Герделера предусматривал фактическую ликвидацию профсоюзов как организаций, защищающих интересы рабочего класса против наступления монополистов на жизненные права трудящихся.

Герделер возражал против принципа добровольного вступления рабочих и служащих в профсоюзы. Проект Герделера [16] предусматривал обязательное вступление в профсоюзы всех рабочих и служащих Германии, достигших 18-летнего возраста. Структура профсоюзов должна была полностью соответствовать структуре предпринимательских союзов. При возникновении споров между профсоюзами и предпринимательскими объединениями решающее слово принадлежало «имперской хозяйственной палате», состоявшей также из промышленников.

Стачки строго запрещались, и лица, призывавшие к ним, подлежали наказанию. Профсоюзы имели право посылать своих представителей в различные государственные органы, занимавшиеся вопросами экономики. Но в этих органах представители профсоюзов находились в меньшинстве, поскольку являлись посланцами лишь «одного из сословий».

По проектам Герделера, профсоюзам разрешалось также создавать свои собственные предприятия, которые управлялись на принципах «свободной конкуренции». Цель этой меры состояла в том, чтобы «ликвидировать чрезмерные требования рабочих о социализации предприятий» [17].

Все это говорит о том, что Герделер — ярый враг рабочего движения, мечтавший лишь о полном подчинении рабочего класса власти монополий, о лишении его всякой возможности бороться против монополистического произвола за свои жизненные интересы.

Не менее реакционна социально-экономическая программа Герделера [18]. В центре программы — мысль об обеспечении всевластия монополий в стране. С этой целью Герделер предполагал предоставить широкие полномочия имперским хозяйственным палатам, в которых

[16] «Aus der Niederschrift Goerdelers...», S. 559.
[17] Ibid., S. 559.
[18] См. F. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, SS. 154—156; R. Pechel, Deutscher Widerstand, S. 321; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 237—288, 559.

должны были господствовать представители монополий. В имперских хозяйственных палатах представители монополий наделялись важными государственными функциями.

Реакционные установки Герделера и некоторых других руководителей заговора нашли свое отражение и во второй группе документов — проектах приказов и распоряжений, составленных от имени нового правительства. Заговорщики исходили из того, что Гитлер будет убит в результате покушения и, таким образом, станет необходимым образование нового правительства. Однако они остерегались объявить о том, что сами устранили Гитлера. Более того, в своих воззваниях они пытались создать у населения впечатление, будто не имели отношения к убийству Гитлера.

Наиболее характерный в этом отношении документ — проект приказа Витцлебена, который должен был занять пост главнокомандующего вооруженными силами. В нем говорилось: «Фюрер Адольф Гитлер мертв. Бессовестная клика тыловых партийных руководителей сделала попытку, используя создавшееся положение, нанести удар в спину тяжело борющемуся фронту и узурпировать власть в своих политических интересах. В этот час величайшей опасности имперское правительство объявило чрезвычайное положение в стране, чтобы поддержать право и порядок, и поручило мне взять на себя исполнительную власть... Представители исполнительной власти отвечают за поддержание порядка и общественной безопасности. Всякое сопротивление военной исполнительской власти должно быть беспощадно подавлено. В этот час величайшей опасности единство вооруженных сил и поддержание строжайшей дисциплины являются высшим законом» [19].

Заговорщики отмежевались от идеи положить конец преступной войне Гитлера. Желание закончить войну, или, как сказано в проекте приказа, «нанести удар в спину тяжело борющемуся фронту», приписывалось «бессовестной клике партийных руководителей». Авторы приказа преднамеренно создавали впечатление, будто убий-

[19] «Befehl an die Wehrmacht», F. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, S. 136.

ство Гитлера являлось делом рук этих «партийных руководителей», составляющих заговор против Гитлера, и что имперское правительство призвано спасти немцев от этих заговорщиков.

Другие документы, которые должны были быть опубликованы после покушения на Гитлера, это воззвания «К вооруженным силам» и «К германскому народу». В составлении этих воззваний принимал участие Штауффенберг. В целом воззвания не выходят за рамки программы, сформулированной Герделером, хотя в некоторых местах этих документов чувствуется влияние воззрений Штауффенберга. Во-первых, в воззваниях прямо указывалось на связь между событиями в тылу и поражениями гитлеровской армии на Восточном фронте и резко критиковался военный авантюризм Гитлера. «Бессовестное руководство Гитлера, — говорилось в воззвании «К вооруженным силам», — привело к тому, что были принесены в жертву в России и на Средиземном море целые армии и цвет нашей молодежи во имя осуществления фантастических планов безграничных завоеваний. Авантюристическое введение в бой 6-й армии под Сталинградом и ее бессмысленная гибель особенно ярко осветили эту жестокую правду» [20]. В воззвании к народу говорилось, что Гитлер навлек на германский народ несчастье, что Германия неминуемо идет к катастрофе. Во-вторых, в воззваниях разоблачались преступления гитлеровского режима и говорилось о необходимости наказания фашистских преступников. «Огромное число немцев, а также граждан других народов, брошенных в концентрационные лагеря, испытывают неслыханные муки и часто подвергаются ужасным пыткам. Многие из них уничтожены. Ужасные массовые убийства запятнали наше доброе имя. Руки Гитлера обагрены кровью, он шел по пути катастрофы, оставляя позади себя слезы, несчастье и нищету» [21]. Авторы воззваний обещали немцам скорый мир и заявляли, что заключение мира — одна из целей нового правительства. В этом отношении

[20] «Aufruf an die Wehrmacht», R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 304—305.

[21] «Aufruf an das deutsche Volk», R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 305—309 (в дальнейшем: «Aufruf an das deutsche Volk»).

оба воззвания также отступали от программы Герделера, в которой главный упор делался на необходимость продолжения войны. Наконец, в воззвании «К германскому народу» содержалось упоминание о необходимости добиться «социальной справедливости» и о том, что в правительстве будут объединены представители всех слоев народа на основе широкой демократической коалиции.

Однако оба документа не содержали каких-либо призывов к антифашистским действиям, к ликвидации гитлеровского режима и его последствий, а, напротив, призывали к повиновению властям и сохранению дисциплины. Авторы документов ревностно стремились к тому, чтобы события не вышли за рамки «дворцового переворота». Целью переворота провозглашалось «спасение отечества», под которым подразумевалось спасение правящих классов Германии. Поэтому включение некоторых формулировок, явившихся уступкой общественному мнению, не изменило общего реакционного характера воззваний в целом.

Обещание «скорого мира» сопровождалось в обоих документах призывами к «сплочению фронта» и продолжению военных действий до тех пор, пока не будет достигнуто соответствующее соглашение с «противниками» Германии. Ни словом не упомянуто о намерении капитулировать перед союзными державами, хотя только таким путем можно было закончить войну. Кое-где говорилось о стремлении добиться «справедливого мира», под которым можно подразумевать все, что угодно, в том числе и намерение добиться осуществления старой гитлеровской программы захватов. Единственное, что обещали авторы воззваний, — это «избегнуть напрасных жертв» и «очистить войну от извращений». Но эти ни о чем не говорящие формулировки лишь вводили в заблуждение солдатские массы и трудящихся и создавали предпосылки для продолжения войны.

Таким образом, стремление продолжать войну, характерное для взглядов реакционного руководства заговора, полностью отражено в воззваниях. Для того чтобы добиться этой цели, авторы воззвания грозят солдатам и трудящимся массам репрессиями, в случае если они прибегнут к самостоятельным действиям. «Наши мужественные вооруженные силы являются гарантом безопас-

ности и порядка. Полиция неуклонно будет выполнять свои обязанности»[22].

Но особенно реакционны проекты правительственных заявлений, написанные в основном Герделером, которые должны были быть обнародованы после покушения на Гитлера. В них уже говорилось не просто о продолжении войны, но о необходимости оказать фронту полную поддержку. «Мы вынуждены продолжать эту борьбу»[23]. «Война еще не окончена. Во время войны весь наш труд, все наши жертвы и наша любовь принадлежат людям, защищающим отечество на фронтах. Мы должны предоставлять в их распоряжение все духовные и материальные ценности, которые мы только в состоянии мобилизовать»[24].

В правительственном заявлении для печати прямо содержалось предупреждение о возможности революционных событий и говорилось о необходимости предотвратить всякие демократические выступления масс. «Мы не хотим повторения событий ноября 1918 года»[25]. «Мы ожидаем, что никто не будет предпринимать актов самоуправства»[26], — подчеркивалось в заявлении для радио.

В этом же заявлении раскрывались некоторые внутриполитические планы заговорщиков: необходимость уважать и охранять частную собственность, «без которой человек может опуститься до уровня животного»[27]. Предупреждалось, что «ничего из старого, что себя оправдало», не будет изменено, что будут восстановлены права чиновников и что германский народ должен готовиться к огромному повышению налогового бремени. Наконец, авторы правительственных заявлений подчеркивали, что еще не пришло время «для предоставления населению демократических свобод». Поэтому эти свободы должны быть ограничены «в связи с состоянием войны»[28].

---

[22] «Aufruf an das deutsche Volk», S. 305.

[23] «Regierungserklärung für die Presse», Wheeler-Bennet, Die Nemesis der Macht, Beilage V (в дальнейшем: «Regierungserklärung für die Presse»).

[24] «Regierungserklärung für die Presse», S. 756.

[25] Ibid.

[26] Ibid., S. 755.

[27] Ibid.

[28] Ibid., S. 749.

2. Внешнеполитическая программа правых руководителей оппозиции

Эволюция внешнеполитических планов реакционно настроенных руководителей заговора находилась в прямой зависимости от положения германских войск на фронте на том или ином этапе войны. Когда фашистские армии одерживали победы, внешнеполитические требования правых руководителей заговора становились крайне экспансионистскими, их программа территориальных захватов предельно расширялась. Тогда Герделер и его единомышленники не только настаивали на сохранении всех завоеванных гитлеровцами территорий, но и требовали присоединения к Германии обширных колониальных владений в Азии и в Африке. Поражения фашистских войск на советско-германском фронте заставляли Герделера, Хасселя, Попитца умерять свой захватнический пыл и сокращать программу территориальных аннексий. Но даже в периоды поражений, перед надвигавшейся катастрофой, реакционно настроенные руководители заговора не отказывались от своих захватнических планов, предусматривавших значительное расширение границ империи и установление германского господства в Европе. Их экспансионистская программа лишь немногим отличалась от программы Гитлера. Да и то это отличие касалось лишь методов господства в оккупированных районах и на землях, присоединенных к рейху.

Как уже было сказано выше, Герделер верил в силу германской армии, «как в евангелие». Точно так же он верил в призвание империалистической Германии господствовать над чужими народами — стать хозяином Европы, а затем и всего мира. Герделер и его сторонники считали, что Германия должна выполнить роль «защитника европейской цивилизации» от «большевистских орд с Востока». В этом вопросе Герделер и Хассель полностью восприняли эту «идеологическую основу» внешнеполитической программы германского фашизма.

В одном из первых внешнеполитических документов заговорщиков — меморандуме, который Хассель вручил посреднику английского правительства для передачи Галифаксу, — уже отчетливо сформулирована эта установка будущего руководства заговором: Хассель писал, что следует сохранить «здоровую и жизнеспособную

Германию как необходимый противовес большевистской России»[29]. Под «здоровой и жизнеспособной Германией» Хассель понимал сильную германскую империю, которая включала бы Австрию и Судетскую область и имела бы обширные колониальные владения. Говоря об этих установках Хасселя, Риттер довольно наивно (поскольку он отнюдь не хотел изобразить Хасселя приверженцем фашистской доктрины) констатировал, что «сам он (Хассель. — *Д. М.*) поставил тем самым условия мира с Англией на совершенно приемлемую для Гитлера базу»[30].

Еще более откровенно эти установки сформулированы в меморандуме Герделера «Наша цель». В этом документе Герделер прямо призывал к тому, чтобы превратить гитлеровский вермахт в «ядро европейских вооруженных сил», которые должны служить целям борьбы против «большевистской России». Он предлагал создать в Европе «объединение антибольшевистских сил» под руководством Германии с целью «постепенно вовлечь Россию в европейскую семью», то есть восстановить в Советском Союзе капиталистические порядки. Это может быть достигнуто, по мнению Герделера, при условии предоставления Германии ведущей роли в Европе[31]. В своих меморандумах 1943 года Герделер даже обвинял Гитлера в том, что тот «не сумел освободить русский народ от большевизма»[32]. Герделер критиковал Гитлера с позиций махрового реакционера, ненавистника социализма, приверженца той же фашистской доктрины «антибольшевистской миссии» Германии.

В своих обращениях к западным державам Герделер постоянно возвращался к фашистской идее образования антисоветской коалиции под руководством Германии. Даже осенью 1943 года, когда тень поражения уже явственно легла на фашистскую Германию, Герделер считал осуществление этой идеи вполне возможным. В меморандуме, написанном для английского правительства, он говорил о том, что Англия, США и Германия имеют «общие интересы» в борьбе против СССР и что, следо-

---

[29] U. V. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 372.
[30] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 256.
[31] Ibid., S. 320.
[32] Ibid., S. 279.

вательно, две западные державы должны быть заинтересованы в существовании сильной Германии. Герделер призывал Англию и США закончить войну сепаратным миром с Германией и сконцентрировать усилия всего «западного мира» на борьбе против «большевистской России». Германский солдат, как заявлял Герделер, не должен складывать оружие, и поэтому необходимо отказаться от требования «безоговорочной капитуляции» Германии. «Германия должна быть экономически сильной». «Германский фронт на Востоке должен быть удержан, победа России означала бы смерть европейской цивилизации и конец Европы», — писал он совсем в стиле гитлеровских реляций, обращенных к западным державам.

Таковы исходные позиции герделеровских внешнеполитических проектов. Милитаристские захватические установки лежали в основе всех документов реакционно настроенных руководителей заговора, в которых содержались их внешнеполитические требования. Сами требования видоизменялись в зависимости от международной обстановки, но всегда оставались захватическими и агрессивными.

После нападения на Польшу и на протяжении всей так называемой «странной войны» на Западе усилия Герделера, Хасселя и других правых руководителей антигитлеровской оппозиции были направлены на то, чтобы добиться принятия «модуса вивенди» с Англией, который позволил бы восстановить англо-франко-германское «согласие» мюнхенских времен. Герделер и его единомышленники добивались создания общего антисоветского фронта империалистических стран против СССР. В этом они вполне сходились с проектами, которые вынашивались в то время в фашистских кругах.

Еще осенью 1939 года, то есть сразу же после начала войны, Герделер, будучи в Стокгольме, переправил лорду Ванситтарту (тогдашнему постоянному заместителю статс-секретаря английского министерства иностранных дел) условия мира с Англией, которые были разработаны оппозицией. Несколько позже, в течение февраля 1940 года, последовали предложения Хасселя, которые были переправлены лорду Галифаксу через зятя Хасселя Бироли. В середине февраля 1940 года через бывшего германского канцлера Иозефа Вирта, проживавшего в Швейцарии, была установлена прямая связь между груп-

пой Герделера и английским министерством иностранных дел, причем были получены официальные заверения со стороны Форин оффис, что английское правительство благосклонно рассмотрит предложения о заключении мира между Германией и Англией, если в Германии придет к власти новое правительство[33].

Каковы эти первые предложения группы Герделера—Хасселя, обращенные к западным державам? Руководители оппозиции предлагали правительству Англии дать согласие на присоединение к Германии большинства захваченных к тому времени гитлеровцами территорий, в том числе Австрии, большей части Чехословакии и Польши. Они не желали отказываться от плодов гитлеровских агрессивных походов в Европе. Такие условия мира, несомненно, устраивали и многих фашистских правителей.

После молниеносных побед гитлеровской армии на Западе условия мира, разрабатывавшиеся группой Герделера—Хасселя, становились значительно более жесткими. Оккупация Норвегии и Дании, захват Голландии, Бельгии и Люксембурга, разгром Франции были с восторгом встречены большинством «оппозиционеров». Хотя Герделер, Хассель, Попитц, Канарис и другие продолжали с недоверием относиться к Гитлеру и вели усиленные переговоры с представителями западных стран, язык их документов, обращенных к Англии, стал уже совершенно иным, чем в первые месяцы войны. Они считали, что теперь могут говорить с другими странами «с позиции силы» и их внешнеполитические требования значительно расширились.

К тому времени относятся два важных внешнеполитических документа группы Герделера: упоминавшийся меморандум «Наша цель» и памятная записка от 30 мая 1941 г., разработанная Герделером для передачи английскому правительству. Последний документ был составлен при непосредственном участии руководящих деятелей фирмы «Бош» и одобрен тогдашним главнокомандующим германской армией Браухичем.

Фирма «Бош» имела доверенных лиц во многих странах. В Швейцарии роль такого доверенного лица выпол-

[33] Полный текст официального английского заявления, состоявшего из пяти пунктов, впервые приведен в книге G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 253.

нял профессор социологии Зигмунд-Шульце, на квартире которого и происходили встречи между представителями немецкой фирмы и связанных с ней компаний в других странах. Зигмунд-Шульце поддерживал тесные связи с правящими кругами Англии и получил даже приглашение от самого английского премьер-министра посетить Лондон. Этим решили воспользоваться руководители фирмы «Бош» и Герделер для передачи проекта соглашения о мире английскому правительству. Было установлено, что Зигмунд-Шульце передаст документ английскому правительству, однако при условии, что он будет парафирован Браухичем. Этот «параф» был получен, и документ переправлен в Лондон, но не лично Зигмунд-Шульцем, а через английское посольство в Берне.

По сравнению с предложениями 1940 года, памятная записка от 30 мая 1941 г. содержала гораздо более далеко идущие территориальные и политические требования. Авторы записки требовали не только восстановления границ 1914 года на востоке (т. е. присоединения к Германии так называемого «польского коридора»), но и на западе, иными словами присоединения к Германии Эльзас-Лотарингии. Они хотели закрепить за Германией аннексированные фашистами Австрию и часть Чехословакии (Судетская область) и требовали «установления границ европейских государств в соответствии с принципом национального самоопределения». (Фашистские правители Германии выдвигали этот лозунг для обоснования прав немецких национальных меньшинств в ряде стран на присоединение занимаемых ими территорий к Германии.) Наконец, в записке 1941 года прямо содержалось требование «возвратить германские колонии или предоставить Германии равноценные колониальные владения».

Английское правительство отказалось даже принять к сведению эту широкую программу аннексий Герделера и его друзей из фирмы «Бош».

Внешнеполитическая часть упоминавшегося уже меморандума «Наша цель» выдержана в том же духе, что и памятная записка 30 мая 1941 г. Самое примечательное в меморандуме — открытые претензии на установление германской гегемонии в Европе. «Центральное положение Германии, — писал Герделер, — численность ее населения и выдающаяся дееспособность обеспечивают

германскому народу руководство европейским блоком»[34].

До поражения фашистских войск под Москвой зимой 1941 года эта крайне экспансионистская программа Герделера не пересматривалась и во всех обращениях к Англии фигурировала как непременное условие мира между Германией и западными странами. Лишь под влиянием сокрушительных ударов, нанесенных германским войскам под Москвой, Герделер счел необходимым несколько сократить список своих территориальных требований и сделать некоторые уступки Англии и США, особенно в вопросе установления западных границ Германии. В предложениях, переданных посланцами «Абвера» Шенфельдом и Бонхефером епископу Чичестерскому Беллю в Стокгольме в мае 1942 года, не упоминались конкретные территориальные требования заговорщиков. Говорилось лишь об общих принципах установления границ в соответствии с «правом народов на самоопределение» и содержалось обещание вывести германские войска из оккупированных гитлеровцами стран. В декабре 1942 года Герделер составил новый проект обращения к Англии, в котором отказался от требования присоединения к Германии всей области Эльзас-Лотарингия. Он предложил разделить ее «по языковому признаку» и впоследствии решить вопрос о присоединении частей территории к Германии или Франции путем плебисцита. В этом же проекте Герделер согласился «оставить открытым» вопрос о возвращении Германии ее бывших колоний[35]. Как мы видели, уступки, на которые решился Герделер даже после краха гитлеровских проектов «молниеносной войны» на Востоке, были минимальными. Эти уступки касались лишь западных границ Германии и имели целью облегчить заключение сепаратного мира с западными державами.

Поиски сепаратного мира на Западе усилились после поражения гитлеровских войск на Волге. В документах, составленных в 1943 году, видно стремление руководителей заговора достигнуть соглашения с Англией и США,

---

[34] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 320.

[35] Эти требования изложены в документе, найденном Риттером в архивах гестапо и озаглавленном «Заявление по поводу Атлантической хартии» (см. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 322, 514).

отказавшись от наиболее вызывающих требований, которые были явно неприемлемы для западных стран. В меморандуме Герделера от 26 марта 1943 г. говорилось, например, что «время получить колонии упущено», хотя «год тому назад это было бы еще возможно». Герделер объяснял тем самым изменение своих внешнеполитических требований ухудшением военного положения Германии. Он предупреждал, что в создавшейся обстановке было бы «безответственным» упустить возможность заключить мир из-за неуступчивости по колониальному вопросу.

Но в остальном Герделер выдвигал весьма широкую программу аннексий: он добивался оставления в составе рейха Австрии, Судетской области и даже Южного Тироля. Герделер подчеркивал, что «еще не упущена возможность достигнуть ведущего положения Германии на европейском континенте». Правда, от требования присоединить к Германии всю Эльзас-Лотарингию Герделеру пришлось отказаться. Он считал, что в этом вопросе необходимо прийти к соглашению с Францией, но в таком случае Германия должна получить компенсацию за эту «потерю» за счет Польши и Советского Союза [36].

В мае 1943 года Герделер переправил английскому правительству (через Валленберга) краткий перечень условий мира, в котором главный упор делался на необходимость удовлетворить внешнеполитические требования Германии на Востоке. Герделер писал, что граница между Германией и Польшей должна быть установлена соглашением с Англией и США. «Если такое соглашение будет достигнуто, Германия будет гарантировать границы Польши и будет способствовать образованию польско-литовской унии. На востоке Польши освобождается русская территория до границ 1938 года» [37] (т. е. территория Западной Украины и Западной Белоруссии). Герделер указывал далее, что Германия даже «готова воевать за обеспечение восточных границ Польши!»

Итак, условия предложенного Герделером торга совершенно ясны: Германия отказывается от некоторых

---

[36] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 587—588.

[37] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 153; G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 328—329.

претензий на Западе и от своих колониальных требований и за это получает свободу рук на Востоке. Герделер, не задумываясь, распоряжался территориями Литвы и Западной Украины, то есть землями Советских республик, предлагая создать на Востоке антисоветский польско-литовский плацдарм, «гарантированный» Германией.

В этих предложениях вновь проявляется империалистическая антисоветская суть планов Герделера.

В меморандуме, написанном осенью 1943 года, то есть уже после Курской битвы, поставившей Германию перед катастрофой, Герделер с маниакальным упорством возвращался к идее англо-германского сговора о разделе территорий на Востоке Европы и отторжении советских земель. «Существование Польши зависит от того, может ли Германия удержать фронт на границах Польши 1938 года». По планам Герделера, от Польши должны были быть отторгнуты обширные области на западе страны, составлявшие так называемый «польский коридор». «В качестве компенсации за Западную Пруссию и Познань (так в гитлеровской Германии именовались территории бывшего «польского коридора». — *Д. М.*) Польша получает государственную унию с Литвой».

Эту программу, как откровенно писал Герделер в своем меморандуме, Германия сможет выполнить лишь в том случае, «если Англия и США дадут ей возможность закончить войну без катастрофы». Поэтому он настаивал на отмене требования о безоговорочной капитуляции Германии[38].

В начале 1944 года, когда безнадежность военного положения Германии стала очевидной, руководители заговора выдвинули план «молниеносной оккупации» германской территории десантными войсками западных держав при поддержке имевшихся в распоряжении заговорщиков сил резервной армии. Этот план был передан Даллесу через Гизевиуса, занимавшего в тот период должность вице-консула Германии в Цюрихе.

---

[38] G. R i t t e r, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, SS. 571, 575. В своих показаниях в гестапо Герделер утверждал, что получил принципиальное согласие английского правительства (через Валленберга) на то, чтобы в случае переворота в Германии германские войска удерживали фронт на линии, проходящей восточнее старых границ Польши (см. I b i d., S. 517).

В обоснование этого плана его авторы Бек и Герделер указывали, что в противном случае Европа «подпадет под идеологическое и политическое господство большевизма». Такой акт должен был, по замыслу руководителей заговора, продемонстрировать Англии и США «добрую волю» нового правительства Германии и облегчить ему переговоры об условиях мира с западными державами. При этом предполагалось, что все свободные силы будут незамедлительно переброшены на Восточный фронт, с тем чтобы во что бы то ни стало удержать линию фронта восточнее старых границ Польши.

В тюрьме Герделер составил специальную памятную записку, в которой обрисовал эти планы в следующих словах: «Переброска западной армии на Восток, с тем чтобы отбросить русских к линии Припять—Днестр и освободить тем самым нас и англичан от огромной угрозы; этим мы получили бы возможность создать такое польское государство, которое соответствовало бы нашим интересам и вместе с тем позволило бы Англии выполнить свои обязательства (перед Польшей. — *Д. М.*). Такая совместная с Англией борьба политически возможна, поскольку Россия, как предполагают, откажется от того, чтобы эвакуировать территории восточнее старых польских границ...»[39]. Следовательно, основой последних планов реакционно настроенных заговорщиков, продиктованных отчаянным положением Германии, были старые антисоветские установки, надежды на раскол антигитлеровской коалиции и совместное выступление империалистических держав против Советского Союза.

Было бы, однако, неправильным считать, что эти планы представляли угрозу лишь для одного Советского Союза. Факты, приведенные выше, с достаточной ясностью говорят о том, что целью группы Герделера было сохранение сильной империалистической Германии, которая не только владела бы обширными территориями как восточноевропейских, так и западноевропейских стран, но и осуществляла бы неограниченное господство в Европе. По сути дела, речь шла о планах превращения всех европейских государств в вотчины немецкого монополистического капитала.

[39] См. G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 536.

Усилия западногерманских историков представить ныне внешнеполитические планы Герделера и его единомышленников как вполне приемлемые для народов западных стран представляют собой не что иное, как попытку замаскировать истинный характер этих планов, направленных на установление господства германского империализма над всей Европой. При этом современные идеологи германского милитаризма, как и их предшественники, вновь используют жупел коммунизма для своих целей. Подчеркивая антисоветскую направленность внешнеполитических планов Герделера, Хасселя и других руководителей заговора, они хотят представить их как «защитников европейской цивилизации» и чуть ли не как борцов за интересы всех западноевропейских народов. Попытка эта — не нова. В действительности Герделер и другие руководители заговора были представителями определенной группы германского правящего лагеря, пытавшейся спасти германский империализм от неминуемой катастрофы. Интересы же народов всех стран Европы требовали полного разгрома германского милитаризма во имя того, чтобы он не мог больше создать угрозу агрессии в Европе.

3. Расправа гитлеровцев над заговорщиками. Причины провала заговора

Фашистский министр пропаганды Геббельс сказал о действиях заговорщиков: «Это была революция по телефону, и несколькими выстрелами из винтовок мы ее подавили. Но достаточно было немного больше опыта и умения, и наши выстрелы не смогли бы совершить это чудо» [40].

В ходе расследования обстоятельств заговора гитлеровскому министру открылась картина широкого участия высших чинов вермахта и государственного аппарата в его подготовке и проведении. Он был ошеломлен размахом заговора, его организацией, тем, что заговор так долго оставался в тайне от гигантского аппарата гестапо, службы безопасности, фашистской партии. Но

---

[40] Goebbels, The Man Text to Hitler, being the Diary of Rudolph Semmler, p. 138.

оправившись от испуга, Геббельс начал издеваться над неумением и неопытностью заговорщиков использовать средства, которыми они располагали, над их организационной беспомощностью. Лишь перед Штауффенбергом Геббельс испытывал нечто подобное чувству уважения. «Вот Штауффенберг, — говорил он, — был настоящим человеком. Мне почти жаль его. Какое хладнокровие! Какой ум и какая железная воля!» [41].

Первые же допросы, проведенные в резиденции Геббельса в министерстве пропаганды в ночь с 20 на 21 июля, убедили фашистских руководителей в том, что для раскрытия связей заговорщиков необходимо мобилизовать весь террористический аппарат. В главном имперском ведомстве безопасности была создана Особая комиссия 20 июля 1944 г. под руководством руководителя гестапо Мюллера. В комиссии работало 400 чиновников — почти половина всего центрального аппарата ведомства безопасности. Расследованием дела заговорщиков непосредственно занимались Гитлер, Гиммлер, Борман.

Общее число арестованных гестапо по обвинению в заговоре 20 июля составило 7 тыс. человек [42]. Некоторые источники указывают, что гитлеровцы казнили по обвинению в участии в заговоре до 5 тыс. человек. Один из наиболее объективных западногерманских исследователей заговора, писатель Гюнтер Вейзенборн, опубликовал некоторые данные о числе жертв среди участников основных групп заговорщиков. Вейзенборн считает, что из группы Герделера гестапо казнило по крайней мере 20 человек; из офицеров ОКВ, ОКХ и генерального штаба — 60; из группы Канариса и Остера — не менее 10; группа Зольфа потеряла шесть участников; «кружок Крейзау» — 10 человек и т. д. Кроме офицеров ОКВ, ОКХ и генерального штаба были арестованы служащие вермахта в военных округах и на фронте, из которых к смертной казни было приговорено 700 человек. Из 200 генералов фашистской армии 20 были приговорены к смерти в связи с покушением на Гитлера 20 июля 1944 г. В дальнейшем гитлеровские военные суды вынесли смертный приговор еще 36 генералам за оппозицию к

[41] См. H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli 1944, S. 148.
[42] «SS — Bericht über den 20. Juli», «Nordwestdeutsche Hefte», 1947, Nr. 1/2, S 33.

Гнтлеру. 49 генералов кончнли жнзнь самоубнйством, боясь расправы. К смертной казни был прнговорен фельдмаршал Эрвнн фон Внтцлебен. Четыре фельдмаршала кончили жизнь самоубийством[43].

Таковы лншь некоторые данные, свндетельствовавшие о размахе фашнстского террора.

В печатн было сообщено лишь о двух процессах, проведенных над заговорщнкамн, — 7—8 августа н 7—8 сентября 1944 г. Несколько процессов было проведено втайне от общественностн. Но большннство заговорщиков было казнено безо всякого суда по приказу Гиммлера.

Уже 7—8 августа 1944 г. состоялся процесс над восемью руководителямн заговора из военной среды: фельдмаршалом фон Внтцлебеном, генерал-полковником Гепнером, генерал-майором Штифом, генерал-лейтенантом фон Хазе, подполковннком Бернарднсом, капитаном Клауэннгом, лейтенантом фон Хагеном и лейтенантом Йорком фон Вартенбургом.

Судебный процесс велся при закрытых дверях. Все обвнняемые былн приговорены к смерти через повешенне. Кроме официальных протоколов процесса по порученню Гнтлера снимался фильм, в котором зафнкснрован весь ход процесса. Фнльм наглядно демонстрирует, что процесс превратился в судебную комедню, в злой фарс на правосудне. Судебные заседання былн заполнены нстерннескнмн, крнклнвымн выступленнями «народного судьн» — фашнстского палача Фрейслера, обрушнвавшегося с бранью на обвиняемых. На лнцах н фигурах обвнняемых, запечатленных на кинопленке, заметны следы пыток.

Обвнняемые были спецнально «препарнрованы» для съемок. Онн должны былн пронзвестн на зрителей впечатление мелкнх, труслнвых и раскаявшихся людей. Их специально оделн в старые костюмы, отнялн ремни от брюк, так что прнходнлось все время поправлять нх, что вызывало нроннческне замечання судьи Фрейслера, направлялн на ннх слепящий свет прожекторов, чтобы у ннх слезнлись глаза, и т. д.

День за днем заснятые кинокадры демонстрнровалнсь в главной ставке фюрера. Первоначально Гнтлер намеревался выпустнть специальную кннохроннку о про-

---

[43] См. G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, SS. 346—347.

цессе, однако этому воспрепятствовал Геббельс. Он понимал, что заснятые кадры послужат разоблачению фашистского правосудия и террористических методов следствия. Большинство обвиняемых держались мужественно, их воля не была сломлена, они с достоинством отвечали на оскорбительные выпады Фрейслера.

С исключительной стойкостью и чувством собственного достоинства вели себя на суде Петер Йорк и Гельмут Штиф. Штиф дважды прерывал Фрейслера, когда тот пытался поиздеваться над мотивами действий обвиняемого. Вот некоторые выдержки из допроса Штифа:

«Фрейслер: Вы навсегда потеряли свою честь... Вам это ясно?

Штиф: Я обращаю внимание на мое заявление по этому поводу.

Фрейслер: Вы можете обращать внимание сколько хотите. Здесь имеет значение лишь одно: Вы говорили, что признаете национал-социалистскую верность солдата.

Штиф *(прерывая его):* Верность по отношению к германскому народу.

Фрейслер разразился страшными ругательствами и оскорблениями, но Штиф не дал запугать себя. Он прервал его второй раз.

Фрейслер: Неужели у Вас не возникали по этому поводу различные мысли (речь идет о последствиях заговора. — *Д. М.*)?

Штиф: Конечно, я размышлял над этим.

Фрейслер: И над чем же Вы думали?

Штиф: Я подошел к этому с военной точки зрения.

Фрейслер: Хорошо... это сделал и Бадольо... Он сказал солдатам: «Все, что вы носили в своем сердце, неправильно, теперь боритесь за решение моего кабинета...».

Штиф *(прерывает его):* за Германию!

На этот раз Фрейслер уже не выдержал — он велел вывести Штифа из зала» [44].

Между Фрейслером и Петером Йорком на суде разыгралась следующая сцена:

«Фрейслер: Вы не вступали в партию?

---

[44] См. H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli 1944, SS. 169—170.

Йорк: Нет.

Фрейслер: И не были также членом других организаций, руководимых партией?

Йорк: Нет.

Фрейслер: Почему же?

Йорк: Потому, что я по сути своей не являюсь национал-социалистом.

Фрейслер: Ах, вот что... тогда все ясно.

Йорк: Господин президент, я уже во время следствия заявил, что с развитием, которое приняло национал-социалистское мировоззрение, я не был...

Фрейслер *(прерывает его):* Не были согласны! Короче говоря, Вы заявили: решение еврейского вопроса Вы не считаете правильным; национал-социалистские взгляды на право Вы не разделяете...» [45].

Далее последовала новая тирада Фрейслера о «ничтожных людях», которые подняли руку на самого фюрера германского народа.

В таком же духе Фрейслер провел второй процесс, который состоялся 7—8 сентября 1944 г. Перед судом предстали гражданские участники заговора: Герделер, Лейшнер, фон Хассель, Вирмер, Лежен-Юнг, Хельдорф и фон Тротт цу Зольц. Все они также были приговорены к смерти. Однако Герделер еще длительное время содержался в тюремном заключении и был казнен лишь незадолго до окончания войны.

Даже некоторым убежденным нацистам методы ведения суда Фрейслером показались позорными, компрометирующими фашистское правосудие. Нацистский министр юстиции Тирак писал по этому поводу Борману: «Он (Фрейслер.— *Д. М.*) беспрерывно кричал на обвиняемых. Это произвело очень плохое впечатление, тем более что президент разрешил присутствовать на процессе примерно 300 слушателям. Повторные длинные речи председателя, рассчитанные только на пропагандистский эффект, лишь отталкивающе действовали на аудиторию» [46]. Фрейслеровский метод судопроизводства в конечном итоге обернулся против самого фашистского государства. Фрей-

---

[45] См. H. Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli 1944, SS. 169—170.

[46] Ibid., S. 182.

слеру не удалось унизить обвиняемых и вынудить их отречься от своих действий, зато на суде еще раз наглядно были продемонстрированы террор и беззаконие, которые творили в Германии фашисты.

29 июля 1944 г. при закрытых дверях состоялся процесс над парижской группой заговорщиков — Штюльпнагелем, Хофаккером и др. Протокол процесса не сохранился, но имеется запись судебных заседаний, сделанная для Бормана. В ней фашистский корреспондент отметил стойкое поведение на суде Штюльпнагеля, отказ его от признания неправильности своих действий. Он сообщал, что Хофаккер вызывающе заявил, что, участвуя в мятеже, он не более виноват, чем Гитлер, который также устраивал мятежи в Германии. Штюльпнагель был казнен 31 августа, Хофаккер — 20 декабря 1944 г.

В январе 1945 года состоялся суд над Мольтке и некоторыми членами его группы. Мольтке стремился на суде выдвинуть на первый план не действия, а убеждения, как свои, так и других обвиняемых. Он хотел показать, что фашисты задумали расправиться с общечеловеческой моралью, с порядочностью и совестью. Он писал жене: «Фрейслер невольно оказал нам большую услугу... В результате всех свидетельских показаний стало документально ясным, что преследуют не планы, не приготовления, а убеждения как таковые»[47]. Мольтке выслушал смертный приговор с улыбкой. 23 января 1945 г. он был казнен в тюрьме Плетцензее.

Фашистские палачи придумали специальную церемонию казни для участников заговора 20 июля. Казнь совершалась через повешение. Жертв вешали на большие железные крюки. Казнь снималась на киноплеику и вечером того же дня демонстрировалась в ставке Гитлера. Фюрер следил за выполнением своего приказа, чтобы заговорщиков «вешали, как вешают скот на бойне».

О диких пытках, которым подверглись арестованные, рассказал в своей книге «Офицеры против Гитлера» Фабиан фон Шлабрендорф. К нему применили все четыре степени «допроса с пристрастием», практиковавшиеся в гестапо: первая состояла в том, что специальной машиной вгоняли иглы в пальцы рук; вторая — в том, что

[47] Helmuth J., Graf v. Moltke, Letzte Briefe aus Tegel, S. 52.

другой машиной в ноги медленно вбивали гвозди; третья и четвертая степени предусматривали «растягивание», подвешивание на руках, завязанных на спине, избиение дубинкой и т. д. Фашистские палачи не только возродили, но значительно усовершенствовали средневековые способы пыток.

Гитлер распространил свою месть на всех родственников участников заговора. Гиммлер заявил в своей речи в Познани 3 августа 1944 г., что все родственники заговорщиков будут арестованы. Ссылаясь на обычаи кровной мести у древних германцев, он продолжал: «Весь род Штауффенбергов будет истреблен до последнего колена *(аплодисменты)*. Это будет единственным в своем роде примером в назидание потомству»[48]. Он велел выкопать трупы ранее казненных руководителей заговора — Штауффенберга, Квирнгейма, Хефтена — сжечь их и развеять пепел по полям.

Гестапо арестовало всех членов семьи Штауффенберга, Мольтке, Йорка фон Вартенбурга и др. Среди арестованных были десять женщин в возрасте свыше 70 лет и много детей. Как правило, детей отбирали у родителей и отдавали на воспитание в детские дома. Им меняли фамилии и делали все, чтобы они забыли о родителях. Фамилию Штауффенберг нацисты вообще решили ликвидировать. Жену Штауффенберга «переименовали» в Шанк, детей — в Мейстер. Было объявлено, что все Штауффенберги, не являющиеся родственниками заговорщика, тоже должны переменить фамилии...

Кроме судебной расправы гестапо применяло и другие методы расправы с участниками дела 20 июля. В зависимости от обстоятельств Гитлер, Гиммлер и другие гестаповские палачи применяли различные, иногда самые фантастические и чудовищные, приемы.

Наиболее «деликатно» они поступили с Роммелем. 14 октября 1944 г. к нему явились два посланца от Гитлера — генералы Бургдорф и Майзель — и передали ультиматум: либо покончить жизнь самоубийством, либо предстать перед судом. В случае согласия убить себя Гитлер обещал Роммелю пышные государственные похороны.

---

[48] См. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1953, S. 382.

Роммель, который еще не оправился от тяжелого ранения, полученного во время автомобильной катастрофы, находился в это время в своем доме, в Херлингене, близ Ульма. Он попросил время для раздумья, поднялся на второй этаж к жене и увидел, что дом его окружен эсэсовцами. «Через четверть часа,— сказал он жене,— я буду мертв. По поручению Гитлера, меня поставили перед выбором: либо отравиться, либо предстать перед народным судом. Яд они привезли с собой» [49].

Он сел в машину и, отъехав немного от дома, принял яд. Его труп был доставлен в госпиталь в Ульм. Официально было объявлено, что Роммель скончался от последствий автомобильной катастрофы, и на 18 октября были назначены государственные похороны. Прочувствованную речь на могиле произнес Рундштедт, вполне информированный об истинных обстоятельствах смерти Роммеля. Вдове Роммеля была вручена высокопарная телеграмма соболезнования от Гитлера.

С менее известными заговорщиками гестапо расправлялось проще. Их избивали до смерти, расстреливали, вешали без суда и следствия. В архивах гестапо найдены указания Особой комиссии 20 июля 1944 г., которые попросту предписывают «ликвидировать» того или иного заключенного. Образцом такого рода указаний может служить следующий документ: «Особая комиссия 20 июля. 24 января 1945 г. Секретное государственное дело. В концентрационный лагерь, в руки лично штурмбанфюреру СС Зурену, Равенсбрук. Содержащийся здесь в камере ОК 20/7 арестованный должен быть, согласно приказу рейхсфюрера СС, незаметно казнен. Сведения о личности даст ОК 20 июля. Имеющиеся при нем вещи следует уничтожить. Об исполнении приказа в данном случае прошу не сообщать. Обер-штурмбанфюрер СС Ланге». Так были ликвидированы сотни участников заговора.

Массовая казнь заговорщиков произошла непосредственно перед взятием Берлина 23 апреля 1945 г. Около 20 заключенных — участников заговора получили приказ отправиться пешком под конвоем из тюрьмы на Лертерштрассе по направлению к гестаповской тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе. На пути к гестаповской тюрь-

[49] H Fraenkel, R. Manvell, Der 20. Juli 1944, S. 183.

ме онн былн убиты выстреламн в затылок. Средн казненных былн видные участникн заговора — Кюнцер, Гуттенберг, Бонхефер, Бернсторф и другне.

Фашистские главари использовали расправу с заговорщиками для органнзацнн широкой кампаинн запугнваиия населеиия угрозой примеиеиия самых свнрепых мер против бунтовщиков. Руководнтель фашистского «Трудового фроита» Роберт Лей в газете «Аигрнфф» писал: «Каждый немец должен зиать, что если он выступает протнв борющейся Германнн, подстрекая нлн совершая предательство словом нлн делом, то ои погнбнет вместе со своей семьей. Тот, кто предаст нас, будет искореиен» [50].

Гитлер в своем посланнн 12 ноября 1944 г. заявнл, что события 20 нюля привелн к уинчтожеиию всех противннков гитлеровского режима и сравинвал этн событня с резней 1934 года. «Подобно тому,— пнсал он,— как в 1934 году мятеж иебольшой группы внутрн двнження послужил поводом для чисткн иашнх рядов, иовый мятеж положнл иачало осиовательному обновленню всего государствеиного аппарата» [51].

Гнтлеровскому аппарату насилня удалось полностью сокрушить органнзованную буржуазную оппознцию в страие. После провала заговора 20 нюля 1944 г. ннкакой оппозицни средн военщины н чииовничества уже не было. Гитлеровские фельдмаршалы н генералы поспешнлн заявить о своей лнчиой предаииостн Гнтлеру н об осуждеиин заговорщиков. Сразу же после провала покушення с заверениями в предаиности Гитлеру выступнли фельдмаршал фон Браухнч, фельдмаршал Модель, адмирал Редер, фельдмаршал Манштейн, фельдмаршал Руидштедт н миогие другне гнтлеровскне военачальиики.

Восстаиовив «порядок» в собствеиных рядах, то есть среди правящего лагеря Германии, фашнзм обрушнл невндаииый террор на своих нстнных классовых протнвннков — иа германских рабочих, на трудящнеся массы Германнн. Террористическая расправа с осиовиымн участннками заговора послужила для гестапо сигналом для иовых обшнрных акций, иаправлеииых против подлнниого антифашистского двнжения в Германии. Во всех концен-

[50] «Der Angriff», 23. Juli 1944.
[51] «Völkischer Beobachter», 13. Nov. 1944.

трационных лагерях и тюрьмах происходили массовые казни антифашистов. Новая волна арестов прокатилась по всей стране.

* * *

В исторической литературе, посвященной заговору, весьма подробно обсуждался вопрос о том, каковы причины провала заговора 20 июля 1944 г. При этом внимание исследователей привлекали два обстоятельства: легкость, с которой гитлеровцам удалось справиться с попыткой совершить «дворцовый переворот», несмотря на длительную и тщательную его подготовку, и безропотность, с которой заговорщики восприняли фашистские карательные меры, отсутствие с их стороны всякой попытки спасти положение, организовать какие-то контрдействия.

Многие исследователи объясняют неудачу заговора малочисленностью заговорщиков, недостаточно широким распространением заговора. Этим они, собственно говоря, повторяют основной тезис геббельсовской пропаганды, которая беспрерывно твердила о том, что заговорщики представляли лишь «узкую клику предателей».

Анализ заговора говорит о том, что такое объяснение упрощает истинное положение вещей. В действительности заговор охватил широкие круги правящего лагеря Германии, большой круг лиц, принадлежавших к различным прослойкам общества. Шлабрендорф писал: «Существовало множество кругов, которые часто переплетались друг с другом»[52]. Пехель составил подробный список участников заговора 20 июля, который включал выходцев из самых различных прослоек германского общества[53]. Участник заговора социал-демократ историк Эмиль Хенк писал о существовании «широкой сети» заговорщиков, которая охватывала якобы всю Германию. Он заявлял, что лишь в одном сельскохозяйственном округе в юго-западной Германии в заговоре были замешаны 10—15 тыс. человек[54]. Бонхефер во время переговоров с епископом Чичестерским в Стокгольме в мае 1942 года сообщил, будто заговорщики обладали широкой сетью связных, которые осуществляли контроль

---

[52] E. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, S. 41.
[53] R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 71—113.
[54] E. Henk, Die Tragödie des 20. Juli 1944, Heidelberg, 1946, SS. 48—51.

«над ключевыми позициями в таких городах, как Берлин, Гамбург, Кёльн»[55].

Таковы лишь некоторые свидетельства самих участников заговора, говорящих о его широком распространении.

Факты говорят о том, что в 1944 году значительные слои германской буржуазии и юнкерско-помещичьих кругов искали выхода из безнадежного военно-политического положения фашистской Германии на путях «дворцового переворота» такого типа, какой был организован, например, в августе 1943 года в Италии маршалом Бадольо. В устранении Гитлера, несомненно, были заинтересованы и многие из тех людей, которые раньше в решающей мере способствовали его выдвижению, то есть многие представители монополистического капитала.

Но всякие политические действия имеют свою логику. Призвав фашистов к власти, германская монополистическая буржуазия неразрывно связала свою судьбу с их кровавыми террористическими методами как внутри страны, так и во вне, с их разбойничьей, агрессивной внешней политикой. Нацисты могли учредить свою диктатуру над Германией лишь по велению германских монополистов, благодаря их финансовой и политической поддержке.

Однако, когда фашистская диктатура создала свой гигантский бюрократический аппарат, свою службу насилия и террора, свои осведомительные центры и шпионскую сеть, не так просто было избавиться от Гитлера.

Все то, что всегда служило целям защиты классовых интересов монополистической буржуазии — подавление ее противников из числа трудящихся, — в определенный момент могло оказаться направленным против той части в самом буржуазном лагере, которая во имя спасения монополистического господства в целом намеревалась пожертвовать фашистским диктатором и его партией. История дает нам немало примеров подобного рода. Господствующие классы отнюдь не всегда оказываются способными справиться с теми духами, которых они сами же вызвали. Подобного рода положение создалось и в фашистской Германии в конце войны. Промышленники и финансисты, помещики и торговцы, которые считали, что фашизм не только укрепит их власть над собственным народом, но и принесет им господство над всеми другими

[55] «Contemporary Review», Okt. 1946, p. 203.

народами, обнаружили вдруг, что он привел их на грань катастрофы. Но отделаться от Гитлера, которого они всегда рассматривали как свое слепое орудие, было уже слишком поздно. Фашистский режим, государственная власть фашизма приобрели уже определенную независимость.

Оппозиционная часть правящих классов Германии оказалась неспособной справиться с Гитлером. Для того чтобы свергнуть гитлеровское господство, ей нужно было бы апеллировать к массам, опереться на восставший народ. Руководители заговора, представлявшие в своем большинстве германскую буржуазию, помещичий класс, предпочли методы «дворцового переворота»; они боялись обратиться к массам, хотели действовать за их спиной.

Именно этот верхушечный и антидемократический характер заговора обрекал в обстановке кровавой фашистской диктатуры на неудачу любую попытку вновь «загнать в бутылку» дух гитлеризма, несмотря на то что подобные стремления охватили весьма широкие круги правящего лагеря Германии к концу войны. Вот в чем кроется главная причина провала заговора 20 июля 1944 г.

Инициаторы планов «дворцового переворота» не сумели даже вовлечь в заговор более широкие военные круги и, хотя делали ставку на военный переворот, установили контакт лишь с руководящими кругами офицерства, которые были тесно связаны с гитлеровской верхушкой. Один из участников заговора — доктор Рейтер, коснувшись этого вопроса, справедливо отмечал: «Интересы профессионального офицерства слишком тесно были связаны с жизнью или смертью третьей империи, чтобы оно могло такой ценой (т. е. ценой ликвидации фашистского режима. — *Д. М.*) восстановить справедливость и добропорядочность»[56].

Рейтер заявил, что важнейшей причиной неудачи заговора явилось то, что «генералы слишком поздно и слишком нерешительно оказали поддержку основной движущей силе — гражданским участникам заговора». Но это явно не соответствует действительности, ибо, как мы показали, гражданские участники заговора были отнюдь не менее нерешительными и непоследовательными, чем

[56] «Die Wandlung»,Heidelberg, Juli 1946.

сами генералы. Дело в том, что весь заговор в целом проходил изолированно от тех сил, которые могли бы возглавить дело борьбы с гитлеровским режимом, — от организованного антифашистского движения.

Германская буржуазия осталась верна своим антинародным, контрреволюционным традициям. Даже те представители ее, которые поняли в конце войны, что Гитлер ведет Германию к гибели, предпочли национальную катастрофу развязыванию инициативы масс, обращению к народу, установлению контакта с активными силами антифашистского Сопротивления в Германии. Заговор 20 июля 1944 г. с этой точки зрения явился ярким показателем антинационального характера программы даже той части правящего лагеря Германии, которая искала выхода из тупика, в который завел страну фашистский диктатор.

Глава шестая

РАЗВАЛ ГИТЛЕРОВСКОГО ТЫЛА. ПОБЕДА СВОБОДОЛЮБИВЫХ НАРОДОВ НАД ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ

1. Гитлеровский тыл в последние месяцы существования фашистского режима

Заговор 20 июля 1944 г. показал, что поражения гитлеровских войск иа Восточиом фроите потрясли правящий лагерь Германии и привели к глубокому «кризису верхов» фашистского рейха. Карательиые меры, предпринятые против заговорщиков, не смогли, разумеется, ликвидировать этот кризис, ибо причииы, породившие его, не только остались, но еще зиачительио углубились. Но, иесмотря иа то что изоляция фашистской верхушки возросла, она смогла иовыми крутыми террористическими мерами еще больше сосредоточить власть в своих руках и тем самым продлить свое существование.

На протяжении второй половины 1944 года все усилия гитлеровского руководства были иаправлены иа проведение новых широких мобилизациоииых мероприятий, при помощи которых оио надеялось добиться хотя бы передышки на фроите и получить время для перегруппировки своих сил. Но эти надежды ие оправдались. 23 января 1945 г. Красная Армия вышла к Одеру и с боями начала продвигаться в глубь Германии.

Дни гитлеровской Германии были сочтены. Началась агония фашистского рейха. Однако период агоиии затянулся почти иа целых четыре месяца. Гитлеровцы продолжали войну, хотя положение Германии было совершеиио безиадежным и продолжение сопротивления — бессмыслеииым.

25 июля 1944 г. Гитлер изначнл специальиым приказом Геббельса иа пост «нмперского комиссара по тотальной мобилнзацнн». 26 июля Геббельс выступил по германскому радно с призывом мобнлнзовать «последиие снлы» для ведення «тотальиой войны». Ои хвастливо обещал «высвободить по всей стране так миого рабочих рук для фроита н для военной промышленностн, что не будет слншком сложиым делом справнться со всемн трудностямн, возннкающнми время от времени в любой войне» [1].

Как всегда, эти призывы н обещаиня сопровождалнсь угрозами по адресу немецкого населення. В своей статье «Зиамя веры» в очередном номере «Дас Рейх» после своего изначення «нмперским комиссаром по тотальной мобнлизацин» Геббельс пнсал: «Каждый, кто попытается уклоннться от своих обязанностей н труда, будет рассматрнваться как измеиинк родины. Тот же, кто окажет таким людям содействне, будет рассматриваться как пособинк н соучастиик преступиого дезертирства. Отныие объявлен иовый курс и повеял резкий и свежий ветер» [2].

12 августа Геббельс принял «руководнтелей германского хозяйства» и объявнл о новых мероприятиях по тотальной мобнлизации. Но общий итог этих мобилизацнй был довольно мизерный — в армию удалось мобилизовать всего около 300 тыс. человек, что ин в коей мере не могло восполиить потери, понесеииые Германней.

В справке о потерях в личиом составе германских войск и пополиениях армнн за пернод с августа по октябрь 1944 года, составленной главным командоваиием сухопутных войск Германии (ОКХ), имеются следующне цнфры [3]:

Потери	— 1189 тыс.
Пополнеиие	— 288 тыс.
Невосполнеииые потери	— 900 тыс.

В дальиейшем разрыв между цифрамн потерь и пополнений беспрерывно увеличнвался. Доиесеиня главного командовання сухопутных войск в ставку становнлись все более тревожиыми. Докладывая о состоянин дел за ян-

[1] «Völkischer Beobachter», 27. Juli 1944.
[2] «Das Reich», 6. Aug. 1944.
[3] См. «Поражение германского империализма во второй мировой войие. Статьи и докумеиты», М., 1960, док. № 9, стр. 262.

варь и февраль 1945 года, начальник организационного отдела ОКХ полковник Вендланд телеграфировал: «Сейчас сопоставление чистых пополнений с действительными цифрами потерь свидетельствует о том, что основная масса фронтовых соединений все более обескровливается.

Количество вновь сформированных и укомплектованных полевых подразделений, находящихся в армии резерва, очень незначительно по сравнению с имеющимися потребностями... Цифры потерь и пополнений за первую декаду марта говорят о том, что несоответствие между потерями и пополнениями еще больше возрастет в первый квартал 1945 года» [4].

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, в октябре 1944 года гитлеровцы оказались вынужденными прибегнуть к крайней мере — к созданию так называемого «фольксштурма» («народного ополчения»). Издание приказа о создании фольксштурма явилось свидетельством того, что возможности проводить мобилизацию в армию нормальным путем почти иссякли. Мобилизация кадров из промышленности и других отраслей народного хозяйства стала настолько затруднительной, что гитлеровцы решили бросить в бой стариков, инвалидов и подростков.

Распоряжение о создании фольксштурма было издаио Гитлером 18 октября 1944 г. Согласно этому распоряжеиию, мобилизации подлежали все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Новые войска были предназначены для «обороны» непосредственно тех районов, в которых проживали члены фольксштурма. Руководителями отрядов фольксштурма были назначены функционеры нацистской партии. Ответственным за создание, обучение и осиащение «народного ополчения», то есть фактически руководителем фольксштурма, был назначен Гиммлер. В областях и районах ополчением руководили гаулейтеры и крейслейтеры. Средний и низший командный состав вербовался из числа штурмовиков, эсэсовцев, активных членов национал-социалистского моторизованного корпуса и союза гитлеровской молодежи.

В иачале 1945 года состав фольксштурма был еще расширен за счет женщин. 12 февраля 1945 г. «руководитель партийной канцелярии» Борман, который отвечал за по-

[4] См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», М., 1960, док. № 10, стр. 264.

литическое воспитание ополченцев, обратился к женщинам и девушкам Германии с призывом принять участие во «вспомогательной службе фольксштурма». Этот призыв явился началом кампании по мобилизации женщин в «народное ополчение».

В фольксштурме была объединена вся активная мужская часть населения, оставшаяся в тылу. Это означало, что, установив жесткий военно-политический контроль над членами «народного ополчения», гитлеровцы могли наиболее эффективным образом противодействовать всяким внутриполитическим выступлениям, направленным против фашистского режима. Вместе с тем гитлеровское руководство хорошо понимало, какую опасность могли бы представить эти частично вооруженные миллионные массы народа, если бы гитлеровцы потеряли над ними контроль. Поэтому политический надзор над новыми формированиями являлся важнейшей внутриполитической задачей, стоявшей перед руководством нацистской партии. Гитлеровцы рассчитывали, что отряды «народного ополчения» могут быть использованы в качестве вспомогательной полиции в тылу и в качестве силы, которая в нужное время могла бы быть противопоставлена деморализованным армейским частям на фронте. В передовой статье «Фелькишер Беобахтер» от 19 октября были сформулированы намерения гитлеровцев использовать отряды фольксштурма в качестве своего рода дополнительных полицейских сил. «Фольксштурм, — писала газета, — может быть включен в различные организации, которые должны гарантировать порядок и возможность беспрепятственной работы в германском тылу... Далее, фольксштурм сможет взять на себя функции полиции, жандармерии, ПВО, пожарной охраны или во всяком случае сможет оказать широкую поддержку этим организациям»[5].

Гитлеровцы приняли также меры к тому, чтобы подчинить неограниченному контролю нацистской партии и другие военизированные организации. В конце августа 1944 года была подчинена «имперскому руководству национал-социалистской партии» вся противовоздушная оборона страны. Согласно специальному приказу Гитлера, «имперское объединение ПВО», которое раньше подчинялось верховному командованию военно-воздушных сил,

[5] «Völkischer Beobachter», 19 Okt. 1944.

было объявлеио «примыкающей к нацнонал-социалнстской партии оргаиизацней». Руководство ПВО было прямо подчннено «партийной канцелярии» (т. е. Борману, который занимал пост руководнтеля партийной канцелярии); руководители ПВО иа местах подчннялись гаулейтерам.

Радикальиые меры былн прнняты Гиммлером в резервной армнн. После своего назначення командующнм резервной армией Гнммлер нздал приказ, в котором сформулнровал задачу «превращеиия резервной армнн в национал-соцналнстскую организацию». «Мы задалнсь целью,— говорилось в прнказе,— своими действнями и достижеииямн смыть позор 20 июля и превратнть резервную армию в нацнонал-соцналистскую армню фюрера и его империи» [6].

Весь командиый состав резервиой армнн был смеиеи. Командирамн частей резервной армни былн назначеиы старые эсэсовцы. Резервиая армня, по существу, превратилась в филиал СС. Перед ней была поставлена новая задача — предотвращение возможиых «виутреинних беспорядков», главиым образом со стороиы иностранных рабочнх.

Накоиец, гитлеровское руководство приияло решительиые меры к подчинению иацистской партии самой армни. В коице 1944 года воинское приветствие в немецкой армии было замеиеио нацнстскнм — поднятнем руки. За иарушение приказа о примеиенни нацистского приветствия в армии были введены строгие наказання. В начале 1945 года был нздаи прнказ Гиммлера в качестве комаидующего резервной армией о новом порядке присяги в германской армии — в текст прнсягн былн включены слова о «вериости нацнонал-соцнализму». Присягу принимали ие воеииые иачальники, а местиые руководители нацистской партии. Нацистским партийиым оргаиизациям было поручеио выполиеиие следующих задач, которые раиьше выполиялись верховиым комаидованием германских вооружениых сил: прочесывание предприятий для высвобождеиия рабочей силы и мобилизации освободнвшихся рабочих в армню; коитроль над проведением очередных прнзывов соответствующнми воеииыми инстанциямн; проведенне мобилизации в фолькс-

[6] «Völkischer Beobachter», 3. Aug. 1944.

штурм; проведение мобилизации женщин во «вспомогательный женский корпус»[7]; организация строительства укреплений; принятие присяги от новобранцев.

Наряду с мерами по укреплению гитлеровской диктатуры внутри Германии нацистское руководство начало подготовку к перестройке фашистской партии применительно к условиям подпольной борьбы на занятых союзниками территориях и после поражения Германии.

1 апреля 1945 г. начались передачи гитлеровской радиостанции «Вервольф». Радиостанция выступила от имени организации «Вервольф», которая призывала немцев к подпольной борьбе на оккупированной союзниками территории: «Любое средство хорошо для того, чтобы достигнуть наших целей... Мы будем тем опаснее, чем меньше будем придерживаться устаревших представлений о так называемых общепринятых нормах ведения войны». Однако попытка создать широкое нацистское движение в тылу союзных армий потерпела неудачу. Гитлеровцы сумели сколотить лишь отдельные бандитские отряды, которые были быстро ликвидированы союзными военными властями.

Для подготовки к переходу нацистской партии в подполье Гитлер издал приказ от 8 апреля 1945 г. «О разграничении функций партийного и государственного аппарата». Нацистский партийный бюллетень «Националсоциалистише партайкорреспонденц» сообщил, что, согласно приказу Гитлера, «отменена существующая еще в округах личная уния между чиновниками государственного и партийного аппарата». Нацистский бюллетень пояснил, что приказ касается в первую очередь руководителей окружных нацистских организаций, выполнявших одновременно функции президентов ландтагов или обер-бургомистров и руководителей районных и местных организаций, занимавших, как правило, одновременно соответствующие государственные посты. Таким

---

[7] «Вспомогательный женский корпус» был создан приказом Гитлера от 4. XII. 1944 г. «в целях упорядочения мобилизации женщин в армию в качестве солдат». В корпус принимались женщины с 18 лет (формально на добровольных началах). Одновременно с этим приказом было издано распоряжение Гитлера о том, что военная подготовка молодежи (допризывная подготовка) возлагалась на гитлеровскую организацию «трудовой повинности». Отряды «трудовой повинности» были реорганизованы в воинские части, которые могли быть в любой момент брошены на фронт.

образом, речь шла о смеие всего иизового государствеиного аппарата, иасчитывавшего несколько десятков тысяч человек. «Национал-социалистише партайкорреспоиденц» мотивировал приказ Гитлера следующим образом: «Практика ведеиия войны иа гермаиской территории показала, что иевозможио, чтобы одио и то же лицо осуществляло партийные н государствениые фуикции» [8].

Однако в действительности дело заключалось совсем ие в этом. Приказ Гитлера от 8 апреля шел вразрез со всей предыдущей практикой гитлеровских властей, иаправлеииой иа полиое подчинеиие и уиификацию государствеиного аппарата иацистской партии. Он имел своей целью иасадить угодиых гитлеровцам людей в адмиинстративиом аппарате (показательио, что туда иазиачались только лица из «беспартийиого актива», ие скомпрометироваииые принадлежиостью к нацистской партии), создать такую местную адмнннстрацию, которая могла бы остаться иетронутой после оккупации Германии союзиыми войсками. Вместе с тем приказ Гитлера дал возможность иезаметно исчезиуть с политической ареиы нацистскнм функцнонерам [9].

Таковы были осиовные меры гитлеровцев во внутриполитической области. Оии дополнялись иовым разгулом фашистского террора и кампанией запугивания иаселеиия угрозой самых свирепых расправ.

В концеитрационных лагерях и тюрьмах фашистской Гермаиии в последиие месяцы войны происходилн массовые казни антифашистов — гибель фашистской империи сопровождалась потоками крови жертв иацистского террора. В концеитрациониом лагере Бухенвальд, в котором десятки тысяч заключенных были замучены эсэсовскими палачами, до коица войны дожили лишь около 30 тыс. человек, из иих 2 тыс. иемцев. В тюрьмах расстрелы совершали «особые команды СС», которые творили свои кровавые дела безо всякого суда и следствия. Происходили массовые казии солдат по приговорам военно-полевых судов по обвинению в дезертирстве и трусости.

---

[8] «Nationalsozialistische Parteikorrespondenz», 9. Apr. 1945.

[9] Этот маневр дал определенные плоды в Западной Германин, где оккупацнонные власти Англии и США во многих случаях сохраиилн административный аппарат, назначенный гитлеровцами в соответствии с приказом Гитлера от 8 апреля 1945 г.

Выступая на собрании «политического корпуса руководителей и офицерского корпуса» в ноябре 1944 года в Бреслау (ныне польский город Бреславль), президент «народного суда» Фрейслер особо подчеркнул задачу борьбы против «пораженчества». В отчете об этом собрании, опубликованном на страницах газеты «Ангрифф», излагалась его речь: «Необходимо всеми средствами бороться против пораженчества. В этой борьбе не может быть снисхождения по причинам физической или духовной слабости и болезни.., нация должна сама защитить себя от распространения эпидемии пораженчества» [10].

Нацистские газеты того времени полны сообщений о смертных приговорах, вынесенных за «пораженчество», «неповиновение» и т. п. 21 июля 1944 г. газета «Нейес Винер Тагеблатт» поместила заметку о вынесении смертного приговора мюнхенскому служащему Антону Вафлеру за то, что он со своими подчиненными в течение длительного времени вел «пораженческие разговоры» [11]. Газета «Фронт унд Хаймат» опубликовала сообщение о смертном приговоре одному выходцу из Рейнской провинции, работавшему в Польше. «Он заявил,— говорилось в приговоре,— что иностранная оккупация была бы более терпимой, чем эта война...».

Такими настроениями были охвачены не только чиновничьи круги, но и часть промышленников. Газета «Гамбургер Фремденблатт» опубликовала 27 ноября 1944 г. приговор крупному гамбургскому промышленнику, настроения которого в точности совпадали с настроениями упомянутого выше среднего чиновника. «Доктор Альберт Вилль,— говорилось в сообщении «Гамбургер Фремденблатт»,— 48 лет, генеральный директор индустриального концерна в Гамбурге, на одном из заседаний совета высказался в резко пораженческом духе в отношении наших военных перспектив и прочности германской валюты, а также настроения германских рабочих, причем он подверг сомнению готовность германских рабочих к трудовым подвигам... Народный трибунал приговорил Вилля... к смертной казни. Приговор приведен в исполнение» [12].

В немецкой провинциальной печати сообщалось о

---

[10] «Der Angriff», 21. Nov. 1944.
[11] «Neues Wiener Tageblatt», 21. Juli 1944.
[12] «Hamburger Fremdenblatt», 17. Nov. 1944.

стремлеиии миогих иемцев отмежеваться от фашистской партии. Газета «Мемельвахт», иапример, сообщала: «Сельский хозяии Рихард Регат из Меклеибурга должеи был предоставить в распоряжеиие властей двух польских рабочих; ои отказался, мотивируя это тем, что иациоиал-социалистская партия иичего ему ие может приказать» [13]. Еще более яркий пример привела газета «Аллеиштайиер Цайтуиг»: «Торговец Эрих Галловский из Торгау заявил, что ои ие стаиет выполиять приказ о мобилизации, так как воеииые власти его освободили от мобилизации, а с иациоиал-социалистской партией ои иичего общего иметь ие хочет» [14].

Начииая с середииы 1944 года гитлеровская печать гораздо более широко, чем раиьше, иачала публиковать смертиые приговоры имеиио за прямые аитифашистские выступлеиия. «Аигрифф» 16 июия сообщила: «Рабочий Виктор Кролль иа пути к своему месту работы иеодиократно делал в публичиых местах враждебиые иароду надписи. Народиый суд приговорил его к смертиой казни» [15]. «Дейче альгемайие Цайтуиг» опубликовала смертиый приговор иекоему Рихарду Пейккерту за то, что ои «в киио во время демоистрации фильма вел провокациоииую агитацию, которую слышали все посетители кино» [16].

В середиие 1944 года в газете «Фроит уид Хаймат» было опубликоваио иитервью Фрейслера о «самом сущестеииом деле, которое за последиее время разбирал иародиый суд»,— о деле представителей иителлигеиции, выступивших с программой свержеиия фашизма и устаиовлеиия демократического строя в Германии. «Участиики,— говорилось в иитервью,— ие являлись коммуиистами, а представляли демократическую иителлигеицию (в том числе одии профессор, учеиый и архитектор). Четыре человека составили иациональиый комитет и выработали правительствеииую программу. Чтобы завербовать себе стороиииков для проведеиия своей политики междуиародиого сотрудиичества, оии решили обратиться к иаиболее подходящим для этого элемеитам среди иностраииых ра-

---

[13] «Memelwacht», 14 Aug. 1944

[14] «Allensteiner Zeitung», 27. Juli 1944.

[15] «Der Angriff», 16. Juli 1944.

[16] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 15. Oct. 1944.

бочнх. Они действительно сумелн установить связь с 60 иностранцами...»[17].

Германское радио н немецкие газеты все чаще сообщалн о расстрелах высшнх гитлеровских чиновников. 30 января 1945 г. берлннская радностанция передала следующее сообщенне: «По прнказу гаулейтера Ганке отряды фольксштурма расстреляли за трусость у памятннка Фрндрнха Велнкого у здання Бреславльской ратушн второго бургомнстра Бреславля Шпнльгагена». 6 февраля последовало сообщенне о расправе с высшнмн чиновниками Бромберга. «Гнммлер передал полевому суду,— говорнлось в сообщеннн,— полнцей-презндента Бромберга фон Залнша, который прнговорен к смертной казнн... Разжалован н направлен в исправительный батальон регнрунгсрат Бромберга Кюн, бургомнстр города Эрнст н окружной руководнтель национал-соцналнстской партин Ромм». Газета «Фелькншер Беобахтер» 10 февраля напечатала следующее сообщенне: «Бургомистр Кеннгсберга (область Неймарк) Курт Флетер приговорен военно-полевым судом в Шведте к смертной казни. Приговор приведен в нсполненне»[18].

18 марта сообщенне о казнях было включено в очередную сводку верховного командования вооруженных сил. В сводке сообщалось: «Приговорены к смертной казни майор Штребель нз штаба саперного полка, майор Шнеллер — адъютант армейского корпуса, старший лейтенант Петерс — командир части зеннтной артиллерии, приданной для охраны Рейнского моста у Ремагена, и заочно капнтан Братке — военный комендант Ремагена, не взорвавшие своевременно мост через Рейн у Ремагена н не органнзовавшне его оборону... Прнговор немедленно прнведен в исполненне». 1 апреля было сообщено о казнн военно-полевым судом бургомистра Аахена.

Все этн казни совершались спецнально созданными в конце января военно-полевыми судами фольксштурма. Сообщение о созданнн этих судов появилось в германских газетах лнщь 28 марта. Верховнымн судьямн этих судов были назначены гаулейтеры. Суды фольксштурма разбнралн «в ускоренном порядке» все дела, которые подлежалн раньше вéденню военных трнбуналов. Таким

[17] «Front und Heimat», 14. Juni 1944.

[18] Речь идет о иебольшом провинциальном городке в центральной части Германии.

образом, нацистская партия была наделена также и высшей судебной властью.

Предсмертная агония гитлеровской империи носила такие же отвратительные, кровавые формы, как и ее рождение. Гитлеровский режим стремительно летел в пропасть, пытаясь увлечь за собой как можно большее число немцев.

Коммунистическая партия Германии неустанно разъясняла населению, что в этот ответственный час на карту поставлено само существование германского народа, что Гитлер хочет увлечь за собой в могилу всю немецкую нацию. КПГ призывала немецкий народ с оружием в руках восстать против гитлеровского режима. В обращении к немецкому народу по радиостанции «Свободная Германия» Вальтер Ульбрихт сказал: «Каждый борец против гитлеровского режима должен сейчас пытаться получить в свои руки оружие любым путем. Антифашисты, создавайте свои добровольческие отряды! Устанавливайте связь с иностранными рабочими и военнопленными! Освобождайте с оружием в руках дорогу для истинного „фольксштурма", для восстания народа, для освобождения городов и деревень от нацистских банд... Для каждого немца, любящего свою Родину, существует ныне один лишь лозунг: „Обратим оружие против Гитлера! Смерть нацистским бандам! Да здравствует народная борьба за новую, демократическую Германию!"» [19].

В ряде городов и населенных пунктов коммунисты смогли поднять жителей на борьбу против нацистского режима. В некоторых районах были созданы добровольческие отряды, оказывавшие помощь наступавшим советским войскам. Под руководством Коммунистической партии сплачивались демократические силы, полные решимости создать новую, подлинно демократическую Германию.

2. Разгром гитлеровской армии и крушение фашистского государства

В середине апреля 1945 года началась завершающая операция советских войск по взятию Берлина.

[19] W. Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, B., 1954, SS. 377—378.

На берлииском иаправлеиии гитлеровское комаидоваиие сосредоточило 56 пехотиых дивизий, 7 таиковых, 9 моторизоваииых, 4 артиллерийских корпуса и миого других армейских соедииеиий и групп. В общей сложности берлииская группировка гитлеровской армии иасчитывала около миллиоиа человек, 8 тыс. орудий и миометов, более 1200 таиков и штурмовых орудий и 3300 самолетов.

Перед советскими войсками в райоие Берлииа была поставлеиа задача — осуществить разгром этой мощной группировки германских вооружеииых сил.

Наступлеиие советских войск против мощиой берлииской группировки гитлеровской армии иачалось 16 апреля 1945 г. К 25 апреля выходом советских войск западиее Потсдама было закоичеио окружеиие берлииской группировки гитлеровских вооружеииых сил. В этот же день советские войска вышли в райоие Торгау иа западиый берег реки Эльба, где встретились с америкаискими войсками. Таким образом, гермаиская территория и фашистские вооружеииые силы оказались рассечеиными иа две изолироваииые друг от друга части. Обречеииость иемецко-фашистских войск стала совершеиио очевидиой.

В Берлиие иачались тяжелые уличиые бои. Советские войска иеудержимо продвигались к центру, к месту, где глубоко под землей иаходилась резидеиция Гитлера — фашистская имперская каицелярия. 28 апреля берлииская группировка иемецко-фашистских войск была раздроблеиа иа три части, изолироваииые друг от друга, и гитлеровское комаидоваиие лишилось возможиости управлять своими войсками. 30 апреля произошло историческое событие, озиамеиовавшее коиец фашистской империи: иад гитлеровским рейхстагом было водружеио советское зиамя победы. 2 мая иемецкие войска прекратили сопротивлеиие. Этим фактически был завершеи разгром иемецко-фашистской армии.

Что же происходило в эти последиие иедели существоваиия фашистской империи в гитлеровской ставке, как вела себя верхушка гитлеровского рейха?

Фашистское руководство перед иемииуемой катастрофой было одержимо лишь одиой мыслью: любыми способами и средствами продлить свое существоваиие, отдалить срок возмездия. Ради этого оио было готово превратить всю Гермаиию в пустыию, послать иа бессмыслеииую гибель миллиоиы иемцев. В последиие месяцы войиы

фашистским командованием были изданы многочисленные приказы, повелевавшие «держаться до конца», угрожавшие расстрелом каждому, кто помышлял о капитуляции. Когда бои развернулись на немецкой территории, Гитлер приказал применить при отступлении тактику «выжженной земли». Населению было приказано отходить вместе с войсками на Запад.

19 марта 1945 г., когда советские войска уже значительно продвинулись в глубь Германии, был издан приказ Гитлера, в котором предписывалось: «1. Все предприятия связи, транспорта, снабжения и промышленности военного характера, равно как и все имущество, которое может использовать враг в ближайшее время или в будущем, должны быть уничтожены. 2. Ответственность за проведение соответствующих мер возлагается на военные органы, гаулейтеров и имперских комиссаров обороны... Войска должны оказать необходимую помощь гаулейтерам и имперским комиссарам в проведении этих задач. 3. Этот приказ должен быть как можно быстрее доведен до сведения всех воинских начальников; любые указания, противоречащие этому приказу, теряют силу» [20].

13 апреля 1945 г. был обнародован приказ, подписанный Кейтелем, Гиммлером и Борманом, согласно которому все города восточнее Берлина, вплоть до Одера, объявлялись «крепостями». Они должны были обороняться «до последнего» и не имели права «сдаваться врагу» даже в самой безнадежной ситуации [21]. Столица Германии Берлин также была объявлена «крепостью». «Имперским комиссаром обороны» Берлина был назначен Геббельс, комендантом города — генерал СС Рейман.

Представление о том, как проводились эти приказы гитлеровских вожаков в жизнь, дает книга Иоганнеса Мюллера «Падение в пропасть», которая посвящена положению в Германии в последние месяцы войны. Книга вышла в городе Оффенбахе-на-Майне (Западная Германия) в 1947 году. Она написана под непосредственным впечатлением от событий, происходивших в канун гибели гитлеровской империи, свидетелем которых был автор: «Тупо и бессмысленно — в момент, когда войска союзни-

[20] Цит. по W. Bartel, Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur, S. 251.

[21] См. «Völkischer Beobachter», 13. Apr. 1945.

ков уже далеко продвинулись в глубь рейха, — руководители (гитлеровской Германии.— *Д. М.*) продолжали военные действия в Саксонии, Силезии, Баварии, Тюрингии, в самом сердце Германии. Здесь, внутри Германии, где сопротивление превратилось в полную нелепость, война продолжалась до самого горького конца лишь из-за позорного лозунга „Не капитулировать!"... Здесь в самые последние часы с яростью разрушались дороги, взрывались мосты, ломались железнодорожные пути. Было ясно, что народ должен будет горько расплачиваться за эти разрушения после войны, и все же: „Не капитулировать!", „Победа или смерть!"»[22].

Так, накануне гибели преступного гитлеровского режима особенно отчетливо проявились все присущие ему черты: кровавый террор и садизм, превращение массового уничтожения людей в постоянно и почти автоматически действующую систему, панический страх перед расплатой за совершенные злодеяния.

Весной 1945 года уже никто, даже в самой гитлеровской верхушке, в победу не верил. Но у фашистского руководства существовал все же определенный, хотя и абсолютно иллюзорный, политический расчет. Они строили свои планы исходя из того, что еще до конца войны смогут добиться раскола антигитлеровской коалиции и вступить в сговор с английскими и американскими правящими кругами на антисоветской основе. Их усилия до поры до времени были направлены на то, чтобы добиться у западных держав отмены требования «безоговорочной капитуляции» и тем самым расчистить дорогу для компромиссного мира с Англией и США.

К концу войны в этом направлении значительно активизировала свою деятельность фашистская дипломатия. Зондированием почвы о возможности сепаратного мира занялись уже непосредственно фашистские главари — Гитлер и Риббентроп. По поручению Риббентропа были предприняты меры по установлению контактов с представителями западных держав: в Ватикане — через немецкого посла Вейцзекера, в Лиссабоне — через принца Эгона фон Гогенлоэ-Лангенбурга и в Стокгольме — через Стиннесов.

---

[22] J. Müller, Sturz in den Untergang, Offenbach am Main, 1947, SS. 100—101.

Когда оказалось, что западные державы не намерены отказаться от требования «безоговорочной капитуляции», большинство фашистских руководителей взяло курс на осуществление «сепаратной капитуляции» на Западе.

С этой целью гитлеровское руководство вступило в прямые переговоры с Алленом Даллесом и через него — с американским правительством. Уполномоченным гитлеровского правительства во время переговоров был обергруппенфюрер СС Карл Вольф, бывший начальник личного штаба Гиммлера, а с конца 1944 года представитель СС при армейской группе «Ц» в Италии. 6 февраля 1945 г. Вольф был вызван в Берлин и принят Гитлером в его резиденции в имперской канцелярии. В беседе приняли участие Риббентроп, фон Хавель (уполномоченный министерства иностранных дел при ставке Гитлера) и Фегелейн (уполномоченный СС при ставке Гитлера) [23]. Вольфу было поручено вступить в контакт с Даллесом и предложить ему условия перемирия между германскими и англо-американскими войсками в Италии. Условия заключались в следующем: немецкие войска отказываются от разрушения промышленных объектов на севере Италии, на всем итальянском фронте прекращаются военные действия, все войска группы «Ц» получают возможность эвакуироваться в Германию.

19 марта 1945 г. состоялась встреча Вольфа с военными представителями союзников в маленьком швейцарском городке Аскона. Вольфу было сделано предложение распространить условия капитуляции войск группы «Ц» на весь Западный фронт. Расчеты, которые связывали реакционные круги США и Англии с этим планом, выдал Черчилль в своих мемуарах. «Частичная капитуляция на юге,— писал он,— открывала... перед нашими войсками возможность... продвинуться до Вены и далее, даже до Эльбы или Берлина» [24].

Конец всем этим закулисным интригам был положен протестом Советского правительства, до которого дошли сведения о ведшихся в Швейцарии переговорах.

После этого переговоры прекратились. Новая попытка гитлеровского руководства вбить клин между союзни-

---

[23] E. Kuby, Das Ende des Schreckens, München, 1955, S. 106.
[24] W. S. Churchill, The Second World War, L., 1954, Vol. VI, p. 387.

ками, объединившимися для борьбы с фашистской Германией, провалилась.

Пестрая компания, составлявшая непосредственное окружение Гитлера и спрятавшаяся с ним в подвалах имперской канцелярии, все еще жила надеждами на разлад в лагере союзников, на конфликт между Советским Союзом и англосаксонскими странами. Когда 12 апреля 1945 года в имперской канцелярии было получено известие о смерти Рузвельта, это вызвало у Гитлера, по свидетельству лиц из его охраны, приступ бурного ликования: он считал, что смерть Рузвельта будет способствовать разладу между союзниками. Геббельс поздравил Гитлера с полученным известием о смерти Рузвельта и сказал ему, что день 12 апреля войдет в историю как «поворотный пункт» в ходе войны. Точно так же были встречены просочившиеся в имперскую канцелярию сведения о резко антисоветских настроениях и действиях Черчилля.

Гитлер и его окружение, засевшие глубоко под землей, давно уже потерявшие всякое представление о реальной обстановке, оторванные от внешнего мира, продолжали строить фантастические планы и оперировать фантастическими дивизиями и тогда, когда бои вплотную придвинулись к имперской канцелярии и толстые подземные стены ее сотрясались от артиллерийской стрельбы.

С маниакальным упорством Гитлер твердил, что если удастся продержаться достаточно долго, то неизбежно произойдет раскол коалиции СССР, Англии и США и Германия выиграет войну. Все силы были брошены на то, чтобы продержаться. Как видно из дневника верховного командования вооруженными силами (ОКВ), 21 апреля Гитлер утвердил решение о том, чтобы повернуть войска Западного фронта и бросить их на защиту Берлина. 24 апреля штаб оперативного руководства ОКВ издал приказ об использовании «всех наличных сил» для борьбы против Красной Армии, невзирая на «сдачу англо-американцам большой территории»[25].

Большие надежды Гитлер возлагал также на так называемую «армию Венка», действовавшую в районе Эльбы, получившую приказ прорвать кольцо окружения Берлина и соединиться с оборонявшей Берлин 9-й арми-

[25] См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», стр. 273.

ей. 25 апреля началось наступлеиие армни Венка на Берлнн, ио она была разбнта в 12 *км* от Потсдама, так н не достигиув Берлнна.

Обстановку в нмперской канцелярин весьма красочно описал бывший комаидующнй обороиой Берлнна генерал Вейдлинг. Во время его переговоров с советскнм командованнем о капнтуляцни Берлнна в иочь с 1 на 2 мая ему был задаи вопрос: «Каково было состоянне Гнтлера в последнне днн!». Вейдлниг ответил: «24 апреля я увидел Гитлера (до этого я встречался с ннм в последннй раз в прошлом году) и был поражен его вндом. Передо миой сидела развалнна: голова у иего болталась, рукн дрожали, голос был иевиятный и дрожащнй. С каждым днем его внд стаиовился все хуже н хуже. 29 апреля в своем последием докладе Гитлеру я заявнл: «Мой фюрер, как солдат я должен сказать, что нет больше ннкакой возможности защнщать Берлии и Вас. Может быть, есть еще возможиость для Вас выбраться отсюда...». Он ответил: «Бесцельио выбираться. Мои приказы ведь все равио ннкем ие выполняются...». При этом прнсутствовалн Кребс (иазиачеииый Гитлером незадолго до этого иачальником геиеральиого штаба.— *Д. М.*), адъютаит Гитлера генерал пехоты Бургдорф, Геббельс и Борман.

Гитлер строил совершеино несбыточные планы. Еще 25 апреля он заявил мне: «Положенне должно улучшиться; 9-я армия подойдет к Берлнну н нанесет удар по протнвнику вместе с 12-й удариой армней генерала Веика, которая должна подойтн с юго-запада! Этот удар последует по южному флангу наступающих на Берлнн русских войск. С севера подойдут войска под командованнем Штейнера н нанесут удар по северному крылу русскнх. Эти удары должны изменнть положенне в нашу пользу...»

Для меня было ясно, что это неосуществнмо. 9-я армня вела тяжелые бои в окруженнн. Армня генерала Венка к тому времеии была обескровлена. Я ие вернл также в налнчне войск у Штейнера».

Генерал Вейдлниг добавнл: «У меня сложилось впечатленне, что Гитлера в последнюю мннуту покинулн все, за нсключеиием Геббельса» [26].

---

[26] См. «Поражение германского империализма во второй мировой войие. Статьи и докумеиты», стр. 277.

Действительно, процесс разложения гитлеровской верхушки в эти дни достиг своего апогея. Даже такой защитник немецкого милитаризма, каким является западногерманский историк Вальтер Герлиц, не мог воздержаться от презрительных замечаний, описывая позорный конец фашистского рейха. «Высшие руководители партии и государства,— писал он,— вели себя как ожидающие своего ареста члены банды гангстеров, когда каждый пытается спасти свою шкуру»[27].

Полный хаос воцарился в имперской канцелярии. Оттуда начали понемногу удирать приближенные фюрера.

Первым исчез личный врач Гитлера Морелль. Лейбмедиком Гитлера был назначен эсэсовский хирург Штумпфеггер. Генерал авиации Риттер фон Грейм улетел вместе с личной летчицей Гитлера Ганной Рейш. Бежал, но был пойман и расстрелян в саду имперской канцелярии Фегелейн. Представитель Риббентропа в ставке — Гевейн также убежал из имперской канцелярии. Гевейну удалось добраться только до пивной «Шультгейсбрейерей», где он застрелился[28].

Все это было уже в последних числах апреля... В это время в имперскую канцелярию беспрестанно поступали сведения о том, что главные фашистские политики за пределами Берлина делали последние попытки спастись в одиночку.

Мысль о том, что для достижения сепаратного сговора с западными державами следует отделаться от фюрера, — мысль, которую пытались осуществить заговорщики путем организации покушения на Гитлера, завладела теперь умами ряда руководителей гитлеровской империи. В роли организаторов «дворцового переворота» выступили наиболее верные Гитлеру сатрапы.

23 апреля Геринг направил Гитлеру радиограмму, в которой потребовал, чтобы он сложил с себя функции главы государства и передал бы власть ему, Герингу, как «законному преемнику», в соответствии с указом, который был обнародован Гитлером в рейхстаге 1 сентября 1939 г. О впечатлении, которое произвела на Гитлера радиограмма Геринга, рассказал адъютант Гудериана,

[27] W. Görlitz, Der deutsche Generalstab, S. 658.
[28] См. E. Kempka, Ich habe Hitler verbrannt, München, 1950; G. Boldt, Die letzten Tage der Reichskanzlei, Hamburg, 1947; G. Riess, Goebbels. Eine Biographie, Zürich, 1949.

бывшего начальника генерального штаба фашистской армии, Болдт. «Это сообщение поразило Гитлера подобно удару дубинкой. Сначала он плакал, как ребенок, затем бушевал, как одержимый...»[29]. Геринг писал в своей телеграмме: «Если до 22 часов я не получу ответа, то буду считать, что Вас лишили свободы, и буду действовать по собственному усмотрению»[30]. В ответ на «предательство» Геринга Гитлер приказал исключить его из нацистской партии, лишить всех должностей и званий, арестовать и умертвить. Однако фюрер побоялся публично объявить о своем решении, зная, что такое сообщение обнаружит перед всем миром, насколько далеко зашел процесс разложения гитлеровской верхушки. 27 апреля берлинское радио лишь сообщило, что «фюрер освободил Геринга от занимаемых им должностей по собственной просьбе из-за болезни сердца».

В это время шли уже полным ходом переговоры Гиммлера с заместителем председателя организации Красного Креста Швеции графом Фольке Бернадоттом. Эти переговоры длились три месяца — с 19 февраля по 24 апреля 1945 г. Планы Гиммлера были выражены в следующих словах, сказанных Бернадотту: «Чтобы уберечь как можно бо́льшие части Германии от русского вторжения, я согласен капитулировать на Западном фронте, чтобы дать возможность войскам западных держав продвигаться, насколько только хватит сил, на Восток»[31]. Гиммлер предложил отправить своего эмиссара Шелленберга к Эйзенхауэру и Черчиллю, с тем чтобы выработать условия капитуляции. Он просил также направить к Эйзенхауэру своего личного врача Керстена. В своих мемуарах Керстен так передал содержание предложений Гиммлера, которые он должен был сделать Эйзенхауэру: «СС и вермахт готовы продолжать войну против России, если англо-американцы согласятся заключить перемирие с нами. Для нас невозможно заключить мир с большевистской Россией. Любое соглашение не будет иметь значения, ибо Россия не соблюдает соглашений. Итак, мы должны бороться, чтобы спасти Европу от ужасов, которые ожидают ее, если больше-

[29] G. Boldt, Die letzten Tage der Reichskanzlei, S. 72.
[30] H. Hegner, Die Reichskanzlei von 1933—1945. Anfang und Ende des Dritten Reiches, Fr. am/M, 1959, S. 398.
[31] F. Bernadotte, Das Ende, Zürich, 1945, S. 15.

визм не будет отодвинут. Сделайте все, чтобы убедить Эйзенхауэра в том, что настоящий враг человечества — Советская Россия и что только немцы могут драться против нее... Я согласен признать победу западных держав. Они только должны дать мне время отбросить Россию. Если они мне оставят вооружение, я еще смогу это сделать» [32].

В самые последние дни существования фашистской империи Гиммлер пытался связаться с фельдмаршалом Монтгомери. Он намеревался передать ему все те же предложения объединить силы английского и немецкого империализма для совместной борьбы против Советского Союза. Как сообщил Монтгомери, Гиммлер сказал: «Важно спасти живую силу Германии для того, чтобы она не попала в руки русских, поскольку она пригодится. Вскоре вместе с англичанами придется драться с русскими» [33].

Однако этим планам не суждено было сбыться. Гитлеровский вермахт был обречен, и ничто уже не могло его спасти. Он рухнул в результате мощных ударов, нанесенных ему советскими вооруженными силами. Руководителей фашистской империи ждал позорный конец. Историческая справедливость восторжествовала.

Гиммлер был арестован близ Люнебурга. Понимая, что список его преступлений настолько велик и чудовищен, что ничто не сможет его спасти от петли, он принял яд. Геринг сдался американским войскам. Риббентроп был арестован английскими войсками в Гамбурге; он сразу же заявил, что всегда был в оппозиции к Гитлеру и готов обстоятельно рассказать обо всех тайных делах фашистской империи.

Даже в имперской канцелярии в конце апреля поняли, что полный крах фашистского рейха — это вопрос ближайших дней. На длительных совещаниях, происходивших между Гитлером и Геббельсом, было решено, что в создавшейся обстановке для фюрера остается лишь один путь — кончить жизнь самоубийством. 29 апреля Гитлер в присутствии Геббельса, Бормана, генералов Белова, Кребса и адъютанта Бергдорфа составил свое «политическое завещание». Он назначил новое прави-

[32] F. Kersten, Memoirs 1940—1945, SS. 127—128.

[33] «The Memoirs of the Field Marshal B. L. Montgomery», L., 1950, p. 110.

тельство, состоявшее из старых гнтлеровских заправил, ближайших его сотрудников в годы кровавого господства фашнзма. Рейхспрезидентом Германии был изиачеи гроссадмирал Дениц, рейхсканцлером — Иозеф Геббельс[34]. 30 апреля Гнтлер и Ева Браун кончили жизиь самоубнйством. Их трупы былн сожжены эсэсовцами.

Фактическн власть в имперской каицелярин перешла к Геббельсу. Штаб-квартира иовоиспеченного рейхспрезндеита Деница иаходилась в это время во Флеисбурге. Судя по иыие обнаружеииым документам, Геббельс и Дениц решилн предприиять попытку сепаратной капитуляцин: Геббельс — иа Востоке, а Деннц — иа Западе. Смысл н той и другой акцни был одии и тот же: выиграть время; сделать попытку расколоть антнгнтлеровскую коалицию; еще раз попытаться вступнть в сговор с реакцнонными силами Запада против Советского Союза.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков заявил в своем выступлении в Кремле 22 июия 1961 г.: «В 3 часа утра 1 мая на комаидный пуикт 8-й гвардейской армии прибыл иачальннк геиерального штаба германской армин геиерал Кребс. Ои сообщнл, что 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством н вручнл письмо с просьбой к Советскому Верховному командоваиию временно прекратить воеииые действия в Берлнне, с тем чтобы создать базу для мирных переговоров между Германней и Советским Союзом.

Следуя нпструкциям, даниым Советским правительством, мы категорнческн заявили, что военные действня будут прекращены только тогда, еслн будет полная и безоговорочная капитуляция. Не добившись нашего согласия о перемирнн, Кребс вериулся на доклад к Геббельсу.

---

[34] В состав правнтельства, образованного в соответствни с завещанием Гитлера, вошлн следующне лнца: мнннстр нностранных дел — Зейсс-Инкварт, миннстр по делам партнн — Борман, мнннстр внутренннх дел — гаулейтер Гнслер, рейхсфюрер войск СС н начальннк немецкой полнцнн — Ханке, главнокомаидующнй сухопутными войсками фельдмаршал Шернер, начальннк штаба ОКВ — генерал Йодль, начальннк генерального штаба сухопутных войск — генерал Кребс, командующнй военно-воздушнымн снламн — генерал-фельдмаршал фон Грейм, командующнй военно-морскими силами — гроссадмнрал Деннц, он же — президент.

Ночью 1 мая стало известно, что и Геббельс и Кребс покончили самоубийством, а затем, как говорили, погиб и Борман. Так закончили свою жизнь заправилы фашизма»[35].

Подробные сведения об этой акции Геббельса содержатся в документации «Из истории капитуляции вооруженных сил фашистской Германии», взятой из архивов Министерства обороны СССР и опубликованной в качестве приложения к книге «Поражение германского империализма во второй мировой войне»[36]. Приведем некоторые детали этой акции.

Прибыв в ставку В. И. Чуйкова, генерал Кребс предъявил ему три документа: полномочие на имя начальника генерального штаба сухопутных войск генерала пехоты Кребса на право ведения переговоров с советским Верховным командованием на бланке за подписью и с печатью начальника имперской канцелярии Бормана; обращение Геббельса и Бормана к правительству СССР также на бланке и с печатью имперской канцелярии; список нового имперского правительства и верховного командования вооруженных сил Германии, согласно завещанию Гитлера. Все документы были датированы 30 апреля 1945 г.

Кребсу был задан вопрос, обратилось ли германское правительство с аналогичным предложением к англо-американскому командованию? Он ответил отрицательно, ссылаясь на то, что они не имели возможности с ним связаться. Известно, однако, что в распоряжении Геббельса имелись каналы связи, и в частности он поддерживал связь с командованием различных войсковых групп, которым мог передавать любые поручения. Ясно, следовательно, что в действиях Геббельса скрывался определенный политический расчет.

Выслушав генерала Кребса, В. И. Чуйков заявил, что он не уполномочен вести какие-либо переговоры с правительством — речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона.

В. И. Чуйков предложил Кребсу подождать, пока не свяжется с вышестоящими инстанциями.

---

[35] «Правда», 22 июня 1961 г.

[36] «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», стр. 265—279.

В связи с тем что переговоры несколько затянулись, прибывший для участия в них заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом генерал армии Соколовский предложил Кребсу послать находившегося с ним полковника фон Дуфвинга вместе с представителем советского командования подполковником Гладким к Геббельсу для доклада о ходе переговоров и изложения советских требований.

Доложив Геббельсу о ходе переговоров и советских условиях, полковник Дуфвинг снова вернулся и по телефону с командного пункта 102-го гвардейского стрелкового полка доложил генералу Кребсу о том, что Геббельс требует его к себе для личного доклада о результатах переговоров. Перед уходом Кребс попросил генерала армии Соколовского окончательно сформулировать советские предложения. Они были сформулированы генералом армии Соколовским следующим образом:

1. Немедленная и безоговорочная капитуляция берлинского гарнизона.

2. Всему составу гарнизона гарантируется жизнь, сохранение орденов и личных вещей, а офицерам — холодного оружия, раненым — медицинская помощь.

3. В случае принятия этого предложения Советское правительство не будет рассматривать как военнопленных членов нового германского правительства и его ответственных сотрудников согласно особому списку.

4. Членам правительства в Берлине будет предоставлена советским командованием возможность связаться с Деницем, с тем чтобы немедленно обратиться к правительствам трех союзных держав с предложением начать переговоры о мире. Причем советское командование не гарантирует, что правительства СССР, Англии и США вступят с германским правительством в какие-либо переговоры.

Далее, в отчете начальника разведотдела штаба 8-й гвардейской дивизии подполковника Гладкого о ходе переговоров с Кребсом указывалось:

«В 14.00 1/5-1945 года генерал пехоты Кребс отбыл в распоряжение немецких войск. После ухода Кребса телефонная связь с немецкой стороной поддерживалась, боевые действия на данном участке не возобновлялись в ожидании окончательного ответа Геббельса.

В 18.00 линию фронта перешел уполномоченный Геббельса — подполковник войск СС, который вручил командующему армией генерал-полковнику Чуйкову пакет. В пакете за подписями Кребса и Бормана содержался ответ германского правительства на советское предложение, из которого вытекало, что советские предложения не приняты и военные действия возобновляются.

Подполковник СС был немедленно отправлен обратно, телефонная связь с немецкой стороной прервана, и штурм окруженной группировки Берлина возобновился с большей силой»[37].

В то время как Геббельс в Берлине предпринимал попытки приостановить или хотя бы замедлить наступление советских войск путем «сепаратного перемирия» на Востоке, Дениц во Фленсбурге активно добивался соглашения с английским и американским командованием о «сепаратной капитуляции» германских вооруженных сил на Западе и продолжении борьбы (по возможности совместно или при поддержке США и Англии) на советско-германском фронте. Однако, в то время как интриги Геббельса в Берлине потерпели полный провал и сам Геббельс вынужден был кончить жизнь самоубийством, Деницу удалось добиться определенного успеха в выполнении своей миссии по крайней мере у английского командования.

После самоубийства Геббельса Дениц образовал «новое правительство», состоявшее почти сплошь из бывших гитлеровских министров: Шверина фон Крозигка (бывшего министра финансов), Шпеера (бывшего министра промышленности), Бакке (бывшего министра сельского хозяйства), Зельдте (бывшего министра труда), Дорпмюллера (бывшего министра почты).

7 мая произошла встреча между Гиммлером и Деницем, во время которой Гиммлер настаивал на включении его в «новое правительство». Расчеты Гиммлера были довольно просты. «Я и мои войска СС,— сказал он,— незаменимы как фактор порядка в Центральной Европе... Противоречия между Востоком и Западом обостряются так быстро, что через три месяца чаша весов будет за-

---

[37] «Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы», стр. 268.

висеть от меня и от СС»[38]. Туда же к Деницу прибыл и Риббентроп, предлагая свои услуги. Но после ряда совещаний участие Гиммлера и Риббентропа в правительстве было сочтено неудобным. Временно они должны были отступить на второй план.

Дениц и Йодль (назначенный на пост начальника генерального штаба) прежде всего разослали приказы о полном прекращении военного сопротивления на Западе и переброске всех войск на Восток. Во исполнение этих приказов нацистский «гаупропагандалейтер» области Везер-Эмс Зейпе в выступлении по радио города Вильгельмсхафена сообщил, что в целях борьбы против «большевистской опасности» все дивизии его области были сняты с Западного фронта и переброшены на Восток. «Будучи верными до конца данной Гитлеру присяге и соблюдая образцовую дисциплину в исполнении приказов избранного фюрером преемника гроссадмирала Деница,— сказал нацистский гаулейтер,— наши солдаты в эти часы продолжают борьбу с противником»[39].

Дениц сразу же начал сепаратные переговоры с английским и американским командованием, чтобы осуществить свои планы сепаратной капитуляции на Западе.

В самом начале мая генерал-адмирал Фридебург получил от Деница поручение начать с английским главнокомандующим Монтгомери переговоры о сепаратной капитуляции на Западе. Дословно инструкция гласила: «Чисто военная капитуляция во всей северо-западной Германии, но по возможности не в ущерб сухопутным и морским операциям по отрыву от противника на Востоке». Иными словами, в то время как военные действия на Западе должны были быть приостановлены, операции на Востоке должны были продолжаться. Монтгомери дал согласие на предложение при условии, что капитуляция гитлеровских войск будет распространена на все вооруженные силы, расположенные в Голландии и Дании, а также на военно-морской флот. Фридебургу дали понять, что отвод войск с Востока сможет продолжаться и что отдельные солдаты, которые хотят сдаться на демаркационной линии, будут взяты в плен английскими войска-

[38] W. Lüdde-Neurath, Regierung Dönitz: Die letzen Tage des Dritten Reiches, Göttingen, 1951, S. 81 (в дальнейшем: W. Lüdde-Neurath, Regierung Dönitz...)
[39] «Die Zeitung», 11. Mai 1945.

ми[40]. Таким образом, фактически английский главнокомандующий согласился на то, что на советско-германском фронте гитлеровские войска не капитулируют, а с боями будут отходить на Запад, к англичанам.

5 мая в 8 часов утра сепаратная капитуляция Деница на Западе официально вступила в силу. 6 мая штаб Деница сообщил по радио, что на Западе заключено перемирие с английским командованием, в то время как на Востоке война против советских войск продолжалась.

Сразу же после успешного окончания переговоров с Монтгомери Дениц предпринял шаги к тому, чтобы форсировать заключение сепаратного перемирия и с Эйзенхауэром.

Усилия Йодля встретили полное понимание в штабе Эйзенхауэра, особенно со стороны начальника штаба Беделла-Смита[41]. Однако соглашение о сепаратном перемирии с американским командованием так и не было заключено. Оно потеряло свой смысл в связи с тем, что под ударами Красной Армии гитлеровская империя полностью развалилась. В этих условиях правящие круги США не решились пойти на открытый союз с гитлеровцами и на разрыв отношений с Советским Союзом. Йодль вернулся с пустыми руками.

10 мая в 14 час. 45 мин. «министр» в кабинете Деница Шверин фон Крозигк выступил по радио с сообщением о подписании общей капитуляции. Попытки Деница добиться сепаратного перемирия на Западе потерпели провал.

Показательно, однако, что и после капитуляции преемник фюрера Дениц не оставил своих надежд на раскол между союзниками. В середине мая Дениц пригласил к себе руководителей союзнической контрольной комиссии — американского генерал-майора Рокса и английского генерала Фурда и долго убеждал их в необходимости совместной борьбы против Советского Союза. «На обоих генералов, — отметил Людде-Нейрат, — это явно произвело сильное впечатление»[42].

Преемник фюрера Дениц мог плести интриги лишь потому, что его планы пользовались явной поддержкой

[40] См. W. Lüdde-Neurath, Regierung Dönitz.., S. 114.
[41] Ibid.
[42] Ibid.

реакционных кругов в Англии и США. Однако эти планы потерпели полный провал, ибо они натолкнулись на несокрушимую мощь Советского Союза и решительное сопротивление народов. Фленсбургское представление закончилось арестом кабинета Деница (23 мая 1945 г.), а сам Дениц предстал перед Нюрнбергским военным трибуналом как один из главных немецких военных преступников.

Гитлеровская империя рухнула не под воздействием внутренней антифашистской борьбы, а в результате военного разгрома. Поражение германского империализма имело далеко идущие внутренние последствия. Оно создало решающие предпосылки для развития Германии по мирному и демократическому пути. На Потсдамской конференции в конце июля — начале августа 1945 года были приняты решения о демократизации и демилитаризации Германии. В истории Германии открылась новая глава.

Глава седьмая

ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 Г. И ЗАПАДНОГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Освещение заговора 20 июля 1944 г. всегда был предметом острой борьбы в западногерманской историографии. Прогрессивно настроенные историки стремились дать объективную картину событий, они выделяли демократическое крыло заговора, критиковали реакционные установки группы Герделера, осуждали ее планы заключения сепаратного мира с западными державами и продолжения войны усилиями всех империалистических держав на Востоке против Советского Союза. Реакционные историки провозгласили истинными героями заговора 20 июля 1944 г. наиболее реакционно настроеных деятелей: Герделера и Попитца, Канариса и Роммеля, Шахта и Гельдера. Их программу они считали образцом для современного западногерманского государства, пытались возвеличить антидемократические тенденции в заговоре, писали о том, что именно эти реакционные тенденции должны лечь в основу политики ФРГ.

Между этими двумя крайними лагерями историков, освещавших заговор, можно наблюдать много разных оттенков: историки тяготеют то к одному, то к другому лагерю, не воспринимая полностью установки той или другой стороны.

Основной вопрос, по которому идет борьба между реакционно и поргрессивно настроенными историками при освещении событий 20 июля,— это оценка различных групп заговорщиков, оценка программ группы Герделера — Попитца, с одной стороны, и Мольтке — Штауффенберга — с другой.

На начальном этапе развития западногерманской историографии о событиях 20 июля 1944 г., сразу же после

окончания второй мировой войны, в работах преобладала прогрессивная тенденция, хотя в исторических трудах того периода встречались и весьма противоречивые оценки, иногда отнюдь не прогрессивного свойства. В известной степени преобладание прогрессивной тенденции объяснялось тем, что первые работы о заговоре были написаны самими участниками событий, людьми, которые сами испытали на себе фашистский террор, стояли в центре борьбы против фашистской власти.

К таким работам принадлежит, в частности, книга Рудольфа Пехеля «Немецкое Сопротивление»[1], вышедшая в 1947 году в Швейцарии.

Рудольф Пехель — видный участник заговора 20 июля, был связан с руководящими деятелями заговора с 1936 года. Пехель издавал в гитлеровской Германии журнал «Дейче Рундшау», в котором печатались статьи, критиковавшие в замаскированной форме гитлеровские порядки. В апреле 1942 года Пехель был арестован гестапо, подвергся пыткам и содержался в концентрационных лагерях вплоть до окончания войны.

Пехель относится к тому кругу заговорщиков, которые были тесно связаны с Герделером. Как и сам Герделер, он придерживался сугубо консервативных взглядов. Однако в своей книге Пехель отдал дань уважения истинным борцам против фашистского режима, в том числе и коммунистам. Это объясняется тем, что, участвуя в движении Сопротивления, Пехель не мог не оценить самоотверженности и героизма выходцев из народа, подлинных борцов-антифашистов, жертвовавших своей жизнью во имя свержения гитлеровского режима.

Пехель нарисовал картину самого широкого распространения заговора среди различных слоев населения, начиная от рабочих и кончая монополистами. Такая концепция, хотя и далека от истины, заставила его все же признать большую роль истинных представителей Сопротивления в борьбе против гитлеровского режима. Об участии коммунистов в антифашистской борьбе Пехель писал: «Непосредственно после захвата власти Гитлером начались кровавые преследования коммунистов. После того как Геринг организовал поджог рейхстага в феврале 1933 года, эти преследования быстро переросли в массо-

[1] R. Pechel, Deutscher Widerstand, Erlenbach — Zürich, 1947.

вое нстреблеине. Несмотря иа это, коммуиисты были единствениой партней, которая после роспуска и ареста большннства руководнтелей н фуикционеров иемедлеиио развериула борьбу протнв гнтлеровского режима в иелегальных условнях. Руководнтели КПГ сндели в тюрьмах гестапо и концентрацноиных лагерях, протнв инх велись миогочисленные судебные процессы. На них обрушнвалнсь смертные приговоры, и их осуждали иа длнтельные срокн тюремного заключення. Но нх поведенне перед кровавымн судьямн было, за иебольшим нсключением, образцовым, так что иногда казалось, что только они н былн нстнниыми представителямн Сопротивления. Оии так мужествеино держались иа суде, что даже самых прожженых гнтлеровских судей пробирала дрожь перед стойкостью и непоколебимой решимостью обвнняемых и нх гневным отвращеннем к нацнзму. И в концеитрационных лагерях онн образовалн то ядро, вокруг которого крнсталлнзовалось сопротнвление эсэсовским палачам н нх подручным»[2].

Пехель пнсал о том, что в условиях борьбы протнв гнтлеровского режима произошло сблнжеиие между представителямн разлнчных партий, воззренний и веронсповедаинй. Ои особо подчеркнвал, что участие в подпольиой борьбе явилось мерилом предаииостн тех или иных групп делу сверження фашнстского господства. Пехель указывал иа стремление иекоторых кругов заговорщнков добиться единства действий с иностраниымн рабочимн, иасильно угиаииыми фашнстами в Германию. Он с похвалой отзывался о тех участиках заговора, «которые делали все, что могли, для того чтобы помочь насльно завезенным иностраииым рабочим и облегчить участь воеииоплеииых»[3].

Во миогих местах своей кингн Пехель резко критнковал генералов — участннков заговора. Он полностью признал внну германского геиералитета за преступлення, совершеииые фашистскнм режнмом. «Геиералы соглашались со всем,— пнсал ои,— и с тем, что в подчниеииых нм районах эсэсовцы убнвали евреев и граждаи других стран, н с тем, что вопрекн международному праву расстреливалн плениых советских комиссаров и солдат-

² R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 67—68.
³ Ibid., S. 110.

коммунистов, а также вражеских летчиков и парашютистов, совершались и многие другие чудовищные преступления... Для генералов ссылка на присягу была не более чем трусливой попыткой укрыться от своей совести и ответственности»[4]. Пехель пытался отмежеваться и от таких профашистски настроенных деятелей заговора, как Шахт, Гизевиус, Дильс. Он критиковал их воззрения и поведение.

Пехель критиковал также и западные державы за то, что они заигрывали с гитлеровцами, оказывали им поддержку и поощряли их агрессивные планы. «После каждого очередного визита иностранных государственных деятелей,— писал он,—либо отменялись ранее существовавшие внешнеполитические договоры, либо издавались новые законы и распоряжения, еще более усиливавшие террор, царивший в Германии. Это являлось лучшим доказательством того, что нацисты рассматривали такие посещения как поддержку своих собственных позиций»[5].

Сам Пехель играл немаловажную роль как посредник между руководством заговора и западными державами. В 1939 году он трижды выезжал в Лондон и вел там переговоры с некоторыми представителями английского правительства. В Лондоне Пехель встретился и с бывшим германским канцлером Брюнингом, поддерживавшим одно время связи с заговорщиками.

Пехель принадлежал, как было уже указано, к консервативно настроенным кругам заговорщиков. Это наложило, естественно, свой отпечаток на его книгу. С особым сочувствием Пехель относится к таким деятелям, как Бек, Герделер, Хассель и др., которые составляли руководящее ядро консервативного крыла заговора и определяли его программу. Пехель полностью солидарен с этой программой, которая по своей сути была программой спасения германского империализма, хотя и ценой свержения Гитлера.

Таким образом, книга Пехеля противоречива. Но в целом она относится к числу тех работ буржуазных авторов, в которых идеализируются реакционные деятели заговора 20 июля и весь заговор изображается как кульминационный пункт антифашистской борьбы в Германии.

---

[4] R. Pechel, Deutscher Widerstand, SS. 174—175.
[5] Ibid., S. 263.

Гораздо более последователен в своих оценках другой историк — видный западногерманский писатель Гюнтер Вейзенборн. Он выпустил сборник материалов о немецком движении Сопротивления под названием «Немое восстание»[6].

Вейзенборн издал свой сборник документов через семь лет после появления книги Пехеля — в 1954 году. В то время в Западной Германии уже во всю силу развернулся процесс возрождения милитаризма.

Господствующей стала идеология реваншизма. В этих условиях любая попытка объективно разобраться в проблемах Сопротивления представляла собой акт борьбы против засилья милитаристской и реваншистской идеологии. Именно так было воспринято появление книги Вейзенборна, в которой делалась попытка дать общую картину развития движения Сопротивления против гитлеровского режима.

Вейзенборн приобрел известность как писатель и драматург еще до прихода фашизма к власти. В 1933 году гитлеровцы запретили все его произведения. Вейзенборн включился в антифашистскую борьбу, принимал участие в составлении и распространении антигитлеровских листовок. В 1942 году он был арестован и содержался в тюрьме вплоть до разгрома фашистского рейха. После войны Вейзенборн опубликовал несколько пьес и романов, в частности пьесу о подпольной борьбе против гитлеризма и воспоминания о своей антигитлеровской деятельности.

В книге Вейзенборна «Немое восстание» заговору 20 июля 1944 г. уделено весьма большое внимание. Отличительная черта книги — объективная оценка роли коммунистов в движении Сопротивления и роли германского рабочего класса. Вейзенборн подчеркнул, что именно из среды рабочего класса вышли наиболее мужественные борцы против гитлеровского фашизма и что рабочий класс понес больше всего жертв в борьбе против фашистского режима. В его книге собран материал о деятельности многочисленных коммунистических подпольных групп, которые шли в авангарде борьбы германского рабочего класса и передовых сил Германии против фашизма. Вейзенборн дал подробные характеристики таким

[6] G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, Hamburg, 1954.

героям-антифашистам, как Эдгар Андрэ, Антон Сэфков, Теодор Нейбауэр, Роберт Уриг, Франц Якоб, Роберт Абсхаген. Он писал об их мужестве и самоотверженности, подчеркнув большое значение той борьбы в целом, которая велась германскими коммунистами.

Большое внимание Вейзенборн уделил антифашистской деятельности группы мюнхенских студентов, выступавших под названием «Белая роза», — Ганса и Софии Шолль, Александра Шмореля, Курта Губера, Вильгельма Графа и др. В книге опубликована также листовка этой группы, озаглавленная «Ко всем немцам».

Во введении к своей книге Вейзенборн писал: «После длительных размышлений издатель пришел к выводу, что пришло время дать объективную и охватывающую все различные направления немецкого Сопротивления картину»[7]. Далее он указывал, что руководствовался не тем, к какой партии принадлежал тот или иной участник Сопротивления, а каков был его вклад в дело борьбы против гитлеризма.

Вейзенборн справедливо отметил, что почти все публикации о движении Сопротивления, вышедшие в Западной Германии, говорят лишь о деятелях, связанных с заговором 20 июля. Более того, он подчеркнул, что в ФРГ ведется «фронтальная атака» против памяти истинных борцов Сопротивления, причем круги, вдохновляющие эту кампанию, не останавливаются перед прямой ложью и клеветой. Справедливое стремление показать движение Сопротивления во всем его объеме и разноречивости, разбить представление о том, что антифашистское движение было представлено лишь заговорщиками, готовившими покушение на Гитлера, приводит, однако, писателя к тому, что на одну доску ставятся совершенно несоизмеримые величины. Наряду с героем-коммунистом Антоном Сэфковом в качестве «борца» против фашизма фигурирует гитлеровский фельдмаршал Роммель. Вместе с мужественными борцами против фашистского режима из студенческой группы «Белая роза» в список «героев» Сопротивления включен бывший руководитель фашистского «Абвера» Канарис. Вейзенборн преднамеренно отказался от всяких оценок деятельности той или иной группы или тех или иных лиц, которые по самым раз-

[7] G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, S. 15.

личным мотивам выступали против Гитлера. Таким образом, Вейзенборн часто в погоне за весьма призрачной объективностью включил в число участников движения Сопротивления лиц, которые никакого отношения к антигитлеровской борьбе не имели.

Однако Вейзенборн отнюдь не безоговорочно одобряет методы заговорщиков, хотя и в соответствии с принятым курсом преднамеренно не дает четкой оценки заговора. «В противоположность тем группам Сопротивления, которые делали попытку снизу активизировать оппозицию и массы населения, заговор 20 июля представлял собой попытку решающим образом изменить положение сверху, путем государственного переворота. Это был метод, правомерность которого часто дискутировалась в кругах Сопротивления» [8].

Вейзенборн отчетливо осознавал, что решающее влияние на планы заговорщиков оказало поражение фашистской армии на советско-германском фронте. «Лишь после Сталинградской катастрофы,— писал он,— мысль о покушении вновь выдвинулась на первый план» [9].

Книга Вейзенборна — попытка честно разобраться в проблемах движения Сопротивления в Германии. Она, несомненно, сыграла и до сих пор еще играет положительную роль в борьбе против разнузданной милитаристской идеологии, против той части реакционной западногерманской историографии, которая видит основную свою цель в том, чтобы оклеветать истинных борцов против Гитлера и поднять на щит наиболее реакционно настроенные круги генеральской и чиновничьей оппозиции.

Важнейшим источником для изучения деятельности «кружка Крейзау» является книга Теодора Штельцера «Из германской политики» [10], одного из оставшихся в живых деятелей этого кружка.

Теодор Штельцер до 1933 года занимал должность советника и члена земельного парламента Шлезвиг-Гольштейна. Он рано примкнул к антигитлеровской оппозиции. Уже в 1933 году Штельцер составил меморандум, в котором резко критиковал гитлеровский режим и объявил его «нехристианским». Штельцер был снят со своего

[8] G. Weisenborn, Der lautlose Aufstand, S. 141.
[9] Ibid., S. 131.
[10] Th. Steltzer, Von deutscher Politik, Dokumente, Aufsätze und Vorträge, Fr. am/M., 1949.

поста и обвинен в государственной измене. Однако дело не дошло до судебного процесса.

В годы войны Штельцер кратковременно служил в немецком оккупацнонном управлении в Норвегии и установнл связь с норвежскнм движением Сопротивлення. После провала заговора 20 июля он был арестован и приговорен к смертн. Однако усилиямн руководящнх норвежских деятелей, действовавших через личного врача Гиммлера Керстена (финна по национальности), прнговор был отменен, и до конца войны Штельцер содержался в концентрационном лагере. После войны он вновь стал членом парламента Шлезвиг-Гольштейна, а затем руководителем Института содействня общественным начннанням во Франкфурте-на-Майне.

Большой заслугой Штельцера является то, что он спас основные документы «кружка Крейзау», которые опублнковал в прнложении к своей кннге. Штельцер тщательно проанализнровал воззрения Мольтке, но лишь бегло остановился на взглядах таких патриотически настроенных членов кружка, как Петер Йорк, Тротт цу Зольц н др. Он показал разногласия между деятелями «кружка Крейзау» и руководителями заговора — Беком, Герделером, Хасселем н др. Именно на основанни книги Штельцера можно сделать вывод о патриотических настроениях частн участников «кружка Крейзау». Вместе с тем нельзя не отметнть, что снмпатин Штельцера на стороне более консервативно настроенных участников «кружка Крейзау» — Фрнца фон дер Шуленбурга, Дельпа, Герстенмайера и др. Симпатии Штельцера к прозападным тенденциям в воззрениях некоторых деятелей «кружка Крейзау» наложнли свой отпечаток на всю его книгу.

Свон воспоминання оставил также н другой участник «кружка Крейзау» — евангелический пастор Гарольд Пельхау, тюремный священник в тюрьме Тегель. Он напнсал пронннкновенную книгу о жертвах гнтлеровского террорнстического режнма, которые содержались в этой тюрьме. Свою книгу он назвал «Последние часы»[11].

Пельхау непосредственно соприкасался со многими борцами-антифашистами, прнговоренными к смертной казни н ожндавшими в тюрьме Тегель приведення прн-

[11] H. Pölchau, Die letzten Stunden, B., 1949.

говора в исполнение. Он всяческн облегчал судьбу этих героев и оказал иемалые услуги аитифашистскому двнжеиию, переправляя из тюрьмы докумеиты, иаписанные участиками движеиия Сопротивлеиия, содержавшнмнся в заключеиии.

В 1963 году Пельхау выпустнл новую книгу под иазванием «Порядок угнетенных» [12]. В ней он нарисовал потрясающую картиру героизма, стойкости н непреклоииости духа многих жертв фашистского террора, в том числе н деятелей «кружка Крейзау». С теплотой и скорбью он говорит о последних диях Петера Йорка н Ганса фон Хефтеиа — двух руководителей «кружка Крейзау» н близких своих друзей. Ои рисует героический облик руководителей коммуиистический группы Сопротнвления Шульце-Бойзена — Харнака, которых ои видел в тюрьме Тегель. Все эти люди, особенно поэт Адам Кукхоф (однн из руководителей группы. — *Д. М.*) больше скорбелн по поводу судьбы Германии и ее гибели, чем по поводу блнзкой своей смерти» [13].

На прогрессивиое крыло историков в ФРГ определенное влияние оказывают достижения нсториографин Германской Демократической Республнки. Хотя в задачу настоящей главы входит анализ лншь западногерманской историографии, иельзя все же ие отметить того вклада, который виесли в изучение событий 20 июля 1944 г. нсторики ГДР. В их трудах вскрыты целн и установки реакционного крыла заговорщиков и вместе с тем, особеиио в последних публикациях, изложеиы патриотические воззрения Штауффеиберга н его друзей [14]. Работы

---

[12] H. Pölchau, Die Ordnung der Bedrängten, B., 1963.

[13] Ibid., S. 65.

[14] См. A. Ackermann, Legende und Wahrheit über den 20. Juli 1944, «Einheit», Heft 1—2, 1947, SS. 1172—1182; O. Winzer, Der Friedenskampf der Kommunisten in Deutschland und die Verschwörung vom 20. Juli 1944, «Einheit», Heft 7, 1954, SS. 679—689; H. Dress, Der antidemokratische und reaktionäre Charakter der Verfassungspläne Goerdelers, «ZFG», Heft 6, 1957, SS. 1134—1159; W. Ersil, Das aussenpolitische Programm der militaristischen Verschwörung vom 20. Juli 1944, «Deutsche Aussenpolitik», Heft 7, 1959, SS. 743—758; «Institut für Militärgeschichte. Zum Charakter der Verschwörung vom 20. Juli 1944», «Militärwesen», Heft 6, 1959, SS. 833—845; «Institut für Militärgeschichte. Zur Vorgeschichte der Verschwörung vom 20. Juli 1944, B., 1960; H. Scheel, Über den 20. Juli 1944; «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere», Heft 8, August 1964, SS. 3—7.

историков ГДР служат делу утверждения правды о заговоре, делу прогресса в исторической науке.

Воспоминания о событиях 20 июля 1944 г. оставили и более консервативные и даже реакционно настроенные участники заговора. Их труды нельзя безоговорочно отнести к книгам, представляющим прогрессивное направление в историографии заговора 20 июля. Тем не менее в них содержатся ценные сведения, рисующие в правильном свете события заговора и дающие в основном верные оценки многим руководящим деятелям заговора.

Такова книга Фабиана фон Шлабрендорфа «Офицеры против Гитлера», опубликованная в Цюрихе в 1946 году[15]. Она в основном посвящена военной оппозиции против Гитлера, о чем говорит сам заголовок книги.

В воспоминаниях Шлабрендорфа содержатся ценные данные о воззрениях некоторых демократически настроенных деятелей заговора и об активном участии в заговоре самого автора книги.

Однако более или менее объективный подход к ряду явлений, связанных с заговором 20 июля, можно обнаружить главным образом в первом издании книги Шлабрендорфа. В 1951 году Шлабрендорф выпустил новое издание своих воспоминаний, значительно переработанное и дополненное. В нем автор уже сплошь и рядом отходит от своих прежних оценок и отдает дань антикоммунистической идеологии.

В первом издании Шлабрендорф довольно подробно останавливался на фашистском терроре, при помощи которого гитлеровцы пытались сломить движение Сопротивления в Германии, восхищался мужественным, героическим поведением многих узников гитлеровских тюрем и концентрационных лагерей. В новом издании все эти данные опущены. Зато книга дополнена антикоммунистическими оценками, в частности нападками на группу Шульце-Бойзена — Харнака, которую Шлабрендорф обвинил в «связях с иностранными державами». Шлабрендорф пускается в рассуждения о том, что «приверженность к политике» мешала многим антифашистам (он имеет в виду коммунистов) подняться до понимания

---

[15] F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1946.

«этическнх задач» борьбы против гитлеризма[16]. Все это звучит слишком неубеднтельно, так как сам Шлабрендорф выполнял порученя «Абвера» по установлеию связей с правящимн кругами западиых держав.

Еще в первые годы после захвата Гнтлером власти Шлабрендорф прнмкиул к группе антигитлеровскн настроенных консервативиых деятелей, которые иазывали себя «молодымн консерваторами». Он был другом известного реакционного публициста Эрнста Никиша, который крнтнковал Гнтлера с позицнй германского нацноиалнзма.

Шлабрендорф был связан родственными узамн с английскнмн арнстократическнмн кругамн. Через него оппозиция передавала всякого рода сведения английским правящим кругам. В 1939 году Шлабрендорф посетил Лондон н был прннят Уннстоном Черчнллем. Задачей Шлабрендорфа было предупредить Черчилля о готовящемся иападеиии Германнн на Польшу.

В 1943—1944 годах Шлабрендорф работал в штабах Бока н Клюге — командующнх Центральным участком Восточного фронта. В это время Шлабрендорф прнмкнул к узкому кругу заговорщнков, непосредственно подготовлявшнх покушенне на Гитлера. Ои поддерживал тесиые связн с руководнтелямн заговора Беком, Герделером, Хасселем, а также с деятелями «Абвера» — Канарисом, Остером. В штабе Бока н Клюге Шлабрендорф позиакомился н подружнлся с однням нз наиболее актнвных заговорщнков — фои Тресковом.

Вместе с фон Тресковом Шлабрендорф вовлек в число заговорщиков Клауса фон Штауффенберга. В своей кииге Шлабреидорф рассказал о беседе с Штауффенбергом в штабе Клюге, во время которой Штауффенберг предоставнл себя в распоряжение заговорщиков.

Согласио планам заговорщиков, именно Шлабрендорфу было поручено после убийства Гнтлера отправиться в Стокгольм, чтобы немедлиено начать переговоры с Англией н США о сепаратном мире.

После провала заговора 20 нюля Шлабреидорф был арестован, подвергся пыткам и был отправлен в коицеитрационный лагерь в Южиый Тироль. Там он был осво-

---

[16] См. F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1951, SS. 96—105.

божден американскими войсками. После войны не занимал официальных постов, а возобновил свою прежнюю деятельность юриста.

В книге Шлабрендорфа содержится немало горьких слов по поводу нерешительности и трусливости высших чинов гитлеровской армии. В этом его оценки сходятся с оценками Пехеля. Автор книги «Офицеры против Гитлера» резко критикует колеблющихся и приверженцев так называемой «теории меньшего зла», которые своей пассивностью помогали гитлеровскому режиму. «Многие первоначальные противники национал-социализма полагали,— пишет он,— что им следует по тактическим соображениям проглотить предложенную им дозу нового «мировоззрения» для того, чтобы таким путем предотвратить худшее зло. Но чтобы предотвратить худшее, они восприняли меньшее зло. Таким образом, многие из них оказались в сомнительном положении. Они пренебрегли мудростью древних римлян «сопротивляйся начаткам» и в конце концов были раздавлены лавиной национал-социализма»[17].

С особой симпатией Шлабрендорф описывает взгляды и действия своего друга фон Трескова. Он приводит его высказывания, сделанные накануне покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., о том, что даже в случае неудачи этого покушения необходимо будет предпринять попытку свергнуть Гитлера, ибо «немецкое движение Сопротивления должно доказать миру и истории, что оно... было способно предпринять решительные действия»[18]. Как указывает Шлабрендорф, фон Тресков после неудачи покушения считал, что катастрофа наступит в ближайшие месяцы и что эта катастрофа сметет с лица земли Гитлера, являвшегося «не только злейшим врагом Германии, но и злейшим врагом мира»[19].

После переработки книга Шлабрендорфа во многом изменила свою направленность: в ней стала прославляться реакционная часть заговора. В этом сказалась непоследовательность убеждений автора: после войны он под-

---

[17] F. v. Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1946, S. 20.

[18] Ibid., S. 129 (во втором издании книги и это высказывание передано в измененном виде).

[19] Ibid., S. 195.

пал под сильное влияние возродившейся в Западной Германии реваншистской идеологии.

Ту же эволюцию взглядов, которую претерпели взгляды автора книги «Офицеры против Гитлера», можно проследить и у одного из крупнейших западногерманских историков — исследователей заговора 20 июля 1944 г.— Ганса Ротфельса.

Книга Ротфельса «Немецкая оппозиция против Гитлера», вышедшая в Крефельде в 1949 году[20], оказала большое влияние на все развитие западногерманской историографии и поныне остается одной из самых значительных работ буржуазных историков, в которой сделана попытка объективно подойти к проблемам движения Сопротивления и заговору 20 июля 1944 г.

Во втором издании, появившемся через девять лет, в 1958 году[21], уже преобладают антисоветские и антикоммунистические взгляды Ротфельса, которые превратили его работу в орудие борьбы представителей реваншистской идеологии против прогрессивных и демократических тенденций в западногерманской историографии.

Как сообщает сам автор в предисловии к переработанному изданию своей книги, первоначальный набросок ее был сделан еще в 1947 году в форме доклада, который был прочитан автором в Чикагском университете. В следующем году Ротфельс выпустил на основе доклада небольшую книгу на английском языке под названием «Германская оппозиция против Гитлера». И, наконец, в 1949 году появилось расширенное немецкое издание этой книги в Западной Германии, в Крефельде.

История появления книги Ротфельса примечательна тем, что в первые послевоенные годы в Западной Германии вообще невозможно было издать работу, посвященную проблемам германского Сопротивления. Кроме того, адресуя свою работу не немецкому, а английскому и американскому читателю, автор мог сохранить определенную «независимость» от тех процессов возрождения милитаристской идеологии, которые происходили тогда в Западной Германии.

---

[20] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Krefeld, 1949.

[21] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Frankfurt am Main — Hamburg, 1958.

Все это повлияло на содержание первого немецкого издания книги Ротфельса. Автор высказывал взгляды, которые иногда шли вразрез с господствовавшими в западногерманских правящих кругах воззрениями на проблемы Сопротивления гитлеровскому режиму. Он позволял себе критиковать западные державы за то, что они препятствовали изучению германского Сопротивления и заговора 20 июля. Он писал, что, хотя видные политики Англии и США были прекрасно информированы о размахе движения Сопротивления в Германии, они пытались представить немецкое население как одну сплошную реакционную массу, как «смесь людей, одержимых либо манией величия, либо манией преследования», «тем самым подкреплялся тезис, что «хорошие немцы» могут быть только среди мертвых»[22]. Ротфельс писал, что западные державы категорически отрицали существование немецкого Сопротивления Гитлеру и поэтому запрещали публикацию каких-либо сведений о борцах против фашистского режима.

Ротфельс утверждал, что основную тяжесть борьбы против гитлеровского режима вынесли на своих плечах отнюдь не оппозиционно настроенные офицеры и чиновники, а трудящееся население Германии. «Бессмысленно спрашивать,— писал он,— в какое именно мгновение действительно началось активное политическое Сопротивление гитлеровскому господству. В некоторых ранних формах оно было простым продолжением той борьбы, которая велась еще до захвата власти национал-социалистами. Носителями идей этой ранней оппозиции были левые и антифашистские круги, но условия «подполья» заставили их обратиться к новым методам. Первой партией, которую запретили, была КПГ. Удары, нанесенные этой партии, лишили ее почти всех руководителей, но у коммунистов было существенное преимущество — они владели техникой революционной работы, и, таким образом, КПГ создала образцы для организации ячеек движения Сопротивления»[23].

Ротфельс не согласился с оценкой роли иностранных рабочих в Германии, данной официальной реакционной историографией. Реакционные историки ФРГ рассматри-

[22] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Krefeld, 1949, S. 29.
[23] Ibid., S. 59.

вают насильно завезенных в Германию фашистами иностранных рабочих не как союзников борцов Сопротивления в борьбе против Гитлера, а как силу, которая вносила «беспорядок» в гитлеровский тыл. В противовес этому Ротфельс утверждал, что «братание между немецкими и завезенными иностранными рабочими» представляло собой «важный фактор движения Сопротивления» [24].

Автор книги «Немецкая оппозиция против Гитлера» является сторонником той концепции, которая включает в число участников заговора против Гитлера всех представителей антифашистского движения Сопротивления. «Хотя заговором руководили представители определенных общественных групп, он все же охватил все социальные слои, представителей буржуазных, военных, аристократических и пролетарских, духовных и светских кругов» [25].

В предисловии к новому изданию книги Ротфельс оговорил свою особую позицию в оценке движения Сопротивления и заговора 20 июля 1944 г. Он заявил, что ныне препятствием к установлению истины являются «предрассудки узконационалистического свойства и догматическое упрямство — на этот раз с немецкой стороны» [26], то есть он пытался защитить заговорщиков от наскоков «справа», со стороны крайне реакционно настроенных историков и публицистов. Отмежевываясь от фашиствующих и таких реакционно настроенных историков, как Риттер, Ротфельс писал: «Я думаю, что не пойду по пути компромисса, если займу позицию, которая находится между этими крайними точками зрения» [27].

Однако если проследить за той переработкой, которой подверглась книга Ротфельса, то станет ясно, что он не смог удержаться на этой «золотой середине». По сути дела Ротфельс сплошь и рядом отказывался от объективного подхода к исследуемым проблемам. Так, например, критические замечания по адресу западных держав, о которых говорилось выше, в основном тексте сохранены

---

[24] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Krefeld, 1949, S. 186.

[25] Ibid.

[26] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, 1958, SS. 168, 169.

[27] Ibid., S. 12.

лишь в общей форме. Все конкретные доказательства оказались перемещенными в отдел примечаний. Зато в новом издании появилась объемистая заключительная глава, которая пестрит антисоветскими и антисоциалистическими выпадами и должна «перекинуть мост» от взглядов заговорщиков к нынешней политике боннского государства. Ротфельс сделал особый упор на антисоветские высказывания заговорщиков, выражая при этом нередко свое согласие с этими взглядами. Так, комментируя планы заключения сепаратного мира с Англией и США, которые вынашивались Герделером, Ротфельс заметил: «Они заслуживают упоминания как свидетельство готовности... закончить бессмысленное кровопролитие путем сепаратной капитуляции (на Западе.— *Д. М.*) и как признак... решимости стать на сторону Европы против Азии»[28]. Ротфельс применил даже терминологию фашистов: именно геббельсовская пропаганда говорила о гитлеровской агрессии против Советского Союза как о борьбе Европы против Азии.

Ротфельс сделал вид, что «берет под защиту» Штауффенбега, но сделал это весьма своеобразно. Он пытался «очистить» Штауффенберга от обвинений в том, что тот добивался не только мира на Западе, но и на Востоке. Говоря о подобного рода сведениях, содержавшихся в ряде источников, в частности в показаниях самих заговорщиков, Ротфельс писал: «Следует иметь в виду, что «Отчет СС» (имеется в виду отчет о ходе следствия по делу заговорщиков, который составляло специальное управление СС для Гитлера. — *Д. М.*) основан также на недоразумении в своей оценке линии «кружка Крейзау», который, по утверждению отчета, был якобы просоветски настроен»[29].

Ротфельс категорически отверг всякие сведения о том, что Штауффенберг находился под влиянием социалистических идей и настаивал на заключении мира не только с западными державами, но и с СССР. «Эту версию,— писал он,— следует самым решительным образом отвергнуть»[30].

---

[28] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, 1958, S. 161.
[29] Ibid., S. 201.
[30] Ibid., S. 136.

Ротфельс пытался представить фашизм как случайное явление в истории германского империализма. Согласно концепции Ротфельса, заговор представлял собой объединение всех «лучших сил» Германии и ставил перед собой цель «вернуть Германию на путь истинный», то есть на путь «нормального» империалистического развития. Ротфельс отверг поэтому всякие попытки отделить «левое крыло» заговора, то есть таких демократически настроенных деятелей, как Штауффенберг и Йорк, от основного ядра заговорщиков. Но, для того чтобы обосновать эту концепцию, он встал на путь отрицания несомненных фактов, на путь искажения взглядов демократически настроенных деятелей заговора, пытался приписывать им те же реакционные антисоветские цели, какие преследовали правые руководители заговора.

В соответствии с установками боннской пропаганды Ротфельс назвал руководителей заговора «передовым отрядом новой Европы, которая должна быть освобождена от национальной разобщенности и от всякого рода открытой или скрытой диктатуры»[31].

Тем самым заговор, по мнению Ротфельса, был событием, которое «предвосхитило» нынешний курс ФРГ и некоторых других западных держав на «интеграцию Европы» во имя достижения антисоциалистических и антисоветских целей.

Официальные историки ФРГ, такие как Ротфельс, опираются в своих трудах на мемуары Ульриха фон Хасселя, одного из руководителей реакционного крыла заговора. Его взгляды и оценки усиленно пропагандируются этими историками, так как они в основном совпадают с их собственными взглядами.

Ульрих фон Хассель — известный германский дипломат, который начал свою карьеру еще в веймарской Германии. Он выходец из аристократической семьи; его жена была дочерью гроссадмирала Тирпица. Когда Гитлер пришел к власти, Хассель занимал пост германского посла в Риме. До 1938 года он оставался на высших дипломатических должностях, а перед отставкой занимал пост посла Германии в Ватикане. К антигитлеровской оппозиции Хассель примкнул сразу же после прихода фаши-

[31] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, 1958, S. 176.

стов к власти, оставаясь при этом всегда на крайнем правом фланге этой оппозиции. Его дневники сохранились благодаря тому, что он отправлял копии своих записей в Швейцарию. Они содержат ценные сведения о заговоре.

Для оценки мемуаров Хасселя [32] особое значение имеют следующие моменты: автор их — сторонник самых минимальных реформ, которые даже по сравнению с Веймарской конституцией являются весьма куцыми. Он был тесно связан с монополистической верхушкой и крупными землевладельцами Германии и в заговоре выступал как защитник их интересов. Кроме того, Хассель — политик, придерживавшийся прозападной линии, то есть добивавшийся заключения сепаратного мира между Германией и западными державами и концентрации всей мощи германской армии для продолжения войны на Восточном фронте. Хассель — сторонник создания «сильной Германии», которая включала бы в свой состав и многие территории, захваченные Гитлером в ходе второй мировой войны. Он до своего ареста (Хассель был арестован сразу же после провала покушения на Гитлера и казнен 8 сентября 1944 г.) настаивал на том, чтобы в сепаратном мирном договоре были установлены для Германии границы 1914 года, то есть чтобы в состав Германии были включены обширные польские территории, а также оккупированная гитлеровцами Австрия.

Цель Хасселя заключалась в том, чтобы добиться выгодного для Германии мира, опираясь на мощь германской армии. Он все время предупреждал, что не следует откладывать заключение сепаратного мирного договора до той поры, когда гитлеровская армия потерпит решающее поражение, которое могло бы свести на нет надежды на выгодный мир. «Когда у нас уже явно исчезнут шансы на победу или когда останется очень мало таких шансов,— записал он в свой дневник,— мы уже ничего не сможем добиться»[33].

Хассель делал ставку на разлад между странами антигитлеровской коалиции, подчеркивая, что устранение Гитлера как раз и послужило бы исходной точкой для расхождения между союзниками. «Лишь после достижения этой цели (т. е. после устранения Гитлера. — *Д. М.*)

---

[32] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, Zürich, 1946.
[33] Ibid., S. 179.

могут и должны будут прорваться наружу эти разногласия»[34], — писал он.

Хассель решительно отвергал попытки Штауффенберга и Вернера фон дер Шуленбурга изменить односторонний прозападный курс заговорщиков и писал о том, что главной во внешнеполитической позиции заговорщиков должна быть ориентация на Англию.

Хассель был также противником каких бы то ни было действий «снизу» или решительных действий, направленных против всего гитлеровского режима в целом. Он возлагал свои надежды на бескровный «дворцовый переворот». План его заключался в том, чтобы заставить Гитлера отказаться от власти под угрозой коллективной отставки генералитета. После отстранения Гитлера в Германии, по планам Хасселя, должна была быть установлена монархическая власть, причем он предлагал возвести на престол кронпринца Вильгельма.

Во имя организации «дворцового переворота» в Германии он выступал за объединение усилий различных течений среди заговорщиков. Его дневники поэтому служат подкреплением для аргументации тех историков в Западной Германии, которые рассматривают заговор как единое целое, подчеркивая, что он представлял собой «единственную законную» форму сопротивления, и отвергая подлинно антифашистское движение против гитлеровского режима. Эти историки используют дневники Хасселя для подтверждения своей концепции, согласно которой не следует отталкивать деятелей типа Штауффенберга и Йорка, а необходимо изображать их сторонниками той же линии, которую защищал Хассель. Дневники Хасселя подтверждают, что сам автор придерживался подобных же взглядов.

Но эти взгляды Хасселя сосуществуют с критическими замечаниями по адресу ряда генералов, примыкавших к заговору, а также по адресу таких реакционно настроенных деятелей, как Герделер и Шахт. Он даже назвал Герделера «своего рода реакционером»[35], писал о «ненадежности» Шахта, заявлял, что его «безграничное честолюбие и неустойчивость характера»[36] оказали сильное влияние на его позиции.

[34] U. v. Hassel, Vom anderen Deutschland, S. 274.
[35] Ibid., S. 237.
[36] Ibid., S. 228.

Ротфельс, говоря о позиции Хасселя, подчеркивал, что он был связан также с демократическими кругами заговора, и в этом отношении его позиция отличалась от позиции Герделера, резко критиковавшего Штауффенберга и Йорка [37].

В дневниках Хасселя имеется материал, подтверждающий, что группа Штауффенберга придерживалась гораздо более демократических взглядов, чем официальное руководство заговора. Попытки примирить Герделера с Штауффенбергом успеха не имели. Это объяснялось тем, что такие люди, как Хассель, с одной стороны, не хотели вносить раскол в лагерь заговорщиков накануне «решающих действий», а с другой стороны, считали целесообразным привлечь к заговору и некоторые «радикальные» круги, для того чтобы иметь возможность представить заговор в глазах более широких масс населения как воплощение антифашистского движения в Германии.

Противоречивый характер носят труды историков и участников событий 20 июля 1944 г.— социал-демократов. Сохранив связи с рабочим классом, историки — социал-демократы уделяют внимание рабочему движению и признают даже роль коммунистов в движении Сопротивления; но, будучи в плену антикоммунизма, они стремятся возвеличить тех деятелей, которые придерживались прозападной ориентации и выступали против расширения рамок заговора. Это сближает некоторых социал-демократических историков с реакционными буржуазными историками.

В работах, выпущенных социал-демократической партией или отдельными социал-демократическими деятелями непосредственно после окончания второй мировой войны, еще признавалась роль Коммунистической партии Германии в движении Сопротивления и говорилось о некоторых фактах совместных действий социал-демократов и коммунистов. Но уже в этих книгах восхвалялся заговор 20 июля как проявление антифашистского движения. В 1946 году правление социал-демократической партии Германии распространило в рукописи так называемую «Белую книгу немецкой оппозиции». В ней перечислялись

---

[37] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, 1958, SS. 196—197.

имена антифашистов, которые подверглись преследованиям или были убиты фашистскими палачами. Данные, приведенные в «Белой книге», неопровержимо доказывали, что гитлеровский террор был направлен прежде всего против германского рабочего класса, против коммунистов и социал-демократов, выступавших в передовых шеренгах борьбы против фашистского режима. Но вместе с тем в «Белой книге» дана совершенно неправильная характеристика заговора 20 июля. Книга прославляла реакционных руководителей заговора, пытавшихся в конце войны спасти германский империализм, пожертвовав Гитлером, потому что они будто бы выступали за мир, опираясь на широкие слои немецкого народа. В предисловии к «Белой книге» указывалось, что в годы второй мировой войны «внутри Германии произошло событие, которое показало стремление значительных сил немецкого народа свергнуть собственными силами гитлеровский режим и прекратить войну. То было движение за мир (?) 20 июля 1944 г. Оно опиралось на представителей широких слоев немецкого народа от социал-демократов и профсоюзных активистов до антифашистски настроенных католиков и консервативных элементов. Эта попытка свергнуть режим военной катастрофы революционными средствами, взаимодействуя с частью армии, была, как явствует из сообщений немногих оставшихся в живых руководителей движения, тщательно подготовлена на широкой основе»[38].

Характерно, что, подробно описывая связи социал-демократов с кругами заговорщиков, авторы «Белой книги» умолчали о контактах, установленных социал-демократическими функционерами с руководителями коммунистического подпольного движения.

С реакционных позиций составлена изданная правлением социал-демократической партии Германии «Летопись социалистического движения». В ней полностью замалчивается борьба Коммунистической партии Германии против фашизма и войны. На подобной же позиции стоит Густав Носке, который в своих воспоминаниях «Переживания периода восхождения и упадка де-

---

[38] Цит. по «Проблемы истории второй мировой войны», ИЛ, 1959, стр. 293—294.

мократии в Германии» солидаризируется с целями реакционного руководства заговором 20 июля 1944 г.[39]

Движению Сопротивления и заговору 20 июля посвятил свои воспоминания социал-демократ Эмиль Хенк, участник «кружка Крейзау». Эмиль Хенк рисует внешнеполитические планы «кружка Крейзау», отмечая, что, согласно этим планам, «Германия не должна была блокироваться с западными державами против Востока или, наоборот, с Советским Союзом против западных держав»[40]. Хенк описывает также нелегальную деятельность некоторых социал-демократических руководителей, в частности Лейшнера. Он указывает, что Лейшнер создал «невидимую сеть» ячеек, которая охватила всю Германию. Но заговор Хенк рисует как высшее проявление антифашистской борьбы, совершенно игнорируя узкоклассовые цели его реакционных руководителей.

Книга видного социал-демократического журналиста Иоганнеса Мюллера «Падение в пропасть» рисует заговор 20 июля как единственно возможный путь свержения фашистского режима. Касаясь последствий поражения заговорщиков, Мюллер пишет: «С провалом 20 июля был прегражден последний путь к освобождению Германии от Гитлера и его сподвижников. Страдающий и истекающий кровью народ остался закованным в железной клетке, из которой не было никакого выхода»[41]. Мюллер оправдывает заговорщиков, не сумевших установить связи с широкими массами народа: «По причине того, что необходимо было держать в строжайшем секрете план восстания, не было возможности создать для него необходимой широкой базы в народе» [42].

В более поздних публикациях социал-демократических авторов усиливается прославление реакционного крыла заговорщиков и антикоммунистическая тенденция.

В сочинениях социал-демократических деятелей — Штампфера, Зиверинга, Лёбе[43] и др. — не отражена

[39] G. Noske, Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie, Offenbach, 1947.

[40] E. Henk, Die Tragödie des 20. Juli 1944. Ein Beitrag zur politischen Vorgeschichte, Heidelberg, 1946, SS. 29—30.

[41] J. Müller, Sturz in den Abgrund, Offenbach, 1947, S. 14.

[42] Ibid., S. 13.

[43] P. Löbe, Der Weg war lang, B., 1954; F. Stampfer, Die 14 Jahre der ersten deutschen Republik, Hamburg, 1953; C. Severing, Mein Lebensweg, Köln, 1950.

борьба истинных антифашистов из рядов рабочего класса против гитлеровского режима, но подняты на щит реакционно настроенные руководители заговора 20 июля.

В сборнике биографий участников немецкого движения Сопротивления, изданном Анnedорой Лебер, отсутствуют биографии борцов против фашизма — коммунистов[44].

В таком же духе выдержана книга социал-демократического историка Вальтера Хаммера «Парламент в руках палача»[45]. Она содержит 557 биографий депутатов парламентов: рейхстага, ландтагов, подвергавшихся преследованиям в годы гитлеровского режима. Среди них лишь несколько — биографии депутатов-коммунистов. Автор явно пренебрег данными об участии руководящих деятелей КПГ в подпольной борьбе против фашизма. Основное внимание автор сосредоточил на биографиях высших чинов Веймарской республики, которые фактически никакого отношения к движению Сопротивления не имели, как, например, бывший канцлер Аденауэр, который, как известно, получал от гитлеровского правительства высокую пенсию, как обер-бургомистр Кёльна.

В работах крайне реакционно настроенных историков события заговора 20 июля 1944 г. изображены уже в совершенно превратном виде, и эти работы используются для разнузданной антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

Таковы книги известного западногерманского историка Войцвера Герлица.

Главная цель книги Герлица — обелить германский генеральный штаб. Поэтому значительное место в своих трудах он отвел доказательству тезиса о том, что заговор был делом рук генералов и что тем самым генералитет засвидетельствовал свои антигитлеровские устремления. Герлиц утверждал, что в условиях фашистской диктатуры вне армии вообще немыслима борьба против фашистского режима: «В полицейском государстве оппозиция вообще не могла установить контакта с массами и развернуть среди них пропаганду. В таком государстве восстание масс не могло быть первым шагом к государствен-

[44] A. Leber, Das Gewissen steht auf, B.— Fr. am/M., 1954.
[45] W. Hammer, Hohes Haus in Henkers Hand, Fr. am/M., 1956.

ному перевороту, и лишь овладение аппаратом военного командования могло сулить успех»[46].

Еще более определенно сказал об этом Герлиц в книге «Вторая мировая война». По его мнению, человеку за станком, простому крестьянину или солдату вообще было невозможно понять угрозу, нависшую над Германией. Это могли понять лишь деятели, которые занимали высшие посты в армейском руководстве и в чиновничьем аппарате. «Поэтому,— заключил Герлиц,— кризис разразился сильнее всего именно в высших штабах — генеральном штабе, в штабе резервной армии, в разведывательном ведомстве, в штабах различных командующих фронтами и войсковыми группами»[47].

Другой тезис, который защищает в своих книгах Герлиц,— это преемственность политики сговора немецкой реакции и агрессивных империалистических кругов США и Англии. Именно в заговоре 20 июля 1944 г. пытается он найти исторические корни этой политики, причем наиболее выдающимися представителями подобного курса Герлиц опять-таки рисует деятелей германского генерального штаба. Он утверждает, что гитлеровский генеральный штаб видел «опасность» разлада между германскими милитаристами и англо-американской реакцией и выступал сторонником заключения сепаратного мира между Германией и западными державами. Представляя германский генеральный штаб носителем идеи сепаратного мира с США и Англией, Герлиц обвиняет западные державы в том, что они не поняли истинных устремлений германской военщины и недостаточно пошли навстречу ее планам заключения сепаратного мира.

Герлиц утверждает, что в лагере заговорщиков не было никаких существенных разногласий по внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам. Поэтому, с его точки зрения, Штауффенберг, Йорк, Тротт и некоторые другие демократически настроенные деятели заговора полностью разделяли воззрения Герделера.

Правда, Герлиц вынужден признать, что Штауффенберг был представителем «реалистической политической концепции», выражавшейся в его стремлении установить

[46] W. Görlitz, Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1657—1945, Fr. am/M., 1950, S. 656.
[47] W. Görlitz, Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Stuttgart, 1952, SS. 297, 299.

«социальную республику»[48], то есть демократический режим в Германии. Но в целом Герлиц рисует Штауффенберга ярым сторонником прозападного курса Герделера. Уже в работе «Германский генеральный штаб» он пишет, что «в военном отношении Штауффенберг добивался... немедленного заключения перемирия на Западе... с тем, чтобы перебросить все боеспособные дивизии, и в особенности танковые войска, для удержания Восточного фронта»[49]. В работе «Вторая мировая война» он изображает Штауффенберга чуть ли не главным противником требований о том, чтобы закончить войну одновременно как на Западном, так и на Восточном фронтах и ввести демократический режим в Германии. В изображении Герлица Штауффенберг выглядит самым заядлым милитаристом, сторонником антисоветского альянса между германской реакцией и реакцией западных стран. Основные его усилия, согласно Герлицу, были направлены лишь на то, чтобы «предотвратить сползание масс к большевизму», потому что он яснее других «видел опасность большевизма» и даже «выступал за отсрочку даты покушения на Гитлера, ожидая вторжения западных войск на континент»[50].

В книгах Герлица ярко отразился процесс фашизации всей западногерманской общественной жизни. Они заполнены клеветническими выпадами против Советской Армии и советской внешней политики. В работе «Вторая мировая война» Герлиц договаривается по существу до защиты фашистского режима, называя его «революционным режимом», принесшим «простому немцу» немало благ. Историю заговора он называет «историей несостоявшейся контрреволюции против не доведенной до конца революции»[51]. Он оправдывает позицию таких генералов, как Гудериан, сторонник «войны до конца».

Господствующее место в реакционной западногерманской историографии заняла концепция, сторонники которой признают «истинными» заговорщиками лишь самых махрово реакционных и профашистски настроенных деятелей, таких как Герделер, Попитц, Канарис, Небе, Роммель, Клюге.

[48] W. Görlitz, Der zweite Weltkrieg, S. 308.
[49] W. Görlitz, Der deutsche Generalstab, S. 654.
[50] W. Görlitz, Der zweite Weltkrieg, Bd. II, S. 311, 313.
[51] Ibid., S. 295.

Главными героями реакционных западногерманских историков стали участвовавшие в заговоре высшие чиновники гитлеровского рейха, разведчики и гестаповцы, фашистские фельдмаршалы и видные гитлеровские дипломаты, крупные финансисты и промышленники. Все другие деятели из среды буржуазной оппозиции, примкнувшие к заговору отчасти из действительно патриотических побуждений и искренне стремившиеся к смене фашистской власти демократическим режимом, клеймятся как «противники свободы», «агенты большевизма». Что же касается борцов движения Сопротивления «из низов», особенно коммунистов, то они именуются «предателями родины».

Основным источником для этих историков служат воспоминания одного из участников заговора из группы Канариса, бывшего работника «Абвера» — Гизевиуса.

Героями книги Гизевиуса являются реакционные деятели типа Шахта, Канариса, Попитца, Герделера. В их адрес он расточает похвалы и не скупится на лестные эпитеты. В Канарисе Гизевиус видит «одну из самых глубоких личностей» среди оппозиции, «космополита в мундире германского генерала»[52]. «Он (Канарис.— *Д. М.*),— по мнению Гизевиуса, — ненавидел насилие. Поэтому он ненавидел войну. Поэтому он ненавидел Гитлера и его систему»[53]. О Попитце Гизевиус пишет, что его личность произвела на него самое глубокое впечатление. «Он выстрадал немецкую и европейскую катастрофу»[54]. Герделер, по восторженному отзыву Гизевиуса, «самый выдающийся представитель» заговора.

Совсем иным становится тон Гизевиуса, когда он пишет о Штауффенберге. Гизевиус называет Штауффенберга представителем «милитаристского (?!) социализма»[55]. Гизевиус пытается обвинить Штауффенберга в симпатии к нацизму. Цель Гизевиуса заключается в том, чтобы всемерно скомпрометировать Штауффенберга.

В соответствии с картиной заговора, которую нарисовал в своих воспоминаниях Гизевиус, представители реакционной историографии подходят к оценке событий 20 июля 1944 г. Среди множества исторических трудов, в

---

[52] H. Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Bd. II, S. 231.
[53] Ibid., S. 232.
[54] Ibid. S. 221.
[55] Ibid., S. 289.

которых нашли отражение подобные реакционные взгляды, особого внимания заслуживают работы Герхарда Риттера.

Подход Риттера к оценке заговора 20 июля 1944 г. непосредственно связан с его общей исторической концепцией, с его реакционными взглядами на историю Германии вообще и историю второй мировой войны в частности. Риттер не признает причинной связи явлений в общем историческом процессе. Для него история — нагромождение случайностей. Ход истории, по Риттеру, определяется отдельными «сильными личностями», а мотивы поступков этих «сильных личностей» не поддаются учету. В своей работе «История как образовательный фактор» Риттер заявляет, что история относится к категории веры, подчинена «слепому случаю» и является «субъективным продуктом» действия отдельных личностей[56].

В соответствии с этой концепцией, Риттер объявляет единственно ответственным за то, что произошло в Германии в годы фашистского режима Гитлера. Выдвигая тезис о единоличной виновности Гитлера за все преступления фашизма, Риттер пытается снять вину с германской монополистической буржуазии, которая привела Гитлера к власти и поддерживала его во всех преступных действиях.

Риттер — ярый защитник германского милитаризма и германского генералитета. Ведет он эту защиту весьма последовательно. В своих работах он выдвигает тезис о том, что германская армия и ее руководители не играли никакой роли ни в дофашистской Германии, ни в гитлеровском рейхе.

Риттер пишет о том, что в период «демонической власти» Гитлера руководители германской армии пытались затормозить агрессивные приготовления фашистского руководства и намеревались использовать армию лишь в чисто оборонительных целях.

В книге, посвященной заговору 20 июля 1944 г. «Карл Герделер и немецкое движение Сопротивления»[57], Риттер прежде всего оспаривает утверждение, что заговорщики руководствовались стремлением предотвратить

[56] G. Ritter, Geschichte als Bildungsmacht, Stuttgart, 1949, S. 16.

[57] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1955.

поражение Германии. По Риттеру, они вообще не руководствовались соображениями военного характера. Решающее значение для оппозиционно настроенных офицеров и генералов имели не военные, а «общечеловеческие мотивы». Поэтому провал заговора был отнюдь не просто провалом руководящего ядра заговорщиков и даже не просто немецким явлением. Он имел общеевропейское и чуть ли не «общечеловеческое» значение. Это значение Риттер усматривает в том, что неудача покушения на Гитлера открыла дорогу «большевизму» в Европе. Основной смысл заговора Риттер видит в том, что в случае удачи планов заговорщиков было бы осуществлено создание общего антисоветского фронта всех сил реакции в западных странах.

Однако, подчеркивает Риттер, «общеевропейскую» (читай: антисоветскую.— *Д. М.*) направленность олицетворяли не все заговорщики, а главным образом руководители заговора и прежде всего Герделер. Наряду с основным своим героем — Карлом Герделером — Риттер возвеличивает таких людей, как Гальдер, Штюльпнагель, Роммель, Шпейдель и др. Главным критерием для оценки того или иного деятеля заговора Риттер считает его «антибольшевистские» взгляды.

Особенно подробно Риттер описывает антисоветские установки Герделера и его окружения. Он заявляет, что руководители заговора рассматривали «борьбу против большевизма» в качестве исторической миссии Германии. Касаясь внутриполитической программы Герделера, Риттер также подчеркивает, что она главным образом была направлена против «угрозы коммунизма» и привела бы к созданию «устойчивого режима» в Германии. Риттер не стесняется выдавать проекты установления военно-бюрократического, монархического режима в Германии как намерение создать в стране... «народное государство». Он пишет, что то государство, которое имел в виду создать Герделер, было бы «подлинно народным и даже, можно сказать, рабочим государством»[58].

Именно с антисоветской и антидемократической меркой Риттер подходит и к оценке внешнеполитических проектов группы Герделера. Особенно рьяно Риттер про-

---

[58] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 288.

пагандирует так называемые «европейские планы» заговорщиков, усматривая в них прообраз современной политики «интеграции Европы», которую проводят ныне боннские правящие круги. Риттер подчеркивает, что в центре «европейских планов» Герделера было создание «сильной Германии» как «антибольшевистского форпоста».

Риттер полностью одобряет связи заговорщиков с разведывательными кругами западных стран. По его словам, эти связи доказывают лишь «патриотические побуждения» руководителей заговора. Он пишет, что все шаги по установлению контактов с западными державами предпринимались из чувства «национальной ответственности», для того чтобы «предотвратить развязывание несправедливой и, в конечном счете, безнадежной войны либо покончить с войной, избавив Германию от ее самых худших последствий»[59].

Но Риттер совершенно меняет тон, когда речь заходит о планах покончить войну одновременно на Западе и на Востоке и установить для этой цели связь как с западными странами, так и с Советским Союзом. Всех деятелей Сопротивления, придерживавшихся мнения, что неизбежно и необходимо будет войти в контакт с советскими представителями, Риттер называет «агентами» и «предателями». Особенно яростно он нападает на антифашистов из группы Шульце-Бойзена — Харнака, обвиняя их в том, что они «служили враждебной иностранной державе» и поэтому являлись изменниками «не только по букве закона»[60].

С этих же позиций Риттер нападает на Штауффенберга и Тротта. В оценке этих деятелей он полностью следует за Гизевиусом. Нападки Риттера на Штауффенберга и Тротта вызвали возмущение даже у Ротфельса. Он пишет, что «Риттер совершенно неправильно трактует меморандум Тротта, в котором тот выступает за установление контактов с Советским Союзом»[61]. Ротфельс указывает также, что всякого рода «соображения тактического порядка» привели к тому, что Риттер явно не смог оце-

---

[59] G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 103.

[60] Ibid.

[61] H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, SS. 206—207.

нить по достоинству Штауффенберга и «кружок Крейзау»[62].

Героями работ Риттера являются реакционно настроенные деятели заговора. Однако, возвеличивая Герделера и некоторых других руководителей заговора, Риттер подчеркивает, что он далек от мысли оправдывать заговорщическую деятельность в армии вообще. Он пишет, что события 20 июля следует рассматривать как «исключительный случай». Необходимо учесть, заявляет Риттер, «совершенно необычную ситуацию 1944 года». Желая угодить профашистски настроенным руководителям западногерманского бундесвера, Риттер готов даже отказаться от защиты заговорщиков.

В статье, написанной специально для сборника, который предназначался для повышения «политико-исторического уровня» офицеров бундесвера, Риттер заявляет, что поведение заговорщиков никоим образом не должно служить образцом для солдат и офицеров при «нормальных условиях» развития армии. Он считает, что каждый волен по-своему трактовать заговор и что участников заговора нельзя «ни обвинять, ни защищать»[63]. Тем самым позиция Риттера явно сближается с позицией западногерманских историков, которые вообще отрицают «законность» действий заговорщиков и рассматривают их как предателей, восставших против «законного руководства государством и армией», то есть против Гитлера. Риттер как бы наметил путь к «новой концепции», находящей все большее распространение в Западной Германии, согласно которой полностью оправдываются действия Гитлера и отвергается всякая его критика, даже когда она исходит от бывших его сторонников, видных представителей фашистского рейха.

Наряду с деятельностью Герделера в буржуазной историографии — причем не только в западногерманской, но и в английской и американской — всемерно анализируется деятельность и других представителей крайне правых кругов заговорщиков, в том числе Шахта, Канариса, Роммеля и других.

Уже существует довольно большая литература о дея-

[62] H Rothfel, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 12.

[63] Речь идет о работе «Schicksalsfragen der Gegenwart», в которой опубликована статья Риттера под заглавием «Der 20. Juli 1944. Die Wehrmacht und der politische Widerstand gegen Hitler».

тельности Шахта и его участии в заговоре 20 июля 1944 г. Многие западногерманские историки пытались умалить его роль в заговоре, опасаясь, что причисление его к заговорщикам «скомпрометирует» заговор. Однако сочинения Шахта[64] свидетельствуют о том, что Шахт был прекрасно информирован о планах заговорщиков и прочился на высокий пост в будущем правительстве Герделера. Шахт подчеркивает свою роль посредника в переговорах, которые велись между представителями западных держав и определенных кругов фашистской Германии. Шахт пишет, что он при этом широко использовал свои старые связи с финансовыми кругами Англии и США[65].

Еще более обширна литература о Канарисе. Мы уже приводили восторженные отзывы Гизевиуса о Канарисе. Весьма широкое распространение в ФРГ нашла книга известного западногерманского историка Карла Абсхагена[66]. Абсхаген называет Канариса «патриотом и гражданином мира». Он рисует его последовательным борцом против Гитлера, который руководствовался в борьбе чисто «гуманными» мотивами.

Особое место в исторической литературе, посвященной заговору, занимают книги о Роммеле. Пожалуй, нет ни одного гитлеровского генерала, о котором бы так много писали, как о Роммеле. Причины такого «особого» отношения реакционной западногерманской и англо-американской историографии к Роммелю отнюдь не в личных качествах фашистского фельдмаршала. Дело в том, что в штабе Роммеля на последнем этапе войны были составлены планы сепаратной капитуляции гитлеровских войск на Западном фронте. Роммель и его окружение намеревались капитулировать перед западными державами, для того чтобы перебросить освободившиеся войска для продолжения войны на Восточном фронте. Именно эти планы сепаратной капитуляции на Западе и сделали Роммеля столь популярной фигурой в лагере реакции как в Западной Германии, так и в Англии, и США.

[64] H. Schacht, Abrechung mit Hitler, Hamburg — Stuttgart, 1948; H. Schacht, 76 Jahre meines Lebens, Bad Wörishofen, 1953.
[65] H. Schacht, 76 Jahre meines Lebens, S. 532.
[66] K. H. Abshagen, Canaris. Patriot und Weltbürger, Stuttgart, 1950.

Литература о Роммеле включает прежде всего издаиные посмертно записки Роммеля «Войиа без иеиависти»[67]. Издателями записок Роммеля являются его жеиа Люси-Мария Роммель и бывший иачальиик штаба таиковой армии Роммеля в Африке геиерал-лейтеиаит Фриц Байерлейи.

Издатели записок Роммеля, разумеется, тщательио обработали бумаги гитлеровского фельдмаршала, чтобы придать им имеиио тот характер, который сделал столь популяриым Роммеля в глазах совремеиных защитииков идеи «священиого союза» германского милитаризма и аиглийской и американской реакции в борьбе против Советского Союза и страи социализма.

Операции фашистских войск по ликвидации вторгшихся в Севериую Фраицию армий союзииков Роммель рассматривает лишь как предпосылку для создаиия условий для заключеиия сепаратиого мира иа Западе. «Во всяком случае, — пишет ои, — пораже́ние в битве против вторгнувшихся армий озиачало, что мы потеряли последний шаис успехами у берегов Франции получить такие стратегические позиции, которые могли бы стать основой для политических соглашеиий иеоцеиимого зиачеиия»[68].

В книге Роммеля содержатся самые восторжеииые отзывы о США, которые также рассчитаиы иа то, чтобы представить Роммеля сторонииком союза между германской реакцией и агрессивиыми кругами аиглосаксоиских страи. По словам издателей бумаг Роммеля, гитлеровский фельдмаршал писал о США как о «самой сильиой державе мира». Более того, касаясь «высокого интеллекта и иициативиости» американских правящих кругов, ои указывал: «Имеиио подобиого рода люди лучше всего пригодиы для того, чтобы скоицеитрировать в своих руках власть над миром[69].

Немаловажиую роль в «героизации» образа Роммеля и в пропагаидироваиии идей парижской группы заговорщиков играют также работы Штрелииа[70]. Как земляк Роммеля и близкий его друг, Штрелии первый вошел в

[67] E. Rommel, Krieg ohne Hass, Herausgegeben von Frau Lucie-Maria Rommel und Generalleutnant Fritz Bayerlein, Heidenheim — Brenz, 1950.

[68] E. Rommel, Krieg ohne Hass, S. 386.

[69] Ibid., S. 398.

[70] K. Strölin, Stuttgart im Endstadium des Krieges, Stuttgart, 1952; K. Strölin, Verräter oder Patrioten? Stuttgart, 1950.

контакт с Роммелем с целью привлечения его к заговору. В своих работах он рассказывает, что его предложение было принято Роммелем, и излагает его условия присоединения к заговору: устранение Гитлера и проведение незамедлительных переговоров с западными державами, с тем чтобы добиться перемирия на Западе и переброски всех освободившихся войск на Восточный фронт. Штрелин сообщает также, что Роммель предполагал в будущем правительстве Герделера занять пост главнокомандующего вооруженными силами.

Цели пропаганды идей союза между германскими милитаристами и милитаристами в Англии и США преследует книга бывшего начальника штаба Роммеля во Франции — Ганса Шпейделя. Книга на $^{9}/_{10}$ посвящена описанию планов заключения сепаратного мира с Англией и США, которые вынашивались в штабе Роммеля.

Шпейдель рассказывает о том, что Роммель вошел в прямой контакт с союзниками и даже добился того, что было достигнуто нечто вроде «местного перемирия» для обмена тяжелоранеными солдатами, попавшими в плен. Он излагает также подробно меморандум Роммеля Гитлеру, в котором фашистский фельдмаршал требовал сделать «политические выводы» из создавшегося положения и заключить мир на Западе [71].

Большую работу о парижской группе заговорщиков и о Роммеле опубликовал западногерманский историк Вильгельм Шрамм [72].

Шрамм — один из наиболее реакционно настроенных историков в ФРГ, в работах которого можно обнаружить профашистские тенденции. Он рассматривает группу заговорщиков в Париже, которая наиболее ярко выражала устремления руководства заговором к заключению сепаратного мира на Западе, как единственную приемлемую для западногерманской реакции часть заговора. Шрамм подчеркивает, что Роммель и другие лица из его окружения пытались добиться принятия их плана «легальными» средствами, путем непосредственного обращения к Гитлеру, и встали на путь заговора лишь после того, как исчерпали все законные пути. В книге Шрамма содержат-

[71] H. Speidel, Invasion 1944: ein Beitrag zu Rommels und des Reiches Schicksal, Stuttgart, 1949, S. 91.

[72] W. v. Schramm, Der 20. Juli in Paris, Bad Wörishofen, 1953.

ся злобные аитнсоветские выпады. Ои пншет, что парижская группа заговорщнков олнцетворяла «дух свободы», и жалеет о том, что западные державы упустнли возможиость концентрацни всех войск гнтлеровской Германни иа советско-германском фронте для борьбы протнв «врага человечества», под которым этот фашнствующнй историк подразумевает Советскнй Союз [73].

С таких же сугубо апологетнческих позицнй иапнсана и кннга западиогермаиского историка Коха о Роммеле [74].

Итак, мы подошлн к открыто иеонацнстской лнтературе, главное назначение которой состонт в том, чтобы оправдать весь гнтлеровскнй режнм и основных его представителей — от верхушкн гнтлеровского рейха до рядовых эсэсовцев.

Прославлению эсэсовскнх отрядов посвящена книга одиого из руководителей эсэсовскнх войск Пауля Хойзера «Войска СС в бою» [75]. Автор рнсует эсэсовцев как носителей «европейской нден».

Еще более обшнриа литература, ставящая своей целью реабнлнтацню оставшнхся верным Гнтлеру генералов н германского геиерального штаба. Это воспомииаиня Гальдера, Кессельрннга, Манштейиа, Хойзнигера н др. [76] Во всех этнх кингах прославляется реакцноииая часть заговора н подчеркнвается антнсоветская иаправлениость ее плаиов.

На кннжиом рыике Западиой Германии появляется все больше кннг, имеющнх своей целью обелнть главиых руководнтелей фашнстской верхушкн. Прежде всего это посмертно издаииые запнси самих руководителей гитлеровского рейха. За последнне годы вышли воспомииання Деннца, Рнббеитропа, дневннкн Геббельса [77] н даже не опублнковаииая в фашистской Германнн кинга Гнтлера

---

[73] W. v. Schramm, Warum die Westlösung nicht verwirklicht wurde in «20. Juli 1944», Bonn, S. 47.

[74] См. L. Koch, Erwin Rommel. Die Wandlung eines großen Soldaten, Stuttgart, 1952.

[75] См. P. Hausser, Waffen — SS im Einsatz, Göttingen, 1953.

[76] См. K. Halder, Hitler als Feldherr, München, 1949; A. Kesselring, Soldat bis zum letzten Tag, Bonn, 1953; E. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955; A. Heuslnger, Befehl im Widerstreit, Tübingen—Stuttgart, 1950.

[77] См. K. Dönitz, 10 Jahre und 20 Tage, Bonn, 1958; J. Rlbbentrop, Zwischen London und Moskau, Leone am Starnberger See, 1953; «Tagebuch von Joseph Goebels 1925—1926», Stuttgart, 1960.

под названием «Вторая книга Гитлера» с введением, написанным Гансом Ротфельсом[78]; сочинения открытых сторонников гитлеровского режима: Эрнста Ремера[79], мемуары одного из сотрудников «имперской службы безопасности» Хеттля и одного из ближайших сотрудников Гиммлера Шелленберга[80].

В этих книгах излагается гестаповская версия заговора. Заговор изображается как попытка «клики офицеров» свергнуть «законный режим» в Германии, то есть режим Гитлера. Гестаповцы, выпустившие свои мемуары после войны, оправдывают зверства фашистских палачей и кровавую расправу СС и гестапо над заговорщиками.

В конце 1961 года в Западной Германии были опубликованы бумаги бывшего заместителя Гиммлера Кальтенбруннера. Книга формально издана частным архивом Петера под названием «20 июля — зеркало заговора»[81], однако за этой публикацией стоят весьма солидные силы неонацизма. Книга состоит из отчетов, подготовленных Кальтенбруннером для Гитлера. Тогда же вышла книга, посвященная возвеличению фашистского военного преступника, приговоренного в Нюрнберге к смертной казни — фельдмаршала Кейтеля «Генерал-фельдмаршал Кейтель — преступник или офицер? Воспоминания, письма и документы начальника верховного командования»[82]. Книга издана Вальтером Герлицем, который в предисловии старается взять под защиту фашистского фельдмаршала. Кейтель изображается как «пленник своей должности», который действовал лишь по принуждению и не нес никакой ответственности за фашистские военные преступления. Он восхваляется как «незаменимый организационный гений», который немало сделал для своей страны.

С этой точки зрения весьма характерен также доклад,

---

[78] См. «Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahre 1928», Stuttgart, 1960.

[79] E. Remer, 20. Juli 1944, Hamburg, 1951, S. 7.

[80] W. Hagen (Höttl), Die geheime Front, Linz—Wien, 1950; W. Schellenberg, The Labyrinth, N. Y., 1956.

[81] «20. Juli — Spiegelbild einer Verschwörung Herausgegeben vom Archiv Peter für historische und zeitgeschichtliche Dokumentation», Stuttgart, 1961.

[82] «Generalfeldmarschall Keitel — Verbrecher oder Offizier. Errinnerungen, Briefe, Dokumente des Chefs OKW», Herausgegeben von Walter Görlitz, Göttingen, 1961.

сделанный неким майором Трентцшом[83] перед высшими офицерами бундесвера в Зондхофене. Этот армейский пропагандист, которому было поручено выступить перед офицерами бундесвера с докладом на тему «Солдат и заговор 20 июля», весьма своеобразно пытается «оправдать» заговорщиков. Он подчеркивает, что главная цель заговорщиков состояла в том, чтобы не чинить никаких препятствий гитлеровским военным усилиям. Заговор произошел лишь тогда, когда война уже была проиграна, и заговорщики стремились лишь к тому, чтобы добиться максимально благоприятного мира. Никто из заговорщиков не участвовал в саботаже. В заключение своего доклада Трентцш заявляет, что каждый офицер волен сам определить свое отношение к заговору. «Никто не может предписать солдату, — пишет он, — как он должен оценить этих людей (т. е. заговорщиков. — *Д. М.*)»[84].

* * *

Анализ западногерманской историографии показывает, что события 20 июля 1944 г. являются предметом острой идеологической борьбы. Историки, публицисты, журналисты — сторонники реванша хотят использовать «идейный багаж» реакционной верхушки заговора, ее проповедь «крестового похода» против коммунизма в своих агрессивных целях. По этой причине Герделер, Попитц, Шахт и другие реакционно настроенные деятели заговора превозносятся официальной боннской пропагандой.

Однако в заговоре было и сильное прогрессивное крыло. Демократическая общественность Германии чтит память участников заговора 20 июля 1944 г., принадлежавших к этому крылу. Эти люди внесли свой вклад в общую антифашистскую борьбу немецких демократов, во главе которой стояли германские коммунисты. Они отдали жизнь в борьбе против фашизма и агрессии, за создание новой, демократической Германии, которая жила бы в мире со всеми народами Европы.

Правдивое изображение событий 20 июля 1944 г. имеет большое актуальное значение. Оно помогает борьбе прогрессивных сил не только в исторической науке, но и во всей современной политической жизни Германии.

[83] Major Dr. Trentzsch, Der Soldat und der 20. Juli, Darmstadt, 1956, S. 28.

[84] Ibid.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основоположники марксизма-ленинизма

Маркс К., Критика Готской программы, Соч., изд. 2-е, т. 15.

Ленин В. И., Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии, Полное собрание сочинений, т. 17.

Ленин В. И., Буржуазные дельцы-финансисты и политики, Полное собрание сочинений, т. 23.

Ленин В. И., Новейшие данные о партиях в Германии, Полное собрание сочинений, т. 23.

Ленин В. И., Чему не следует подражать в немецком рабочем движении, Полное собрание сочинений, т. 25.

Ленин В. И., О лозунге Соединенных Штатов Европы, Полное собрание сочинений, т. 26.

Ленин В. И., О германском и не германском шовинизме, Полное собрание сочинений, т. 27.

Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27.

Ленин В. И., О брошюре Юниуса, Полное собрание сочинений, т. 30.

Ленин В. И., Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, Полное собрание сочинений, т. 30.

Ленин В. И., Тетради по империализму, Полное собрание сочинений, т. 28.

Ленин В. И., Военная переписка (1917—1920), М., 1956.

Ленин В. И., О войне, армии и военной науке, тт. I—II, М., 1957—1958.

Ленин В. И., О внешней политике Советского государства, М., 1960.

Основные документы коммунистических и рабочих партий

«Программа Коммунистической партии Советского Союза» (Принята XXII съездом КПСС), изд-во «Правда», 1961.

«XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», Госполитиздат, 1962, тт. I—III.

«Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г.», Госполитиздат, 1961.

«Программные документы коммуиистических и рабочих партий капиталнстических стран Европы», Госполитиздат, 1960.
«35 лет Коммунистической партни Германии», ИЛ, 1955.
Пик В., Избранные произведения, Госполитиздат, 1956.
Ульбрихт В., К истории иовейшего времени, ИЛ, 1957.
Ульбрихт В., Избранные статьи и речи, Госполитиздат, 1961.
Liebknecht K., Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze, B., 1952.
Thälmann E., Bilder und Dokumente aus seinem Leben, B., 1955.
Pieck W., Reden und Aufsätze, Auswahl aus den Jahren 1908—1950, Bd. I—II, B., 1951.
Ulbricht W., Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen, Bd. I—III, B., 1953.
Grotewohl O., Im Kampf um Deutschland. Reden und Aufsätze, Bd. I—II, B., 1948.
Reimann M., Hebung des Klassenbewustseins und des Patriotismus der Arbeiterklasse, Referat auf der 20. Tagung des Parteivorstandes der Kommunistischen Partei Deutschlands am 5. und 6. Juni. B., 1955.

Документальные публикации

«Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 г. — июнь 1941 г)», т. IV, М., 1946
«Внешняя политика СССР. Сборник документов (июнь 1941г.— сентябрь 1945 г.)», т. V, М., 1947.
«Внешняя политика СССР. Сборник документов (сентябрь 1945 г.— февраль 1947 г.)», т. VI, М., 1947.
«Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», тт. I—III, Госполитиздат, 1946—1947.
«Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», тт. I—II, Госполитиздат, 1957—1958.
«Документы и материалы кануна второй мировой войны», тт. I—II, Госполитиздат, 1948.
«Новые документы из истории Мюнхена», Госполитиздат, 1958.
«Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы», Госполитиздат, 1959.
«Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов», тт. I—VII, Госюриздат, 1957—1961.
«Fall 12. Das Urteil gegen das Oberkommando der Wehrmacht, gefällt am 28. Oktober 1948 in Nürnberg vom Militärgerichtshof V der Vereinigten Staaten von Amerika», B., 1960.
«Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationallen Militärgerichtshof», Nürnberg, 1947—1949.
«Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry», Series D, L. — Wash., 1949—1956.
«A Decade of American Foreign Policy. Basic Dokuments 1941—1949», Wash., 1950.

«Elimination of German Resources for War. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Military Affairs», Wash., 1945.
«Das Potsdamer Abkommen und andere Dokumente. Kleine Dokumentensammlung. Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Bittel», B., 1957.
«Allierter Kontrollrat und Aussenministerkonferenzen. Kleine Dokumentensammlung. Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Bittel», B., 1959.
«Damit Deutschland lebe. Ein Quellenwerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf (Herausgeber: Schmidt W.)», B., 1959.
«Erkämpft das Menschenrecht. Lebensbilder und letzte Briefe antifaschistischer Widerstandskämpfer. Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK SEPD», B., 1958.
«Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung 1933—1945. Eine Auswahl von Materialen, Berichten und Dokumenten. Herausgegeben vom Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigung», B., 1958.
«Das Ende des Schreckens. Dokumente des Untergangs Herausgegeben von Erich Kuby», München, 1955.
«Das Dritte Reich in Dokumenten. Herausgegeben von Walter Anger», Fr. am/M., 1957.
«Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Herausgegeben von Walter — Hofer», Fr. am/M. — Hamburg, 1957.

Мемуары, дневники, записи, письма

Голль Шарль де, Военные мемуары, т. I, ИЛ, 1957; т. II, ИЛ, 1960.
Путлиц В. Г., По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата, ИЛ, 1957.
Шервуд Р., Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, тт. I—II, ИЛ, 1958.
Bernsdorff H. K, General zwischen Ost und West, Hamburg, 1960.
Bernadotte F., Das Ende, Zürich, 1945.
Bor P., Gespräche mit Halder, Wiesbaden, 1950.
Bormann M., The Borman Letters: the Private Correspondance between Borman and his Wife from Jan. 1943 to Apr. 1945, L., 1954.
Churchill W. S., The Second World War, vol. I—VI, L., 1949—1954.
«Ciano's Diary. 1939—1943», L., 1947.
Dönitz K., 10 Jahre und 20 Tage, Bonn, 1958.
Dulles A., Germany's Underground, N. Y., 1951.
Gisevius H. B., Bis zum bitteren Ende, Bd. I—II, Zürich, 1946.
«Goebbels — The Man Next to Hitler, being the Diaries of Rudolf Semmler», L., 1947.
Greiner H., Die Oberste Wehrmachtsführung 1939—1943, Wiesbaden, 1951.
Guderian H., Erinnerungen eines Soldaten, Heidelberg, 1951.
Hagen W. (Hoettl Wilhelm), Die geheime Front, Linz — Wien, 1950.
Halder F., Hitler als Feldherr, München, 1949.
Halifax C., Fullness of Days, N. Y., 1957.
Hassel Ulrich von, Vom anderen Deutschland. Tagebuch, Zürich, 1948.
Heusinger A., Befehl im Widerstreit, Stuttgart, 1950.
Hossbach F., Zwischen Wehrmacht und Hitler, Hannover, 1949.

Hull C., The Memoirs, vol I—II, N. Y., 1948.
Kersten F., Memoirs. 1940—1945, N. Y., 1957.
Kirkpatrick I., The Inner Circle, L., 1959.
Kordt E., Wahn und Wirklichkeit, Stuttgart, 1947.
Kordt E., Nicht aus den Akten, Stuttgart, 1950.
Kroslgk Schwerin von, Es geschah in Deutschland, Tübingen—Stuttgart, 1959.
Kühlmann R., Erinnerungen, Heidelberg, 1948.
Löbe P., Erinnerungen eines Reichstagspräsidenten, B., 1949.
Lossberg B., Im Wehrmachtsführungsstab Bericht eines Generalstaboffiziers, Hamburg, 1949.
Manstein E., Verlorene Siege, Bonn, 1955.
Meissner O., Staatsekretar unter Ebert, Hindenburg und Hitler, Hamburg, 1950.
Moltke Helmuth von, Letzte Briefe aus dem Gefängnis Tegel, B., 1957.
Moltke Helmut von, A German of Resistance, Oxford, 1948.
Müller J., Sturz in den Abgrund; die letzten zehn Monate, Offenbach, 1947.
Papen F. von, Memoirs, L., 1952.
Picker H., Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, Bonn, 1951.
Remer O. E., 20. Juli 1944, Hamburg, 1951.
Ribbentrop P., Zwischen London und Moskau, Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen, Leone am Starnberger See, 1953.
Rosenberg A., Memolren des ehemaligen Reichsministers Alfred Rosenberg, St. Gallen, 1947.
Rossbach G., Mein Weg durch die Zeit, Weilburg — Lahn, 1950.
Sauerbruch E. F., Das war mein Leben, Bad Wörrishofen, 1951.
Schacht H., 76 Jahre meines Lebens, Bad Wörrishofen, 1953.
Schacht H., Abrechnung mit Hitler, Hamburg — Stuttgart, 1948.
Schellenberg W., The Labyrinth. Memoirs, N. Y., 1956.
Schlabrendorff F., Offiziere gegen Hitler, Zürich, 1951.
Schultz J., Die letzten 30 Tage — aus dem Kriegstagebuch des OKW, Stuttgart, 1951.
Schweppenberg F. G. von, Erinnerungen eines Militärattaches, Stuttgart, 1949.
Scholl J., Die Weisse Rose, Fr. am/M., 1952.
Severing C., Mein Lebensweg, Köln, 1950.
Shirer W., Berlin Diary, N. Y., 1941.
Shirer W., End of a Berlin Diary, L., 1947.
Speidel H., Invasion 1944: ein Beitrag zu Rommels und des Reiches Schicksal, Stuttgart, 1949.
Steltzer T., Von deutscher Politik, Fr. am/M., 1949.
Strölin K., Verräter oder Patrioten?, Stuttgart, 1950.
Vermehren J., Reise durch den letzten Akt, Hamburg, 1947.
Weizsäcker E., Erinnerungen, München, 1950.
Wichert E. Dramatische Tage in Hitlers Reich, Stuttgart, 1952.
Zoller A., Hitler privat: Erlebnisbericht seiner Geheimsekretärin, Düsseldorf, 1949.

Литература

Безыменский Л. А., Германские генералы с Гитлером и без него, Соцэкгиз, 1961.

Б о р а т ы н с к н й С., Дпиломатня пернода второй мировой войны, Перевод с иемецкого, ИЛ, 1959.
В е с т ф а л ь З., К р е й п е В. н др., Роковые решення, Воениздат, 1958.
В и и ц е р О., 12 лет борьбы протнв фашнзма н войны, ИЛ, 1956.
Г и и ц б е р г Л. И. н Д р а б к н и Я. С., Немецкне аитнфашнсты в борьбе против гнтлеровской днктатуры 1933—1945, Изд-во АН СССР, 1961.
Г о л ь д ш т е й н И., Л е в н н а Р., Германскнй нмпернализм, Госполнтиздат, 1947.
Д ё р р Г., Поход иа Сталнинград, Военнздат, 1957.
К о в а л ь В. С., Правда о заговоре против Гнтлера 20 июля 1944 года, Изд-во АН УССР, 1960.
М ю л л е р - Г и л л е б р а и д Б., Сухопутиая армня Германни 1933—1945, ИЛ, 1958.
«Поражение германского нмпернализма во второй мнровой войне. Статьи и документы», Военнздат, 1960.
«Проблемы нсторнн второй мировой войны. Протокол иаучной сессии в Лейпцнге с 15 до 30 ноября 1957 года», ИЛ, 1959.
«Правда о полнтнке западиых держав в германском вопросе (Исторнческая справка)», Госполнтнздат, 1959.
П р н ц к о л е й т К., Кому прииадлежнт Германня. Хроника собствеиностн и власти, ИЛ, 1960.
Р о з а н о в Г. Л., Германня под властью фашнзма (1933—1945 гг.), Изд-во ИМО, 1961.
Р о з а и о в Г. Л., Последине дни Гнтлера (Из нстории крушення фашистской Германии), Изд-во ИМО, 1961
Р о т ш т е й и Э., Мюнхенскнй сговор, ИЛ, 1959
Т н п п е л ь с к н р х К., История второй мнровой войны, ИЛ, 1957.
«Фальснфикаторы нсторнн (Историческая справка)», Госполнтиздат, 1948.
A b s h a g e n C. H., Canaris, Stuttgart, 1949.
A l e x a n d e r H., Zwischen Bonn und London, Düsseldorf, 1959.
A s s m a n K., Deutsche Schicksalsjahre, Wiesbaden, 1950.
B a r n i c k J., Die deutschen Trümpfe, Stuttgart, 1958.
B a r t e l W., Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945, B., 1956.
B a r t z K., Als der Himmel brannte, Hannover, 1955.
B ä r w a l d H., P o l k e h n K., Bis fünf nach zwölf, B., 1960.
B l u m e n t r i t t G., Von Rundstedt, L., 1950.
B o l d t G., Die letzten Tage Reichskanzlei, Hamburg, 1947.
B o n h o e f e r D., Widerstand und Ergebung, München, 1956.
B r a u b a c h M., Der Weg zum 20. Juli, Köln, 1953.
B r e h m B., Der Trommler, Graz-Steyr, 1960.
B r y a n s J. L., Blind Victory, L., 1951.
B u l l o c k A., Hitler: A Study in Tyrany, L., 1952.
C h i c h e s t e r Bishop of (Dr. G. Bell), The Church, and Humanity, L., 1951.
C r a i g G., The Politics of Prussian Army 1940—1945, N. Y., 1955.
C r a n k s h a w E., Die Gestapo, B., 1959.
D a h r e n d o r f G., Julius Leber. Ein Mann geht seinen Weg, Fr. am/M., 1952.
D ö n h o f f G. M., Den Freunden zum Gedächtnis, in Memoriam 20. Juli 1944, Hamburg, 1946.

Duesterberg T., Der Stahlhelm und Hitler, Hannover, 1949.
Fraenkel K., Manvell R., Der 20. Juli, B., 1964.
Foerster W., Ein General kämpft gegen den Krieq, München, 1949,
Foertsch H., Schuld und Verhängnis, Stuttgart, 1951.
Foltmann J., Moller H., Opfergang der Generale, B., 1952.
Gibbon C. F., 20. July, N. Y., 1956.
Glondajewski G., Schumann, H., Die Neubauer — Poser-Gruppe, B., 1947.
Goerlitz W., Der deutsche Generalstab, Fr. am/M., 1950.
Goerlitz W., Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. 1—II, Stuttgart, 1951—1952.
Gerstemmaier E., Reden und Aufsätze, Stuttgart, 1956.
Hallgarten G., Hitler, Reichswehr und Industrie, Fr. am/M., 1955.
Hammer W., Theodor Haubach zum Gedächtnis, Fr. am/M., 1955.
Hammer W., Hohes Haus in Henkers Hand. Rückschau auf die Hitlerzeit, Fr. am/M., 1956
Hegner H., Die Reichskanzlei 1933—1945. Anfang und Ende des Dritten Reichs, Fr. am/M., 1959.
Hellwig J., Oley H., Der 20. Juli und der Fall Heusinger, B., 1959.
Henk E., Die Tragödie des 20. Juli 1946, Heidelberg, 1946.
Hermlin S., Der Leutnant York von Wartenburg, Singen, o/J.
Heydecker Joe, Leeb J., Der Nürnberger Prozess. Bilanz der Tausend Jahre, Köln—Berlin, 1959.
Hoem M., Halder, Schuld und Tragik, München, 1948.
Kern E., The Dance of Death, L., 1951.
Kielsmannsegg, Der Fritsch — Prozess 1938, Hamburg, 1949.
Koch L., Erwin Rommel: die Wandlung eines großen Soldaten, Stuttgart, 1950.
Köhler F., Die Befreiung Deutschlands vom faschistischen Joch, B., 1955.
Kogon E., Der SS-Staat: das System des deutschen Konzentrationslagers, Fr. am/M., 1959.
Krause J., Die Schumann—Engert—Kresse-Gruppe, B., 1960.
Kühnrich H., Der KZ-Staat, B., 1960.
Krüger J., Schulz J., Kriegsverbrecher Heusinger, B., 1960.
Leber A., Den Toden immer lebendigen Freunden, B., 1946.
Leber A., Das Gewissen entscheidet, B.—Fr. am/M., 1957.
Lehmann K., Widerstandsgruppe Schulze—Boysen—Harnack, B., 1948.
Liddel-Hart B., Jetzt dürfen sie reden. Hitlers Generale berichten, Stuttgart, 1950.
Lommer H., Das tausendjähzige Reich, B., 1947.
Lüdde-Neurath W., Regierung Dönitz: die letzten Tage des Dritten Reiches, Göttingen, 1951.
Meinecke, Die deutsche Katastrophe, Zürich—Wiesbaden, 1946.
Merker P., Deutschland — sein oder nicht sein, Mexico, 1945.
Michel K., Ost und West, der Ruf Stauffenbergs, Zürich, 1947.
Müller M., Eugen Bolz, Staatsmann und Bekenner, Stuttgart, 1951.
Müller W., Gegen eine neue Dolschstosslegende. Ein Erlebnisbericht zum 20. Juli, Hannover, 1947.
Nitzsche G., Die Säfkow — Jacob — Bästlein-Gruppe, B., 1957.
Norden A., Fälscher, B., 1959.
Olden R., Hitler, N. Y., 1936.

Oven W., Mit Goebbels bis zum Ende, B.—A., 1949.
Paetel R., Innere Emigration, N. Y., 1946.
Pechel R., Deutscher Widerstand, Zürich, 1947.
Pechel R., Zwischen den Zeilen, München, 1948.
Poelchau H., Die letzten Stunden, B., 1949.
Poelchau H., Die Ordnung der Bedrängten, B., 1964.
Puls H., Die Bästlein — Jacob — Abshagen-Gruppe, B., 1959.
Puttkammer J., Irrtum und Schuld. Geschichte des Nationalkomitées Freies Deutschland, B., 1948.
Pritzkoleit K., Die neuen Herren, Wien — München — Basel, 1955.
Rabenau F., Von Seeckt. Aus seinem Leben, Leipzig, 1940.
Reitlinger G., The SS — Alibi of a Nation, N. Y., 1957.
Reuter E., Der 20. Juli und seine Vorgeschichte, B., 1946
Riess C., Goebbels. Eine Biographie, Zürich, 1949.
Ritter G., Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1954.
Rosinsky H., The German Army, L., 1939.
Rothfels H., Die deutsche Opposition gegen Hitler. Eine Würdigung, Frankfurt am Main — Hamburg, 1958.
Schramm W., Rommel, Schicksal eines Deutschen, München, 1949.
Schramm W., Der 20. Juli in Paris, Bad Wörishofen, 1953.
Schirach H., Preis der Herrlichkeit, Wiesbaden, 1956.
Schluckner H., Überlebende, B., 1956.
Seabury Y., Die Wilhelmstrasse 1930—1945, B., 1956.
Seekt Hans von, Die Reichswehr, Leipzig, 1933.
Seekt Hans von, Die Zukunft des deutssenen Reiches, B., 1929.
Seekt Hans von, Gedanken eines Soldaten, B., 1929.
Shirer W., The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nasl Germany, N. Y., 1960.
Stanley Y., The Unforgotten, Boston, 1957.
Strölin K., Stuttgart im Endstadium des Krieges, Stuttgart, 1950.
Taylor T., The March of the Conquest, N. Y., 1958.
Thomée G., Der Wiederaufstieg des Deutschen Heeres 1918—1939, B., 1939.
Toynbee A., The Eve of War, L., 1958.
Trevor-Roper Hugh, The Last Days of Hitler, L., 1947.
Weinert E., Das Nationalkomittee «Freies Deutschland», Bericht über seine Tätigkeit und seine Auswirkung, B., 1957.
Weisenborn G., Der lautlose Aufstand, Hamburg, 1954.
Westphal S., Heer in Fesseln, Bonn, 1950.
Wheeler-Bennett J., Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945, Düsseldorf, 1954.
Young D., Rommel, L., 1950.
Zeller E., Geist der Freiheit. Der 20. Juli 1944, München, 1956.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абсхаген, Карл Гейнц — 279
Абсхаген, Роберт —43, 254
Аденауэр, Конрад — 271
Альбрехт, Фишер — 121
Андрэ, Эдгар — 254
Антонеску, Ион — 111
Асман, Курт — 8, 107

Б

Бадольо, Пнетро — 9, 11, 212, 219
Байерлейн, Фрнц — 280
Бакке, Герберт — 25, 245
Бек, Людвнг фон — 55, 58, 62—66, 73, 79, 81, 88, 89, 98, 99, 101, 103, 110, 111, 114—116, 122, 127, 133, 148, 150, 151, 157, 163, 164, 180, 184, 185, 208, 252, 256, 259
Белль, Джордж — 78, 79, 86, 205
Белов, Отто фон — 107, 241
Бернадотт, Фольке — 146, 240
Бернарднс, Роберт — 211
Бернсторф, Альбрехт фон — 70, 125, 153, 217
Бернсторф, Герман фон — 125
Бестлейн, Бернгардт — 41, 43, 46—50, 165, 167, 168
Бнсмарк, Отто фон — 149, 174
Блесснг, Карл — 127, 128
Бломберг, Вернер фон — 58—60
Боденшатц, Карл Гейнрнх — 107, 108
Болдт, Герхардт — 240
Больц, Евгенний — 128, 131
Бонхефер, Днтрнх — 78—80, 86, 96, 136, 137, 205, 217, 218
Бонхефер, Клаус — 120
Боргман — 107, 108
Борман, Мартнн — 143, 172, 173, 210, 213, 214, 224, 226, 234, 238, 241—243, 245
Бош, Карл — 118, 122
Бош, Роберт Аугуст — 118, 121
Бранденбург, Внльгельм — 147
Брандт — 107, 108
Браухнч, Вальтер фон — 60, 61, 63, 65, 76, 203, 204, 217
Браун, Ева — 242
Брокдорф-Рантцау, Ульрнх фон — 174
Брокдорф-Алефельд, Эрнх фон — 66
Брюнннг, Генрих — 117, 120, 252
Буверт, Ганс — 123
Бургдорф — 215, 238, 241
Буркхард, Карл — 92, 94

В

Вагнер, Эдуард — 82, 104, 177, 178, 181

Валленберг, Маркус — 78, 86
Валленберг, Якоб — 78, 86, 92, 94, 98, 99
Вальц, Ганс — 121
Ванснттарт, Роберт — 66, 202
Варлнмонт, Вальтер — 73, 107
Вайнерт, Эрнх — 41, 173
Вейзенборн, Гюнтер — 34, 210, 253—255
Вейцзеккер, Эрнст фон — 150, 235
Венк, Рнхард — 238
Венцель, Рихард — 167
Венцель-Тойченталь, Карл — 120, 121, 125
Верба, Франц — 37
Ветцель, Метч фон — 56
Внхерт, Эрнст — 34
Внннцер, Отто — 168
Внрмер, Иозеф — 128, 131, 213
Внрт, Йозеф — 153, 202
Внтцлебен, Эрвнн фон — 66, 76, 87, 114, 128, 134, 135, 175, 196, 211
Внтцлебен, Ион фон — 175, 182
Вольф, Карл — 94, 236

Г

Галнфакс, лорд — 67, 71, 200, 202
Гальдер, Франц — 6, 65, 72, 73, 140, 141, 178, 249, 276, 282
Геббельс, Иозеф — 16, 20—23, 92, 109, 111—113, 209, 210, 223, 234, 237, 238, 241—245, 282
Гепнер, Эрнх — 66, 110, 114, 115, 128, 134, 135
Герделер, Карл Фрндрнх — 23, 24, 28, 51, 77—79, 81, 83, 84—89, 91, 92, 94, 95, 98, 99, 103, 117—122, 124, 125, 127—131, 133—135, 144—147, 151, 152, 157, 158, 160, 161, 163—165, 172, 175, 176, 179—184, 187—210, 213, 249, 250, 252, 256, 259, 264, 267, 268, 272—279, 281, 284
Герннг, Герман Внльгельм — 20, 26, 59—61, 66, 102, 109, 144, 239—241, 250
Герлнц, Вальтер — 8, 239, 283
Герлнц, Войцер — 271—273
Герстенмайер — 81, 115, 154, 163, 256
Гесс, Рудольф — 124
Геслер, Отто-Карл — 129, 149
Гнзевнус, Ганс Бернд — 99, 102, 124, 136, 179, 207, 250, 274, 279
Гнммлер, Генрнх — 33, 72, 91—96, 102, 108, 109, 114, 137, 138, 144—147, 210, 211, 215, 224, 226, 231, 234, 236, 240, 241, 245, 246, 256, 283
Гннденбург, Оскар фон — 58, 62, 75
Гннденбург, Пауль фон — 117
Гнсслер — 30, 242
Гнтлер, Адольф — 4, 8, 9, 11, 14, 20, 23, 30, 32, 39, 40, 42, 49, 50, 52, 53, 55, 57—63, 65—70, 73, 74, 76—78, 80—86, 88—92, 94, 95, 97, 98, 101, 102, 104—113, 117—120, 126, 127, 129, 131, 134—144, 146, 149, 151—153, 157, 164, 165, 167, 169, 172—175, 177, 178, 180—182, 184—186, 191, 192, 196, 197, 199—201, 203, 210, 211, 214—217, 219—221, 223—225, 227, 228, 232—243, 246, 250, 252, 254, 255, 258—267, 269, 270, 273—279, 281—283
Глетт, Карл Фугер фон — 126
Глетт, Иозеф Фугер фон — 125
Гогенлоэ, Макс — 72
Гогенлоэ-Лангенбург, Эгон фон — 235
Гогенлоэ-Шиллнгсфюрст Хлодвнг — 72, 94
Грабовскнй, Отто — 44
Грассе, Герберт — 44
Граф, Внльгельм — 28, 29, 31, 254
Гренер, Внльгельм — 56, 57, 58, 62, 134
Губер, Курт — 29, 31, 32, 254
Гудернан, Гейнц — 7, 239, 273
Гуддорф, Внльгельм — 45

Д

Даллес, Аллен Уэльш — 92—95, 99, 124

Дарендорф, Густав — 129, 154
Дельп — 154, 256
Деннц, Карл — 61, 109, 242, 244—248, 282
Дона-Тольксдорф, Генрнх граф цу — 129
Доиаиьн, Ганс фон — 96, 136, 137

З

Заукель, Фрнц — 37, 38
Зейдлнц — 173, 182
Зейсс-Инкварт — 148, 242
Зейц, Карл — 129
Знг, Ион — 44, 45
Зольф, Вильгельм — 152
Зольф, Иогаииа — 97, 153, 210
Зонлейтер, Франц фон — 107, 175

И

Иден, Антонн — 12, 79
Иессен, Иенс — 151, 163, 185

Й

Йодль, Альфред — 61, 74, 105, 107, 242, 246, 247
Йон, Отто — 101, 107
Йорк фон Вартенбург, Петер граф — 81, 114, 116, 127, 154, 156, 157, 163, 164, 169, 172, 176, 177, 211—213, 215, 256, 257, 265, 267, 272

К

Кальтенбруннер, Эрнст — 116, 142, 146, 172, 173, 175, 182, 283
Канарнс, Вальтер Вильгельм — 65, 70, 96, 124, 135—139, 203, 210, 249, 254, 259, 273, 274, 278, 279
Квнргейм, Мерц фон — 114, 177, 181, 215
Квнслннг, Вндкун — 170
Кейтель, Вильгельм — 61, 63, 105—107, 110, 114, 234, 283
Керль, Ганс — 27
Керстен, Фелнкс — 95, 96, 240
Кессельрннг, Альберт — 282
Кнп, Отто Карл — 136, 153
Клаузевиц, Карл фон — 76, 134
Клейст-Шменцин, Эвальд Генрнх фон — 66, 126, 129
Клюге, Гюнтер фон — 76, 77, 84, 85, 87, 88, 92, 98, 101, 111, 114, 115, 176, 259, 273
Когон, Эйген — 17
Кордт, Теодор — 66, 150
Кордт, Эрнх — 67, 150
Кребс, Ганс — 238, 241—245
Крессе, Курт — 50
Крупп фон Болен унд Гальбах — 118, 119
Кукхов, Адам — 257
Кюнцер, Рихард — 153, 217
Кюхлер, Георг фон — 75, 77, 87

Л

Лампе, Адольф — 151
Лаигбен, Карл — 94, 95, 185
Лебер, Юлнус — 128, 130, 131, 154, 165—168, 179, 183
Лежен-Юнг, Пауль — 128, 131, 213
Лезер, Эвальд — 128, 131
Лей, Роберт — 217
Лейпельт, Ганс — 29
Лейшнер, Вилгельм — 127, 130, 131, 154, 165, 213, 270
Леиин В. И. — 53
Лендорф, граф фон — 77, 157
Лер, Роберт — 149
Лнбкиехт, Карл — 53, 135
Лнндеман, Георг — 181
Лнндеман, Фрнц — 82, 177, 181
Лундгрен, Арвид — 47, 48
Людде-Нейрат, Вальтер — 6, 247
Людендорф, Эрнх — 54, 55, 57
Люксембург, Роза — 135

М

Манштейн, Эрнх — 75, 176, 178, 191, 217, 282

Менге, Артур — 149
Мертц фон Квирнгейм, Альбрехт — 116
Мирендорф, Карло — 154
Мольтке, Гельмут Джеймс граф фон — 81, 97, 153—156, 158—165, 168, 214, 215, 249, 256
Монтгомери, Бернгард — 241, 246, 247
Муссолини, Бенито — 9, 11, 38, 106, 109, 111, 167
Мюллер, Иоганнес — 234, 270
Мюллер, Йозеф — 70, 96, 136, 137, 142, 210

Н

Небе, Артур — 138, 273
Нейбауэр, Теодор — 41, 42, 49—51, 254
Нейрат, Константин фон—59, 66
Никиш, Эрнст — 259
Ницше, Герхард — 165
Ницше, Фридрих — 47
Носке, Густав — 129, 269

О

Ольбрихт, Фридрих — 81, 84, 87, 88, 98, 109, 110, 114—116, 128, 143, 177, 178, 181
Остер, Ганс — 65, 70, 136—138, 210, 259

П

Паулюс, Фридрих — 20, 21, 83, 84
Пельс, Генри — 50
Пельхау, Гарольд — 154, 159, 256, 257
Пехель, Рудольф — 69, 121, 179, 218, 250—253, 260
Пик, Вильгельм — 41
Планк, Эрвин — 149, 185
Позер, Магнус — 42, 49, 50
Попитц, Иоганнес — 77, 81, 94, 95, 119, 127, 128, 144, 145, 151, 157, 163, 182, 184, 185, 188—190, 203, 249, 273, 274, 284
Пробст, Христофер — 28, 29, 31

Р

Редер, Эрих — 59, 61, 217
Рейнеке, Герман — 144
Рейтер, Иозеф — 148, 220
Рейхвейн, Адольф — 130, 131, 154, 165—168
Рейхенау, Вальтер фон — 75
Рейш, Ганна — 239
Рейш, Герман — 118
Реммер, Беппо — 43
Реммер, Отто — 113, 114
Ремер, Эрнст — 283
Рерл, Франц — 148
Риббентроп, Иоахим фон — 72, 93, 105, 107, 109, 149, 150, 235, 236, 239, 241, 246, 282
Риттер, Герхард — 82, 88, 92, 98, 117, 119, 121, 151, 162, 173, 181, 188, 191, 201, 205, 263, 275, 276—278
Роммель, Люси-Мария — 280
Роммель, Эрвин — 92, 100, 101, 140, 215, 216, 249, 254, 273, 276, 278—282
Ротфельс, Ганс — 65, 116, 123, 126, 162, 171—173, 261—265, 268, 277, 283
Рундштедт, Герд фон — 99, 101, 216, 217

С

Сект, Ганс фон —54—58, 76, 134
Скорцени, Отто — 116
Сэфков, Антон —41—43, 46—51, 165, 167, 168, 254

Т

Тельман, Эрнст — 40
Тирак, Отто-Георг — 33, 34, 213
Тойченталь, Венцель — 118
Томэ, Герхард — 54
Тресков, Хеннинг фон — 77, 81, 82, 85, 87, 98, 141, 175—178, 180, 181, 259, 260
Томас, Фердинанд — 122, 123, 168

Тротт цу Зольц, Адам фон — 71, 81, 102, 103, 149, 150, 154, 163, 164, 169—174, 176, 177, 179, 180, 189, 213, 256, 272, 277

У

Уилер-Беннет — 63, 68, 71, 82, 139, 140, 179
Ульбрихт, Вальтер — 41, 232
Уриг, Роберт — 41, 43, 254
Уэллес, Сэмнер — 72

Ф

Фалькенхаузен, Александр фон — 99, 123
Фалькенхайн, Эрих фон — 56
Фельгибель, Эрих — 102, 106, 108, 110, 178
Форбс, Джордж Оджильви— 69
Франко, Франсиско — 72
Фрезер, Леон — 124
Фрейслер, Роланд — 211—214, 229, 230
Фрейтаг-Лорингхофен, Вессель фон — 56, 90
Френкель, Генрих — 177
Фридебург, Ганс фон — 246
Фрич, Вернер фон — 58—60, 113
Фромм, Фридрих — 110, 113, 114, 116

Х

Хазе, Пауль фон — 112, 113, 114, 211
Хаммерштейн, Людвиг фон — 62, 66—69, 79, 134
Хаммерштей-Экворд, Курт фон — 133
Харнак, Арвид — 43—45, 257, 277
Хассель, Ульрих фон — 65, 71, 77, 81, 92, 119, 120, 123, 125, 128, 150, 151, 163, 164, 172, 182, 184, 185, 189, 190, 193, 200—203, 209, 213, 252, 256, 259, 265—268
Хаубах, Теодор — 154
Хельдорф, Вольф Генрих — 66, 109—114, 139, 213
Хенк, Эмиль — 154, 218, 270
Хермес, Андреас — 128
Хеттль, Вильгельм — 72, 93
Хефтен, Вернер фон — 104, 106, 110, 177, 181, 215
Хефтен, Ганс-Бернд — 114—116, 149, 154, 164
Хойзингер, Адольф — 74, 107, 140—143, 282
Хор, Самуэль — 72
Хофаккер, Цезарь фон — 101, 102, 111, 123, 214
Хупенкотен, Вальтер — 137, 146

Ч

Чемберлен, Невиль — 66, 68, 71
Черчилль, Уинстон — 12, 66, 78, 86, 93, 99, 100, 147, 236, 237, 240, 259
Чуйков В. И. — 242, 243, 245

Ш

Шахт, Гьяльмар— 119, 122—124, 140, 249, 252, 267, 274, 278, 279, 284
Шверин, Крозигк фон —245, 247
Шверин фон Шваненфельд, Ульрих Вильгельм граф — 177
Шеер, Ион — 41
Шенфельд, Ганс — 205
Шелленберг, Вальтер — 93, 96, 146, 240, 283
Ширер, Вильям — 59
Шлабрендорф, Фабиан фон — 69, 77, 81, 85, 122, 128, 180, 214, 218, 258—260
Шлейхер, Курт фон — 58, 62
Шлиффен, граф фон — 58
Шморелль, Александр — 28, 29, 31, 32, 254
Шнеллер, Эрнст — 41
Шиивинд, Отто — 120, 127, 128
Шолль, Ганс — 28, 29, 31, 32, 254
Шолль, Софня — 28, 29, 31, 32, 254

Шпейдель, Ганс — 276, 281
Шпеер, Альберт — 121, 245
Шперр, Франц — 148
Шрамм, Вильгельм фон — 281
Штауффенберг, Бертольд Шенк граф фон — 102, 115, 116
Штауффенберг, Клаус Шенк граф фон — 87, 89, 91—111, 114—116, 128—130, 134, 154, 164, 165, 169, 172, 173, 176—183, 197, 210, 215, 249, 257, 259, 264—266, 268, 272—274, 277, 278
Штауффенберг, Нина фон — 177
Штеккер, Вальтер — 41
Штельцер, Теодор — 149, 154, 158, 176, 255, 256
Штиф, Гельмут — 82, 85, 88—90, 102, 104, 106, 108, 141, 142, 177, 181, 182, 211, 212
Штрелин, Карл — 100, 121, 280, 281
Штюльпнагель, Карл Генрих фон — 111, 114, 115, 134, 135, 178, 214, 276
Шуленбург, Фридрих Вернер граф фон дер — 103, 128, 150, 154, 174, 176, 267
Шуленбург, Фриц Дитлоф граф фон дер — 66, 81, 102, 154, 160, 163, 256
Шульце-Бойзен, Гарро — 43, 44, 45, 257, 277
Шуман, Георг — 41, 42, 50, 51

Э

Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид 100, 101, 240, 241, 247
Эйкен, Вальтер — 151
Эльзасс, Фриц — 149, 153
Энгерт, Отто — 42, 50, 51
Эрзиль, Вильгельм — 120

Я

Якоб, Франц — 41—43, 46—51, 78, 165, 167, 168, 254
Янг, Десмонд — 92

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава первая. Гитлеровский тыл в 1943—1944 годах. Борьба немецких антифашистов во главе с Коммунистической партией против гитлеровской диктатуры 5

1. Поражения на фронтах и гитлеровский тыл 5
2. Развитие внутриполитического кризиса и немецкое движение Сопротивления 14
3. Коммунистическая партия Германии в авангарде борьбы демократических сил германского народа против гитлеровской тирании 39

Глава вторая. Возникновение планов «дворцового переворота» и основные этапы развития заговора против Гитлера 53

1. Взаимоотношения между генералитетом и Гитлером. Возникновение оппозиции в германской армии . . . 53
2. Основные этапы развития заговора против Гитлера . . 80

Глава третья. Характер верхушечной оппозиции против Гитлера, ее организация и методы 104

1. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года 104
2. Связи заговорщиков с монополистическим капиталом и юнкерством 116
3. Роль военщины и чиновничества в оппозиции 132

Глава четвертая. «Кружок Крейзау» и группа Штауффенберга 154

Глава пятая. Политическая программа верхушечной оппозиции против Гитлера. Причины провала заговора 20 июля 1944 г. 184

1. Внутриполитические проекты правого руководства оппозиции 184
2. Внешнеполитическая программа правых руководителей оппозиции 200
3. Расправа гитлеровцев над заговорщиками. Причины провала заговора 209

Глава шестая. Развал гитлеровского тыла. Победа свободолюбивых народов над германским фашизмом 222

1. Гитлеровский тыл в последние месяцы существования фашистского режима 222
2. Разгром гитлеровской армии и крушение фашистского государства 232

Глава седьмая. Заговор 20 июля 1944 г. и западногерманская историография 249

Библиография 285
Указатель имен 292

Даниил Ефимович Мельников

ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА В ГЕРМАНИИ

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Редактор *Г. М. Крылова*. Художественный редактор *Л. М. Воронцова*. Технический редактор *Е. А. Ерхова*. Корректор *Л. И. Шурупова*

А03037. Сдано в набор 17 III 1965 г. Подписано в печать 28 IV 1965 г. Формат $84\times108^1/_{32}$. Физ. печ. л. 9,375. Усл. печ. л. 15,375. Уч.-изд. л. 16,15. Тираж 50000 экз. Б 3 № 39—1964 г.—№ 3. Заказ 226
Цена 97 коп.

Издательство «Международные отношения» Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Ярославль, ул. Свободы, 97.

97 коп.